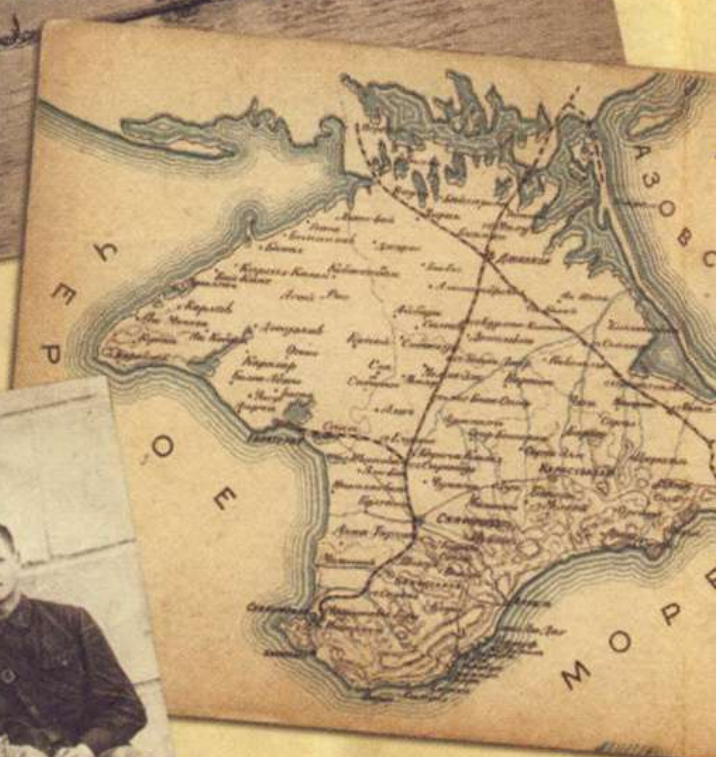
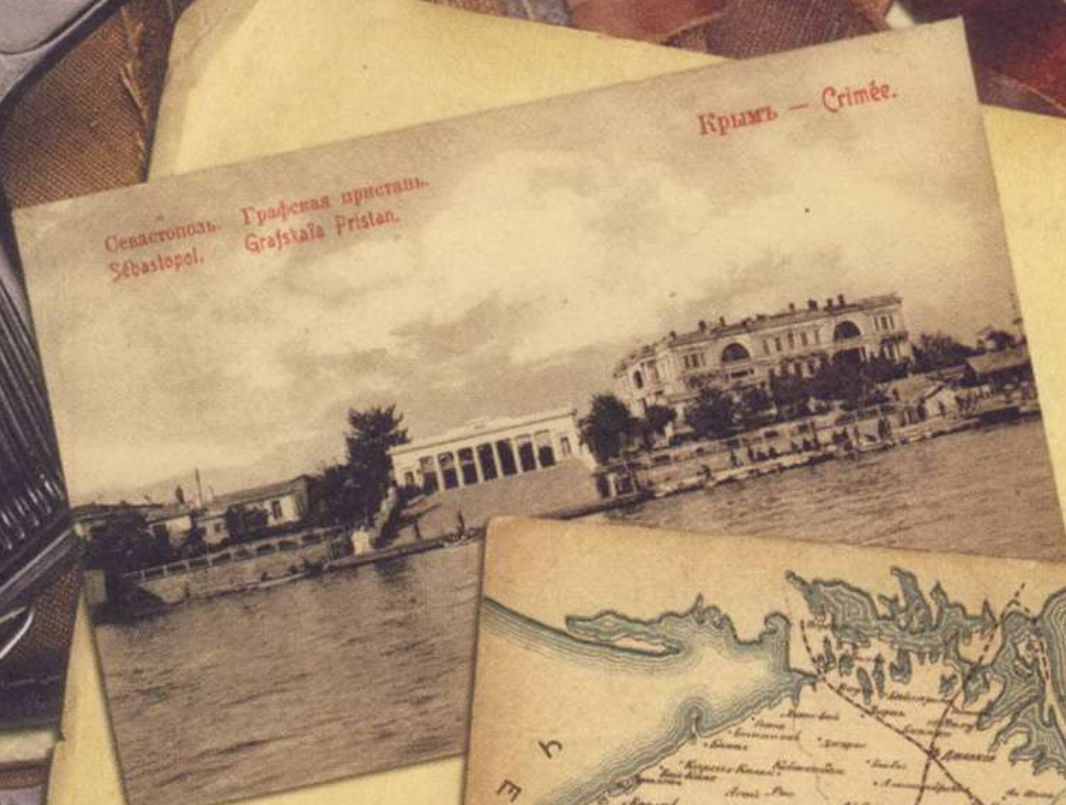
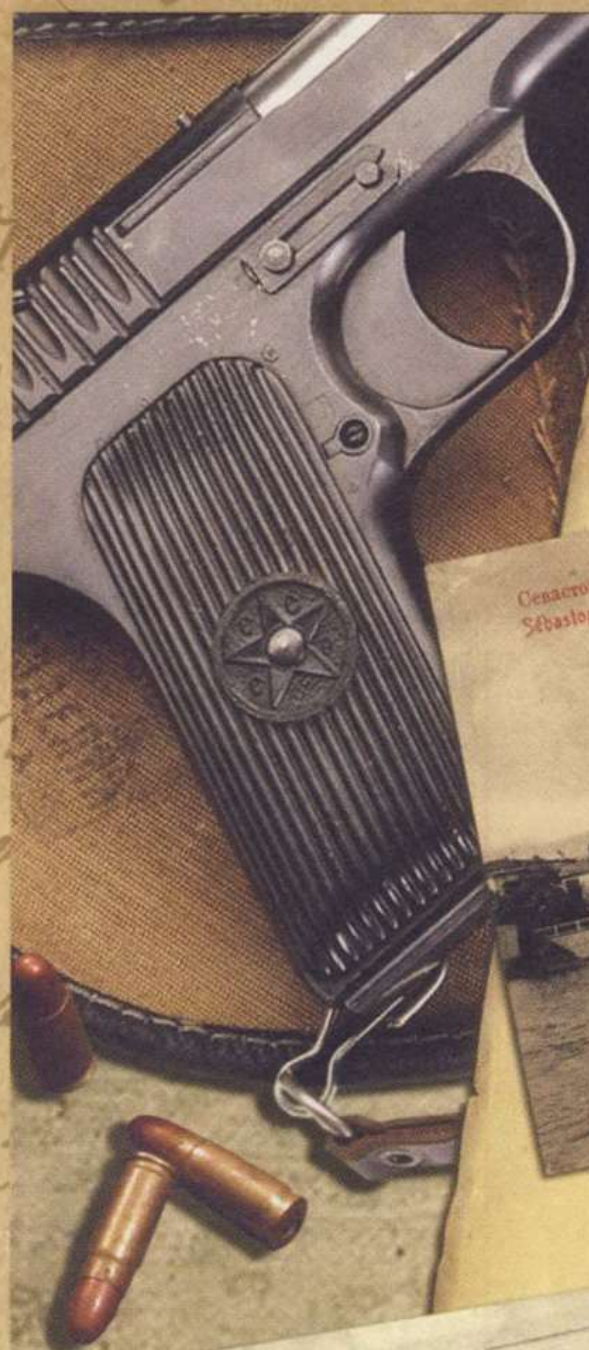

Е. М. Курцман

БЛИЗКИЕ ЗВЕЗДЫ

**ФРОНТОВОЙ
ДНЕВНИК**

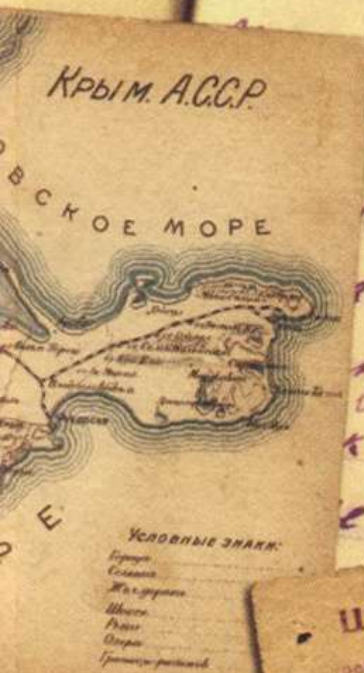
ПВДА

Комитета
3 июля 1941

Красного Флота
Все силы народа — на
Вперед, за нашу победу!

Выступление по радио
Государственного
В. СТАЛИН
3 июля 1941

Отвод и дивизии в т.ч. Севастополя.
Много дней продолжалась
на участке нашей дивизии. Не
все новые и новые силы, но
и войти к городу или не
маленькой горстке
такая бой превосходящих
рашищалась. Немцы иногда
нужды на несколько дней
когда не остава
е кем

ШТАБ
172-й
полк вой дивизии
21 июля 1941
21/0002

СПРАВКА

Выдана политруку тов. КУРЦМАНУ ЕФИМУ МОИТЕЕ-
ВИЧУ в том, что он действительно состоит на военной службе
в Действующей Красной Армии.

На его иждивении состоят:

Жена - ЕФИМОВНА Элеонора Исааковна
Дочь - КУРЦМАН Изабелла Ефимовна

Что подписями и приложением печати удостоверяется:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 172 СД
ПОЛКОВНИК /ДЕРНЕР/

ВОЕНКОМ ШТАБА 172 СД
БАТ. КОМИССАР /ХАЛИН/

солдаты
Севастополя
дивизии
валялись
танки
Немцы
нашей

*И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
Будет долго злоеищим казаться нам скрип сапогов,
Про войну будут детские игры с названьями старыми,
И людей будем долго делить на своих и врагов.*

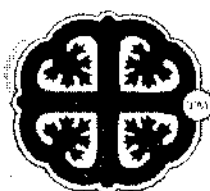
*А когда отгрохочет, когда отгорит и отплачется,
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять...*

Владимир Высоцкий
«Песня о новом времени»

Е. М. Курцман

БЛИЗКИЕ ЗВЕЗДЫ

**ФРОНТОВОЙ
ДНЕВНИК**

Н.Оріанда
видавництво

Симферополь

2015

ББК 63.3(2Рос.Крым)622

К 93

Курцман Е.М.

**К 93 Близкие звезды. Фронтовой дневник. – Симферополь: Н.Орианда, 2015. – 168 с., илл.
ISBN 978-5-9906395-2-2**

Впервые публикуются фронтовые мемуары участника Севастопольской обороны 1941–1942 гг. Ефима Моисеевича Курцмана, в послевоенные годы много лет возглавлявшего совхоз «Малореченский». Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Второе издание книги включает новый блок фотографий фронтового корреспондента Л.И.Яблонского, дополняющий рассказ автора о Великой Отечественной войне.

ББК 63.3(2Рос.Крым)622

Издание второе, дополненное

Дизайнер проекта *М.Семашин*

В книге использованы
фотоматериалы из семейного архива
и фотографии *Л.И.Яблонского*

ISBN 978-5-9906395-2-2

© Курцман И.Е., текст, 2011, 2015

© Яблонский Л.И., фотографии, 2011, 2015

© Семашин М., дизайн, 2011, 2015

БЛИЗКИЕ ЗВЕЗДЫ

Свет дальних звезд идет к нам годы, даже столетия. И мерцают в небе над нами звезды, возможно, уже давно погасшие, а для нас – живые, светящиеся, близкие. Наверное, так и с людьми происходит. Их давно уже нет на свете, а память о них живет, она, память, как свет звезды, проходит через годы, столетия, освещая путь тем, кто идет вослед. Путеводные звезды не дают сбиться с истинного пути, направляют и дарят надежду. И светят до тех пор, пока жива память о людях, ставшими такими звездами.

О человеке, чьи воспоминания вы сейчас будете читать, очень точно сказал писатель Марк Рывкин. Он так надписал свою повесть «И кривое станет ровным» тому, кто стал прототипом этой повести: «Настоящему герою повести, человеку удивительной судьбы, доброго сердца и чистой совести – Ефиму Моисеевичу Курцману с любовью и благодарностью за все сразу». И в приписке: «Все в равной степени относится и к Элеоноре Исааковне, так как я вас просто не разделяю».

В повести герой носит другое имя, но она о нем, о Ефиме Курцмане, и приведены в ней подлинные военные дневники Ефима Моисеевича.

Наверное, жизнь каждого человека заслуживает того, чтобы о ней написали книгу или сняли фильм. У кого-то это будет коротенькая сентиментальная повесть, кто-то удостоится длинного многоходового романа, у кого-то получится детектив, а у кого-то и на маленький рассказик событий не наскребется.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

30 октября 1941 г. — 4 июля 1942 г.

2 0 2 4 км

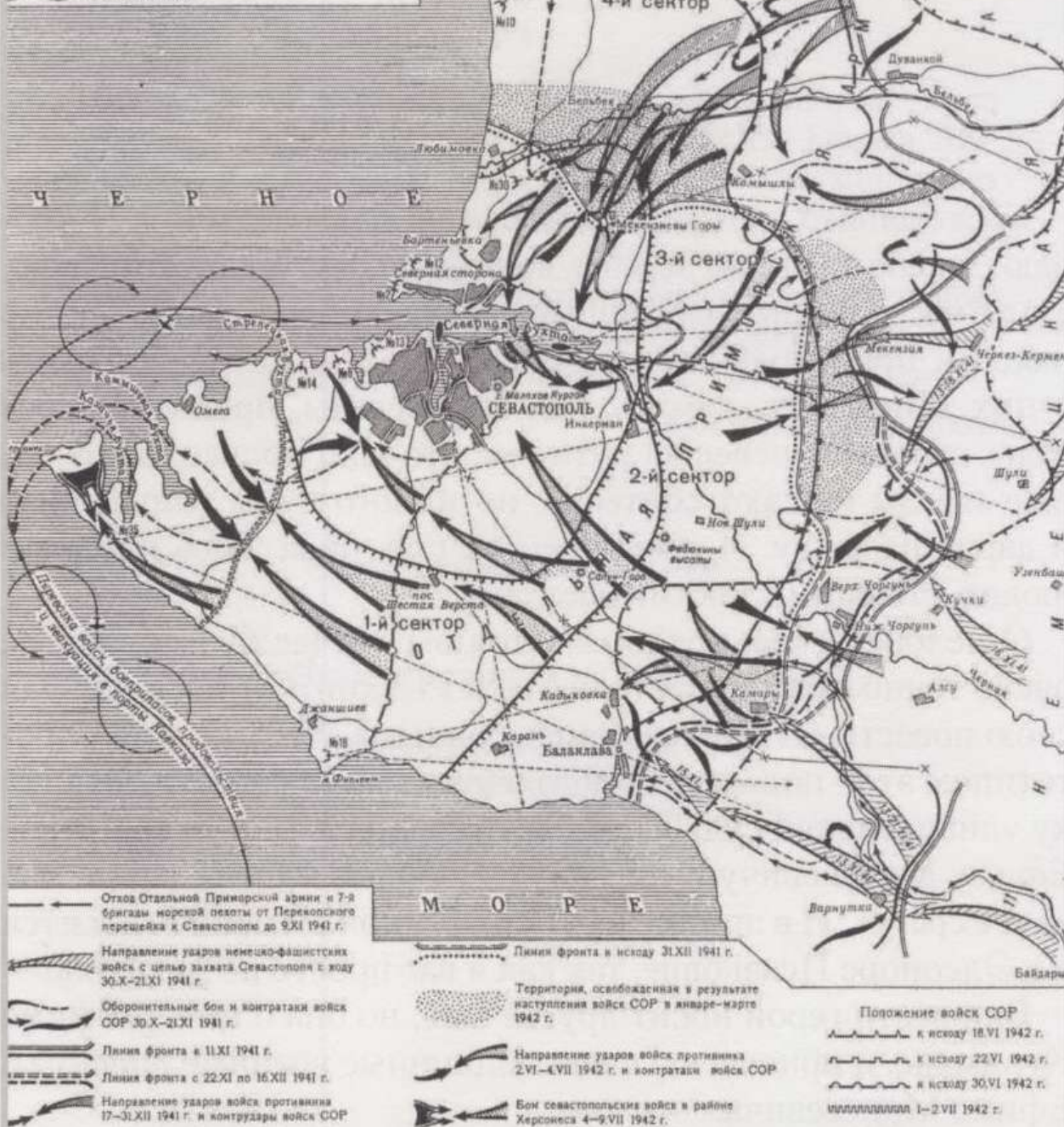
Губежи Севастопольского оборонительного района (СОР)

— передовой — главный — тыловой

Артиллерийская поддержка советских войск береговой артиллерией и кораблями Черноморского флота

Границы секторов обороны

Авиационное прикрытие советских кораблей и судов на переходе морем

Карта обороны Севастополя 1941—1942 гг.

Переход наших частей в атаку

Если бы снимали фильм о Курцмане, если бы экранизировали роман его жизни, получился бы приключенческий драматический фильм с элементами трагедии, с сентиментальными любовными переживаниями, патриотический и горький, но очень оптимистичный.

Главную часть этого сценария он написал сам — это его военные дневники. Ну казалось бы, столько всего о войне написано, столько снято, что можно добавить? И воспоминания фронтовиков уже все известны, и их отношение к событиям тех лет тоже. В том-то и дело, что тему эту так заездили, столько раз власть имущими менялась концепция ее восприятия, столько было на военной теме спекуляций, столько раз перекраивалась история, — и попытки эти до сих пор не прекращаются, — что живой голос оттуда, из того времени и из тех мест сейчас уместен и весьма актуален.

Этот документ особо важен тем, что это не воспоминания человека, в своей памяти отфильтровавшего некоторые события, уложившего их в некий нужный ему самому и в соответствии с требованиями времени порядок. Описываются события в режиме «здесь и сейчас». Все еще на глазах, все не

Севастополь в дни героической обороны

Приморская армия. Работники политотдела 172-й стрелковой дивизии.
Старший политрук Е.М.Курцман (нижний ряд, в центре)

Передислокация войск в Севастополе

пережито, а переживаемо. Это же дневники. Они писались карандашом, в перерывах между боями и походами, на клочках бумаги. Их читали бойцы, товарищи по оружию. Потом, перед пленением, он их уничтожит. А в госпитале восстановит, и пройдет все равно совсем немного времени, все будет свежо и не приукрашено, не причесано, все так, как было на самом деле.

Человек, писавший эти заметки, безусловно талантлив. Талантлив литературно. Он владеет словом, он внимателен к деталям, подробностям, а эти «мелочи» и есть плоть литературы настоящей. Он пишет свои наблюдения не ради славы, он не знает, станут ли они когда-нибудь достоянием аудитории, найдут ли читателя, — он честно выполняет некое поручение, свидетельствуя своим дневником. И это тоже признак настоящего писателя — работать, запечатлевать, не надеясь на публикацию, на отклик, просто выполнять то, что поручено свыше.

Послевоенные годы. В центре: Е.М.Курцман,
Л.И.Яблонский – фронтовой фотокорреспондент

они так думали и чувствовали. И нынешнему молодому поколению есть над чем подумать, читая подобные дневники, свидетельства тех лет.

Очень хотелось бы, чтобы эти дневники прочли антисемиты. Это гадкое явление, увы, все как-то бродит, то затухая, то поднимаясь. Эта болезнь то скрывается, как дурная, неприличная, то вновь становится чуть ли не предметом гордости. Пресловутая «пятая графа» была смертельно опасной тогда, во время войны, и после тоже, многие умерли от «космополитизма», приписываемого им. А здесь, в дневниках, графа эта не выпячивается, она добавляет страданий, и ставит людей, спутников автора, простых встречных, по обе стороны добра и зла. Каждый делает свой выбор. И автор их не осуждает. Он просто фиксирует этот выбор и благодарит тех, кто спасал, не оправдывая тех, кто предавал.

Свет его жизни, как свет близкой звезды, все еще не угас. Он указывает верный путь потомкам и вселяет надежду.

Н.Астахова

ПРОЖИВАЯ ЖИЗНЬ НАБЕЛО

Кем был в жизни автор дневников Курцман Ефим Моисеевич? Родился 4 декабря 1911 года в поселке Деражня близ Хмельницкого в рабочей семье. В 30-х годах – на комсомольской работе, служба в армии, был студентом Крымского сельхозинститута.

С 1941 года – на фронте. Политруком в составе 51-й Приморской армии, участник обороны Севастополя. Затем плен, побег, страшное ранение, при котором 22 осколка изрешетили его тело, а три осколка остались у сердца. В госпитале более пятнадцати месяцев, множество операций.

Награжден медалью «За оборону Севастополя». В мае 1942 года перед строем объявлено о награждении орденом Красной Звезды. Орден не был вручен, и Ефим Моисеевич никогда не обращался в соответствующие организации в поисках пропавшей награды.

В 1945 году с отличием закончил Крымский сельхозинститут, потом аспирантуру. Преподавал, его лекции с восторгом слушали студенты, но в пору оголтелого космополитизма было признано, что он не может заниматься преподавательской деятельностью. Заведовал отделением учебного хозяйства КСХИ, пришлось перейти на работу на винзавод главным виноделом, но опять-таки, из-за пресловутой «пятой графы», должность именовалась «старший агроном».

В декабре 1953 года его направляют, как 30-тысячника, председателем колхоза им. Ленина в село Малореченское. Приняв наиболее отсталое хозяйство Алуштинского райо-

**Группа виноградарей совхоза «Малореченский».
В центре – директор совхоза Е.М.Курцман. 1950-е гг.**

на, за короткий период выводит его в передовые, доводит урожайность винограда с 18 до 85 центнеров с гектара, табака – с 2–3-х до 7 центнеров с гектара. Приступая к работе, не позволял себе никаких кокетничаний, не давал никаких лишних обещаний. Твердо сказано было одно: «Обещаю, работать будем много и напряженно, но с долгами перед государством рассчитаемся и трудодни получите обязательно не в среднем, а конкретно по личному вкладу». Одна из его отличительных черт – слово никогда не расходилось с делом.

В 1954 году колхоз впервые рассчитался по долгам с государством.

В 1955 году колхоз и практически вновь созданный винзавод посетил В.М.Молотов «Как за неполных два года можно из самого отсталого хозяйства сделать это?» – восхитился он.

Что значит «Это»? Увеличение площадей под виноград и табак; посадка фруктовых деревьев и первый урожай косточковых; регулярная подача электроэнергии в село; детские

завтраки в школах и помощь школам; расширение машино-тракторного парка; создание участковой больницы (главврач – Э.И.Яблонская, жена Ефима Моисеевича); заработал клуб. Во главу угла была поставлена забота о людях. Как результат – резкое повышение производительности труда. Рост объемов урожая при высокой требовательности к труду и дисциплине. Рабочий день Ефима Моисеевича начинался в 6 утра, заканчивался не раньше 8–9 часов вечера.

В мае 1957 г. на базе колхозов им. В.И.Ленина и Н.С.Хрущева был организован винсовхоз «Малореченский», директором которого утвержден Е.М.Курцман. Под его руководством совхоз «Малореченский» становится одним из лучших в Крыму. Значительному увеличению объемов производства способствовали освоение новых (ранее считавшихся непригодными) земель под виноградники, реконструкция виноградников на базе шпалерной формы выращивания, применение передовых технологий в виноградарстве и табаководстве, значительное увеличение технического оснащения производства, в том числе за счет организации собственной механической базы. В совхозе был построен водовод орошения протяженностью 15 км, собственная электростанция мощностью 500 кВт. Введен в эксплуатацию винзавод, готовивший виноматериалы для лучших сортов массандровских вин (главный винодел – В.И.Голубев).

С 1957 года совхоз «Малореченский» становится участником ВДНХ. В этом же году Ефим Моисеевич награждается орденом Трудового Красного Знамени

В 1958 году Е.М.Курцман был удостоен Большой Золотой медали ВДНХ.

Совхоз «Малореченский» – это 4 села, многоотраслевое хозяйство, включая виноградарство, виноделие, производство табака для «Герцоговины Флор», яблоки, груши, персики, абрикосы, ягоды, сливы, миндаль, орехи и другое; рыболовство и ферма бычков. Это освоение новых площадей, причем речь идет об использовании земли в горной местности. Директор добился в «УШосДоре», чтобы асфальтированная трасса Алушта–Судак прошла через три села, а к

четвертому селу Генеральское со знаменитым водопадом Джур-Джур была проложена современная дорога; добился, чтобы линия электропередач (ЛЭП) обеспечивала все села стабильным электроснабжением.

Многokратно увеличился приток дачников (из Крыма) и курортников из других регионов, и, как следствие, – постройка в Малореченском и Рыбачьем современных пристаней для судов из Алушты, Ялты, Судака, Феодосии.

В совхозе хорошая заработная плата, пристойные условия труда, возможность лечиться в санаториях и домах отдыха Крыма и Украины; многие десятки тружеников были награждены орденами и медалями, а троим присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Слава о совхозе-курорте распространилась в столице и крупных промышленных центрах, что позволило создать базы отдыха, например, в Солнечногорском – Московского вертолетного завода, в Малореченском – Московского автокомбината при «Главмостстрое». При этом в совхоз поставлялись из соответствующих московских ведомств холодильники, мебель, телевизоры; даже был открыт книжный магазин.

База Криворожского трубного завода обеспечила возможность строительства канализации в совхозе. При помощи Московского приборостроительного завода, имевшего здесь свою базу отдыха, построили в поселке участковую многопрофильную больницу, куда приезжала на консультации крымская профессура, а прием вели 12 врачей специалистов.

В Рыбачьем располагалась база Харьковского политехнического института и Харьковского физтеха, дети работников совхоза имели льготы при поступлении в эти вузы.

В трех селах работали летние кинотеатры, а зимой во всех селах – клубы, которым совхоз оказывал существенную помощь.

Применение современных аграрных и научно-производственных методов позволило в течение многих лет иметь стабильные высокие урожаи по всем отраслям производства,

рам он любит бродить по улицам и смотреть в закопанные окна. Надвигается зима, так не найдешь. А впрочем, почему бы и нет? Каждое окно — кусочек чьей-то жизни, окно в чью-то Европу, а потому Генка приходит домой в общежитии с койкой, тумбочкой, книжки, книги. Витая по ней в разгуле, что-то вещает радио. Потом играет музыка. Потом радио замолкает. Сивые стены слышатся чуждо, смех, песни, звон посуды. Потом смолкают и эти призраки жизни. Генка садится писать письмо.

В далеком городке за московой мать живет и отец жил. Да в прошлое лето не стало. Род. Коварная зима. Их похоронили старика на Украине. Он там больше сорока лет жизни прожил. Профессор создавал профессором был. Не был в тридцать вето, уже шевелил его седые волосы. А теперь все то же, завершено, летит пыль на его могиле. Ветер. Днепр... А в далеком городке за Москвой мать живет. Молодая еще — всего пять ей жизней, у нее своя. А писем Генка ждет с нетерпением. Мать, но в это раз письмо останется недописанным. Писать пора чего.

Гамлет — склад, а не человек. Да пока не навешься из толпы этих «точечки», «других» и «кушечки» бедного. Над ним работало-то нечего. Усы, хлещи, айд! Это тебе не Гамлет, тем и жизнь отдать не жалко. Не, мамочки, ралли! — говорил Станиславский. Ему было легко. Он их не играл. Да, писательского. Хотя мать просила каждую неделю писать, хоть да слова — жив, здоров. Но уж если писать, так что-то стоящее, а то, что жив, здоров, это...

«Почитать? — думает Генка. — Нет, пожалуй». Генка гасит свет. Желая спать. Сон его беспокойный, как сон человека, у которого столько забот.

И валь куда-то же надо дописать письмо матери.

Марк Рывкин

И КРИВОЕ СТАНЕТ РОВНЫМ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Е.М. КУРЦМАНУ

Сегодня Аркадия Борисовича Гарсмана наградили орденом Ленина. Об этом узнали утром, в 11, когда в Борвиху привезли свежую почту из района и во всех газетах, центральных и местных, был напечатан Указ о награждении особо отличившихся работников сельского хозяйства Крыма. Троем из них было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, а дальше шел длинный список удостоенных орденов и медалей, и вот во главе этого списка под жирным заголовком «Орденом Ленина» стояла менее жирная строчка «Гарсмана Аркадия Борисовича», а дальше уже совсем не жирная «Директора борвиховского совхоза «Путь к коммунизму».

Когда секретарша Зиночка, запыхавшись, с газетой в руках, влетела в гараж, где Аркадий Борисович разбирал дело шофера Клячко, продавшего на сторону машину кирпича, никто из присутствующих об этом не знал. Ожидать — ожидали, из года в год, но выходили указы, а фамилия Гарсмана в них не появлялась, хотя совхоз их давно был лучшим в районе. А тут вдруг Аркадия Борисовича наконец наградили, и Зиночке чертовски хотелось сообщить ему об этом первой, но прервать директора она не решилась. Он сидел за столом начальника гаража, рисовал чертиков на бумаге, и голос его, спокойный и ровный, никак не соответствовал создавшейся ситуации.

— Ну, что ж это ты, Ваня? Теперь вот мне надо под суд тебя отдавать...

Ему действительно не хотелось портить жизнь этому молодому человеку, отцу двух детей, и он тут же замял бы дело, если б не одно обстоятельство.

— Ну, а что кирпич предназначался для строительства дома твоего напарника Ерохина, ты хотя бы знал, черт возьми! — снова спросил Аркадий Борисович.

Клячко не ответил.

«Не знал, не знал, ну скажи, что не знал, — вертелось в голове директора, — и ты останешься в моих глазах человеком».

— Знал, — тихо проговорил Клячко и опустил глаза.

Е.М.Курцман — прототип героя повести М.Рывкина
«И кривое станет ровным»

а виноматериалы винзавода пользовались в «Массандре» заслуженной славой, что позволило в дальнейшем создать собственные марки вина.

Машино-тракторный парк достиг свыше 100 единиц, были построены механические мастерские, создана строительная бригада и началось строительство жилья для работников совхоза, включая многоквартирные трехэтажные дома.

Были построены детсады и ясли во всех селах совхоза, а количество мест в них полностью удовлетворяло потребностям сельчан. Совхоз содержал своего детского врача и обеспечивал ясли и садики все необходимым.

На территории совхоза работали две школы-десятилетки и семилетка, детей привозили из сел на автобусах.

Горячие обеды подавались рабочим прямо на полевые станы.

При непосредственном участии Е.М.Курцмана разработана технология и построен первый в Советском Союзе холодильник круглогодичного хранения винограда. Этот опыт по

Е.М.Курцман – заместитель генерального директора
«Крымсовхозвинтреста». На субботнике. 1970-е гг.

просьбе первых секретарей ЦК Молдавии и Узбекистана Бодюла и Рашидова Курцман передавал в Кишиневе и Ташкенте. В 1965 году Ефим Моисеевич награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени, хотя, как и в первом случае, вышестоящими организациями был представлен к званию Героя Социалистического Труда.

Упорная, не всегда благодарная работа привела к тяжелому инфаркту, после которого Ефим Моисеевич перешел на работу в Симферополь.

С 1966 года он – заместитель генерального директора «Крымсовхозвинтреста». Высочайший профессионализм Е.М.Курцмана, прекрасные организаторские способности, доскональные знания в организации экономики и технологии виноградарства, садоводства, виноделия в значительной степени способствовали утверждению Крыма как наиболее передового региона СССР в этой отрасли сельскохозяйственного производства. Как результат – создание передовой технологии, экономически и научно обоснованной, по созданию условий выращивания винограда, фруктов, а также их хранению и поставке по всей огромной стране и за рубеж, включая полярные станции и космос, Кремль и королевские дома Европы.

Где бы ни работал Ефим Моисеевич, он уделял огромное внимание социальным аспектам труда. По его инициативе в Новом Свете была создана современная база отдыха для трудящихся ведомства с лечением, питанием, спортивно-развлекательной инфраструктурой.

Выжившие в той страшной войне, вернувшиеся победителями, они жили интенсивно, словно боясь чего-то не успеть. Они жили за себя и за тех, кто с той войны не вернулся. Они не жалели сил, не писали черновики, проживая жизнь свою сразу набело. Требовательные к другим, самый высокий счет они предъявляли к себе. Сердце Ефима Моисеевича не выдержало такой многолетней нагрузки – второй инфаркт, и его не стало в декабре 1975 года.

М.Шустерман

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945

Дневник Курицмана Ефима Моисеевича

ЦЕЛЬ МОЕГО ДНЕВНИКА

В настоящем своем дневнике, писанном в период пребывания в госпитале, мне хочется сделать заметки, вместо тех, которые мне пришлось уничтожить в Севастополе, чтобы не дать их в руки врагу, о боях за наш Советский Крым, особенно за период 250-дневной обороны славного Севастополя. Мне особенно дорог этот край, ибо там меня воспитала партия и комсомол, начиная с пионерского возраста до партийного руководителя вузовской парторганизации. Мне тем более известны события в Крыму 1941–1942 годов, ибо я был с момента создания 172-й стрелковой дивизии (а вначале 3-й стрелковой дивизии) до последних дней обороны Севастополя. Запись моих впечатлений мне облегчает то обстоятельство, что в политотделе я вел информационную работу, правдиво обобщая политическую работу, героику и недостатки частей. Мне теперь трудно вспомнить все фамилии героев нашей дивизии и их боевые дела, но и то, что я помню, ценно для меня, ибо, наряду с описанием личных переживаний (что является целью моего дневника), я хочу запечатлеть себе в памяти навечно жизнь, имена и дела многих товарищей, отдавших свою молодую жизнь за наш Крым, а значит, за нашу любимую Родину. Мне помнятся беспримерные факты героизма, хотя не помню фамилии и имена их исполнителей, но зато я буду помнить о них как о представителях могущественного народа.

План дневника

1. Объявление войны и мое участие в создании и обучении народного ополчения в Симферополе.

2. Мобилизация в Армии и первое назначение в 5-й танковый полк.

а) Формирование полка и обучение личного состава.

б) Первые бои под Перекопом.

- в) Героизм танкистов 5-го танкового полка.
- г) Расформирование полка и переход на другую работу.

3. Работа в политотделе 172-й стрелковой дивизии.

- а) Первый период работы – октябрь 1941 г.
- б) Второй период – ноябрь 1941 г. – июль 1942 г.

Севастополь

1. Формирование дивизии.
2. Декабрьские бои во II секторе.
3. Наступательные операции (январь – март).
4. Подготовка к майско-июньским боям.
5. Авиационное наступление.
6. Бои под д. Бельбек.
7. Оборона на новых позициях.
8. Некоторые героические подвиги.
9. Отвод нашей дивизии в тыл Севастополя.
10. Наше сопротивление после падения города.

4. Первый побег из рук врага.
5. Второй побег.
6. В селе Верхний Рогачик.
7. Переход через фронт к своим.
8. Ранение и первая помощь.
9. В госпитале.
10. Установление связи с семьей и товарищами.

ИЮНЬ–АВГУСТ 1941 г.

Объявление войны меня застало в Крымском сельхозинституте им. М.И.Калинина. Нет надобности описывать чувства, охватившие меня. Одно я знаю, что был уверен в правдивости нашего дела, а значит, в победе над коварным врагом. Эта уверенность была у меня всегда, даже тогда, когда мы терпели временные неудачи, когда был сдан Крым, а затем и Севастополь, когда я вынужден был бродить по украинским степям в поисках возможностей перебраться к своим после

падения Севастополя. Обо всем этом я напишу ниже. Период июнь – август я провел в институте, где вместе с партийной организацией готовили наш коллектив к участию в отпоре врагу. С утра до поздней ночи мы проводили работу по формированию народного ополчения и его обучению. Зная немного военное дело, я был назначен командиром одной роты, в которую и был включен коллектив нашего института. Обучали мы ополченцев строевой подготовке, знанию материальной части винтовки и пулемета, уставов РККА и много времени уделили инженерной службе, т.е. прорыли стрелковые окопы на участке, отведенном нашей роте, и участвовали в прорытии противотанкового рва вокруг Симферополя. Зная теперь, как строятся оборонительные окопы и рвы, могу сказать, что ополченцы честно поработали и правильно строили свою оборону. Не наша вина, что все эти окопы не были использованы для обороны Симферополя.

Вскоре после того, как семья моя, как и многие другие, была эвакуирована из Крыма, я получил повестку от военкомата, куда тотчас же явился и получил назначения в 3-ю стрелковую дивизию (переименована в 172-ю стрелковую дивизию). Назначен я был начальником передвижного клуба, был я тогда в звании младшего политрука (запаса). Однако, когда я явился в штаб дивизии, меня спросили, нравится ли мне такая работа, я ответил, что выполню любую работу, которая мне будет поручена. Увидев меня, старший инструктор политотдела Палин Михаил – бывший секретарь РК ВЛКСМ Симферополя (а до этого наш студент) пригласил меня к начальнику политотдела, где я получил назначение центрального инструктора по пропаганде 2-го мотомеханизированного полка (позже 5-го танкового полка). Через несколько часов после прибытия в штаб (в конце августа) я был направлен в Симферопольский животноводческий совхоз, где формировался этот полк.

Теперь для меня началась новая жизнь – жизнь военнослужащего, новая работа в условиях войны, которой я весь отдался и которую я полюбил так же, как полюбил этот замечательный коллектив танкистов.

СЕНТЯБРЬ 1941 г.

Кипучая работа началась в формируемом полку. Командный состав этого полка был исключительно молодой — все лейтенанты, окончившие школу танкистов, но уже после этого участвовавшие в боях. И.о. командира полка был назначен лейтенант Акименко, комиссаром — политрук (фамилию забыл) и начальником штаба — лейтенант Жуликов. Всю же работу фактически вел молодой товарищ, комсомолец лейтенант Жуликов. Полк пока состоял из 2-х рот: рота танков Т-34 и рота бронемашин. Стало прибывать пополнение, которое быстро обрабатывалось и включалось в подразделение. Танкисты ремонтировали машины, а командный состав обучал вновь прибывших. Была начата политическая работа (беседы, политзанятия, читки), а главное внимание обращено на изучение людей. Хороша машина Т-34, все были в восторге от этого танка, который не тяжел в бою, маневренен и дает достаточное количество огня.

Долго нам не пришлось быть в животноводческом совхозе. Приказом по 51-й Армии мы были переброшены ближе к фронту — в Симферопольский зерносовхоз. Вот здесь и началась настоящая подготовка к боям. Получили много мелких машин — Т-36 и Т-37, большое пополнение танкистов, и работа закипела. Во главе полка теперь стал майор Баранов и военкомом — старший политрук Гордаций. Политическая работа была усилена и проводилась в соответствии с главной задачей подготовки к бою. Военкомом полка вся эта работа была возложена на меня. С большой охотой принялся я за дело. Вместе с начальником штаба мы составили общий план боевой и политической подготовки. Я изучил командный состав и многих рядовых, окружил себя хорошим составом агитаторов, политгрупповодов, чтецов, редакторов боевых листков и другими товарищами. Секретарь партбюро Алексеев развернул партработу тоже, но слабее развернутой комсомольской работы. Описать все то, что было сделано, нет возможности. Достаточно сказать, что за 20–25 дней полк выглядел как самостоятельная единица. Неоднократные боевые тревоги выявляли недостатки, которые немедленно

устранялись. Командование 51-й Отдельной Армии признало возможным пустить полк в бой.

ПЕРВЫЕ БОИ ПОЛКА

25 сентября полк получил приказ прибыть к исходным позициям в район Бой-Казак 3. Под вечер того же дня мы двинулись в путь и ночью прибыли в указанный район. Не обладая способностью художественно изложить свои мысли, мне трудно описать чувства, охватившие меня при виде зрелища ночного боя, шедшего в эту ночь. Но это были чувства человека, впервые попавшего в бой. Позже я сам смеялся над собой: как я мог так нервно воспринимать видимое? Всю ночь противник бомбил наши передовые линии, особенно в районе Армянска. На рассвете мы получили приказ двинуться в бой. Без паники и суеты роты выступили навстречу противнику, сумевшему с помощью больших сил танков и авиации прорвать Перекоп и выйти к Армянску. Тремя направлениями двигался полк. Тут, очевидно, была допущена ошибка командованием дивизии (за что оно позже было снято), которое, раздробив полк, облегчило противнику сосредоточить огонь отдельно на роту Т-34, роту бронемашин и 2 батальона танкеток. Особенно тяжело приходилось последним, да и бронемашинам, которые, имея тонкую бронь, не могли выдержать удары противотанковых пушек и авиации. Наоборот, если бы весь полк был брошен на главный прорыв, то, следуя за Т-34, которые не боялись огня вследствие крепкой брони, могли теснить противника остальные роты легких машин. Как бы то ни было, полк мужественно принял бой, и его личный состав, пренебрегая смертью, бросился на противника. 26/IX многим машинам удалось прорвать линии немцев и давить своими мощными гусеницами пехоту и огневые точки врага; достигли Турецкого вала даже танкетки, шедшие на левом фланге, многие достигли 2-го эшелона противника. Однако пехота нерешительно следовала за танками. Объясняю себе я это тем, что абсолютное большинство

бойцов было из запаса, которые, не имея еще опыта войны, боялись оторваться от своих окопов, а на войне, как каждый знает, земля является надежным защитником при обороне. В этом я особенно убедился позже, в Севастополе. Не получив помощь пехоты, танки продолжали борьбу, пока хватало боеприпасов, одиночные танки подвергались смертельной опасности. Часть наших машин погибла, большинство же вернулось в разное время за боеприпасами. Первой печальной вестью была потеря командира роты Т-34 лейтенанта Акименко, который первый прорвался за Турецкий вал, но погиб. Героями вернулись водитель Топуридзе, командир взвода бронемашин Лазов, командир машины Копейка и др.

Самолеты противника не давали нам возможности заправлять танки, однако мы не считались с опасностью и тут же, в огне разрывов бомб, заправляли машины, которые возвращались в бой. Ожесточенными были бои 26–27 сентября, и все же противнику не удалось сколько-нибудь серьезно продвинуться. К исходу дня 26/IX в 50-м танковом полку истекли запасы снарядов. Ждали мы их до ночи, но какой-то паникер (впоследствии выявленный помощник командира дивизии по материальному обеспечению, убежавший из деревни Будановки, где был штаб, за что был расстрелян), добравшись до Воронцовки, заявил, что район, где находился наш полк, занят немцами, и шедшие машины с боеприпасами вернулись. Правда, противник обошел нас с двух сторон, но участок не был занят. Командир полка собрал работников штаба и сказал, что любыми способами надо доставить к утру боеприпасы. Он спросил, кто добровольно возьмется за эту почетную задачу. Я решил, что целесообразнее всего будет мне отправиться, и я взялся. Долго я разыскивал машины с боеприпасами, наконец-то в полночь нашел их в деревне Воронцовке, но, к моему великому огорчению, шоферы отказались ехать на риск, мотивируя тем, что помощник командира дивизии по материальному обеспечению запретил ехать в Будановку. Тщетны были мои розыски этого предателя, он где-то спал. С большим трудом я уговорил (ибо приказы не помогали, не их я начальник) 3-х шоферов сле-

довать за мной. Долго мы блуждали по дорогам, но часам к 3-м добрались до стоянки полка, однако заехать в кукурузу, где был замаскирован полк, шоферы не решались, боясь, что там уже немцы. Тогда я оставил одного для охраны, и все мы, вооружившись винтовками, поползли в кукурузу. Приползли точно к своим, хотя немцы были очень близко от нас. Не описать, с какой радостью нас встретили, целовали ижимали руки друг другу. Машины заехали и разгрузились. На рассвете все танки были снабжены боеприпасами и готовы выйти в бой. Едва дремнули, как по полку пронеслась весть о получении подарков от трудящихся Симферополя. Таким образом, утро нас встретило двойным сюрпризом – боеприпасами и подарками. Подарки быстро были вручены бойцам, и почти каждому досталось что-нибудь: кому платки, кому носки, портсигары, папиросы, конфеты, печенье, бритвы и т.д. В первую очередь вручалось тем, которые уезжают в бой. Радостные улыбки просияли на лицах получивших подарки. Они нашли в подарках письма от трудящихся, а это было самым дорогим, особенно когда эти письма были от девушек, пожелавших успеха в бою. С таким подъемом танкисты пошли в атаку, и в этот день еще лучше громили врага. По 6–7 раз танки шли в бой, и танкисты соревновались между собой. Горячие патриотические слова, слова привета и благодарности были выражены в ответном письме трудящимся Симферополя. Мне было поручено его написать, и к моменту возвращения первой группы из боя письмо было написано и подписано теми, кому это было поручено. Через день письмо опубликовали в газете «Красный Крым», и танкисты были тронуты этим вниманием. На все это они отвечали новым шквалом огня, не считаясь с большими силами противника, у которого было больше танков, самолетов и автоматического оружия, – они шли вперед, задерживали врага, изматывали его и давили огневые средства врага. Вот некоторые примеры этого героизма.

Водитель танка Т-34 Топуридзе – это был бесстрашный танкист, преданный сын Родины. В течение нескольких дней он, с утра до ночи, был в бою, и каким бы опасностям ни под-

вергался, как бы фашисты ни охотились за ним, он выходил победителем. Ежедневно он выводил из строя несколько пушек, пулеметов и фрицев давил гусеницами десятками. Однажды он разгадал хитрость врага. Он заметил, что как только появляется в Армянске, то не видит пушек противника, но каждый раз на его танк неожиданно обрушивается огонь неизвестно откуда. Тогда Топуридзе выследил, что пушки установлены прямо в домах, а пулеметы на чердаках. Со свойственной ему умелостью и смелостью он развернул танк и пустил его прямо на хату. Хата разлетелась вдребезги, и там он действительно обнаружил противотанковую пушку и пулемет. Свой этот маневр он повторил много раз, беспощадно раздавливая гадину. Его танк стал бить прямой наводкой по хатам, и, когда оттуда убегали гансы, Топуридзе их догонял и давил гусеницами. Сейчас я не помню, сколько он тогда вывел из строя огневых средств противника, но достаточно, столько, что его танк стал грозой для фашистов. Тогда немцы направили сильный огонь термитными снарядами по танку Топуридзе и повредили мотор. Танк стал. Немцы обрадовались и бросились, чтобы захватить живым экипаж. В экипаже же оставался один Топуридзе, остальные два товарища были убиты. Напрасно немцы били прикладами в люк, крича: «Рус, сдавайся!». Топуридзе открыл нижний люк, незаметно вылез и в упор уничтожил 3-х немцев, а 4-й бежал. По танку был открыт вновь огонь, и он был подожжен, но Топуридзе успел отползти и прорваться к пехоте. Там он несколько дней сражался, ибо пехотные командиры его не отпускали, не будучи уверенными, что произошло с ним. Но затем отпустили его искать свою часть, и по дороге он попал в одну дальнобойную береговую артиллерийскую батарею. Моряки его приняли, и он стал подавать снаряды величиною с «поросенка», как он сам выражался. Наконец-то его узнал один из командиров штаба дивизии, случайно посетивший эту батарею, и доставили его в наш полк. Радостно он был встречен всем личным составом, все мы ему пожимали руки и поздравляли с возвращением. В тот же день Топуридзе пе-

ресел на другую машину и так же геройски выполнял свой долг перед Родиной.

Командир бронемашины **младший лейтенант Лазов Иван** такой же храбрый, как и описанный выше танкист. Лазову было труднее действовать в бою, ибо броню его машины пробивали даже бронебойные пули, не говоря уже о снарядах. И все же он показал беспримерный героизм. Он лез в самые опасные места, уничтожая огневые точки противника, его пушка была без промаха. Только за один день он уничтожил около 10 пулеметов противника, более сотни фашистов и всегда возвращался непораженным. Были случаи, когда его башенный выходил из строя, тогда он останавливал броневик и на стоянке вел огонь. В последний день перед его гибелью он 7 раз ходил в атаку. Перед последним выходом в бой у него было предчувствие, что погибнет. Когда я помогал ему готовить машину к бою, он мне сказал: «Знаешь, Ефим, я чувствую, что иду последний раз. Эти сволочи обрушивают сильный огонь по бронемашинам, зная их тонкую броню». Сколько я его просил остаться на этот раз, ибо желающий идти в бой было много, а машин уже не хватало, но он заупрямился. Он сказал, что «могут подумать, что я струсил. Нет, не останусь». Мы с ним горячо расцеловались, как родные, и, как я его ни ждал, он больше не вернулся. Другие товарищи видели, как он геройски погиб. Память об Иване Лазове, или, как я его звал, Ванюше Лазо (именем героя-партизана Дальнего Востока), я сохраню навсегда. Жаль, что я не знаю, где его жена-учительница, эвакуированная из Западной Украины с ребенком, ей бы надо было рассказать о замечательном муже-патриоте.

Капитан, командир батальона Т-47 Власенко, несмотря на свой преклонный возраст (свыше 50 лет), смело повел свой батальон танкеток в бой под Армянском. Ни пули, ни снаряды не могли остановить его, он сам и бойцы батальона косили своими пулеметами фашистскую мразь. Не один десяток гансов пал от огня пулемета Власенко. Он показывал личный пример мужества, и, когда танкетка его была подбита, он успел вылезть, и, отстреливаясь, дошел к нам.

Таких имен по нашему полку много. Их героизм подобен героизму описанных товарищей. Среди этих имен – командир танка Т-34 младший политрук Гришин (был ранен), командир роты Т-34 лейтенант Акименко (убит), командир роты капитан Соловьев (ранен был), старшина – командир танкетки Каплер (зверски убит фашистами в Севастополе при взятии в плен) и много, много других.

ОКТАБРЬ 1941 г.

В начале октября наш 5-й танковый полк вследствие того, что лишился большинства матчасти, был отведен на переформировку в 3 км от деревни Воронцовки. Мы окопались в степи, замаскировали оставшиеся машины так, чтобы авиация противника нас не обнаружила. Полк стал выполнять разведывательные задания. Подытожив прошедшие бои, командование полка, а затем дивизии представило правительству к награждению значительное количество бойцов и командиров. Топуридзе был представлен к званию Героя Советского Союза, остальные описанные мною товарищи и много других – к награждению орденами и медалями. В числе их и я был представлен к медали. Жаль только, что где-то на Крымском фронте, несмотря на их же запрос уже в Севастополе о наличии представленных к награде по 5-му танковому полку, дела не получили разрешения, а может быть, и решено было, но никто не знал.

В период нашего нахождения во II эшелоне остатки полка переформировались, проводился мелкий ремонт машин, проводилась работа по обобщению итогов боев, выявлению убитых, раненых. Семьям убитых посылали трогательные письма, сообщая о постигшем их горе и героизме погибшего товарища. Каждый боевой эпизод теперь уточнялся и проверялся участниками. Поодиночке и группами подходили ко мне бойцы и командиры с просьбами записать какой-нибудь факт или зачитать выдержки из моего дневника, который, по существу, стал дневником полка. Как бы он ни был записан – карандашом

второпях по месту боев, вечером при коптилке, но дневник понравился, нравился всем. Даже командир полка часто просил зачитывать выдержки и жал мне руку. Особенно нравились приключения нашего начфина, они вызывали всегда хохот. Дело в том, что начфин (бывший бухгалтер какого-то учреждения в Ялте) был большой трус, он всегда находился в тылу, за несколько десятков километров, и когда нужно было штабу что-либо сделать, связанное с ним, то за ним посылали машину. Едва он появлялся на передовой, только услышав разрыв снаряда, он весь бледнел и срочно просился обратно, мотивируя тем, что у него неотложные дела в госбанке в Симферополе или что он срочно заболел. А болезнь эта – расстройство желудка, всегда появляющаяся на фронте у тех, которые сильно трусят. Как только появлялся начфин, танкисты кричали и друг другу сообщали, что прибыл «Боевой начфин», как прозвали его бойцы. Однажды мы даже хотели незаметно для него взорвать пакет, дающий взрыв (он применяется для учебных целей), жаль только, что при его приезде не оказалось пакета, в противном случае, приняв бы этот разрыв за снаряд, он бы от страха умер.

В середине октября месяца полк был переформирован и на его основе создан мотострелковый разведывательный батальон. Однако мне не пришлось больше быть в этом батальоне. В один из дней я был вызван к начальнику политотдела 172-й стрелковой дивизии батальонному комиссару товарищу Шафранскому, который мне сказал, что меня выдвигают на работу в политотдел в качестве инструктора. Как я его ни убеждал, что не справлюсь (ибо мне не хотелось расставаться с танкистами), но он приказал, чтобы я в тот же день приступил к работе, и вручил предписание командованию полка. Напрасно командир и военком ходатайствовали о моем оставлении в батальоне и даже меня задержали на день. На второй день последовало строгое распоряжение по телефону о моем откомандировании в политотдел. Тепло провожая меня, ребята жали руку, сожалели, просили не забывать (разве можно забыть танкистов!). Посадили на броневик и отвезли по назначению. Теперь начался для меня новый период, новые условия и обстановка, непривычная

для меня. Если там я был среди масс бойцов, то здесь уже надо было иметь дело с большими начальниками, особенно политработниками, иногда приказывать именем политотдела. Звание-то у меня было всего младшего политрука, а дело иметь приходилось с большими начальниками – военкома-ми частей, а это меня вначале смущало, однако я вскоре привык к своим обязанностям.

В ПОЛИТОТДЕЛЕ 172-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Период моей работы в политотделе я хочу разделить на 2 части: первая часть эта относится ко времени – вторая половина октября месяца 1941 г., когда дивизия занимала оборону под Воронцовкой, а затем под превосходящими силами противника с боями отступала. Об этой части я напишу кратко, и о второй части этого периода – ноябрь 1941 г. – июль 1942 г., когда дивизия в составе Приморской Армии участвовала в обороне Севастополя, мне хочется написать подробнее, ибо наша жизнь в Севастополе не похожа на проведенные дни в степной части Крыма.

В политотделе я быстро привык к обстановке и людям. Встретился со знакомыми товарищами по Симферополю – с Леней Гузыниным (бывший работник Крымского обкома ВЛКСМ), Калужским Борисом (бывший директор Симферопольского Дома народного творчества), с которыми я подружился, и эта дружба была до последних дней обороны Севастополя, где на моих глазах погиб Леша Гузынин, а Борис Калужский, будучи ранен, был вывезен (об этом я напишу ниже). Позже в политотделе еще работали знакомые по партийной организации Симферополя – Галушкин (бывший секретарь Симферопольского ГК ВКП(б), Палий (секретарь Центрального РК ВКП(б) и др. В политотделе мне была поручена информационная работа, которую я выполнял днем в блиндаже под светом коптилки, а в ночное время выполнял

задание начальника политотдела в частях, так как днем передвигаться нельзя было вследствие сильных бомбежек и артиллерийского огня противника. Ежедневные политдонесения составлял я из донесений военкомов частей, докладных записок работников политотделов, оперативных сводок штаба и личных проверок. Эти донесения направлялись в политуправление 51-й Отдельной Армии в Симферополь. В них я обобщал героизм частей за день, проведенную политработу, сообщалось о беспорядках в бою и в проводимой парт-политической работе. Донесения мною составлялись недостаточно полно, ибо опыта у меня еще не было, но это понял я уже позже — в Севастополе, когда эта работа была организована совсем по-иному и политотдел Приморской Армии уделил исключительно большое внимание этому участку.

Задания, которые я получал от начальника политотдела, были разнообразные, но выполнять их надо было в частях непосредственно в окопах, и я старался всегда быть исполнительным, что неоднократно отмечал сам начальник политотдела на совещаниях инструкторов. Я уже привык к боевой обстановке и поэтому не боялся авиационных и артиллерийских налетов противника, поэтому мне однажды при выполнении задания было смешно наблюдать за одним нашим работником дивизионной газеты Трайниным — большим трусом, ходившим со мной вместе в часть. А было это так: как только мы с ним стали выходить из окопов 3-го стрелкового полка, авиация противника подвергла сильной бомбежке нашу передовую линию. Первый эшелон вражеских самолетов пробомбил передовую линию, но не все бомбы попали в цель. Земля дрожала от взрывов. Я и Трайнин как раз находились в открытом месте, где шел налет и я рассчитал, что если мы не пробежим вперед метров 500, то второй эшелон как раз нас будет бомбить. Я стал бежать изо всех сил, а Трайнин не поспевал и все кричал, чтобы я замедлил бег, но этого нельзя было делать, иначе неминуема бессмысленная гибель. С трудом мы пробежали это расстояние, и едва мы упали на землю, как бомбы стали рваться точно на том месте, откуда бежали. Долго длился налет. Я лег на бок и наблюдал, как за-

ходят самолеты в пике, а он, укрыв голову палаткой, думая, что это его спасет, дрожал и плакал, просил, чтобы я не наблюдал. Как я потом узнал от товарищей, с которыми Трайнин ходил на задания, он всегда поступает так, укрывая голову палаткой. У него тоже всегда было расстройство желудка, и поэтому ребята всегда шутили. Как только появлялся самолет врага, Трайнину кричали: «Скорее сбегай в уборную, чтобы не запачкать палатку, которой ты укроешься». Его так и считали все трусом. Иногда жалко было смотреть, как он переживает при налете, но ничего не поделаешь, сочувствие ему еще больше ухудшило бы его состояние. На него только надо было крикнуть, что часто делали работники, а это заставляло его «брать себя в руки». Конечно, никому из нас не приходилось плясать при бомбежках, но напрягаешь нервы, чтобы побороть внутренние чувства.

Несколько раз ходил я на выполнение задания с Леней Гузыниным, и всегда мы возвращались еще более спаянными, ибо он — боевой товарищ. Однажды мы остались позади отступающих частей, немцы были в 200—300 метрах от нас, но мы не только не растерялись, но не хотели отходить. Больно и обидно было идти назад. Еще и еще раз мы ложились на землю и делали несколько выстрелов по цепи противника, а потом все же пошли. По дороге мы подверглись бомбежке, и нам пришлось до вечера пролежать в канавке, а затем с трудом нашли политотдел. Нас тепло встретили товарищи.

Иногда я про себя думаю: кто я — канцелярская крыса или разведчик? Однажды я получил приказание найти соседнюю дивизию слева. Почти весь день я промотался и к заходу солнца нашел отходящие цепи, о чем немедленно доложил. Комиссар дивизии (забыл его фамилию) дал мне броневик и приказал всеми силами остановить эти цепи. Быстро помчавшись еще с двумя танкистами бывшего моего полка, мы достигли эту цепь. Много уговоров, приказов и угроз открыть огонь из пулемета стоило остановить молодых бойцов, еще не имеющих опыта. Наконец-то они остановились и стали окапываться, подошли командиры, шедшие сзади своих отступающих подразделений, и стали наводить

порядок. Тут же привели пленного немца, и если бы не наши уговоры, его бы растерзали, но ведь для штаба нужен «язык». (В этой же цепи я нашел инструктора политотдела Галушкина, который за сутки так измотался, что был бледный, как мертвец, — ведь у него туберкулез. Мы обрадовались, и он с нами вернулся в политотдел.) Едва я вылез из броневика, — а было уже темно, как по мне посыпались выстрелы, пули просвистели всюду вокруг меня. Я был удивлен и остолебенел от неожиданности, ведь противника тут не было. Кто же стрелял? Оказывается, что пулеметчик, сидевший за пулеметом в броневике, дремнул, и, когда спросонья стал вылезать, случайно нажал на курок, отчего произошла пулеметная очередь. К счастью моему, пули попали в стенку здания, где мы остановились, и меня не задели. Напрасно он извинялся и краснел, ведь я знал его хорошо по полку как замечательного стрелка, но он устал за эти сутки и дремнул. Все были рады благополучному исходу, и мы направились доложить о выполнении приказа. Военком дивизии выслушал меня, да он уже знал и без меня, и сказал, что сейчас мы поедем в другое место. Через несколько минут, даже не дав нам поесть, я на броневике, комиссар на одной машине, а другие на другой машине с продуктами ехали по направлению к Воронцовке. В этой деревне уже был немец, но на окраине села оставалась часть наших бойцов и работников штаба, и надо было им доставить продукты. Ночь была темная, так что друг друга не видели, непрерывно шел дождь. Я и мои товарищи из броневика предложили военкому заехать с левой стороны деревни, где, предполагалось, находятся наши, но он заупрямился и приказал заехать справа. Долго мы ехали расстояние в 5 км, очевидно, сбились с дороги. Сколько мы ни едем, а деревни все нет. Тогда комиссар остановил все 3 машины и приказал мне и еще одному красноармейцу, которого мы выбрали по дороге, пойти пешком и разузнать, где мы находимся, а также найти дорогу. Под проливным дождем, все мокрые, мы шли и ползли, где это надо было, и добрались действительно до окраины села, но натолкнулись на немцев. Мы слышали немецкую речь, а вслед за этим были пущены ракеты. Нас

спасла темная ночь, и мы вернулись к машинам, ожидавшим нас. Почти к утру мы вернулись в деревню, откуда выехали, не достигнув цели. Вскоре, другой стороной, вернулись из Воронцовки работники штаба и с боями выбралась химрота, которой командовал мой товарищ еще по службе в кадрах, а позже по 5-му танковому полку (начальник химической службы), работник ОСОАВИАХИМа Симферополя Миша Клейман.

Дивизия наша, хотя и медленно, с боями, но отступала. Следующий пункт обороны, вслед за сдачей Воронцовки, был участок впереди деревни Найман, справа и слева. Там мы простояли недолго, пару дней, кажется. К этому времени противник успел уже обойти нас давно, он занял Бахчисарай и направлялся к Севастополю, занял Карасубазар, и, таким образом, наша дивизия была в кольце, замкнуть которое мешали врагу на одном фланге моряки Севастополя, а на другом — естественные преграды Крымских гор. Такого положения мы не знали, видно, это было известно лишь старшим начальникам. Я только догадывался, что положение неважное, по тому факту, что в Найман (находящийся в километрах 50-ти или больше от Симферополя) прибыла морская пехота Приморской Армии на помощь. Это были хорошие части и вооруженные, однако, пробыв не более часу, они получили приказ вернуться. Мы же оставались там. На второй день вечером мы получили приказ тихо сняться и прибыть в одну деревню вблизи Биюк-Онлар. Счастье наше, что к этому времени дивизией командовал полковник т. Ласкин — умелый и талантливый командир, а комиссаром был прислан полковой комиссар товарищ Солонцов — опытный, кадровый комиссар. Оба они всеми силами наводили порядок в раздробленных частях, и они нас вывели из этого тупика. Все мы были поражены, как нас вывели из такой западни. Ведь куда бы мы ни ехали, всюду были немецкие костры, обозначающие фланги, несколько раз мы натыкались на противника и уже приготовились к схватке, но каждый раз мы находили лазейку и выбирались из этого кольца. В ту же ночь мы добрались до указанной деревни и расположились на отдых. Однако долго отдыхать не

пришлось, мне и Борису Калужскому дали вне очереди покушать, и начальник политотдела приказал срочно выехать на Симферополь и доставить документы политотдела в политуправление 51-й Армии. При этом мы были предупреждены, что, возможно, дорога уже занята, тогда поджечь машину с документами и поступать, как найдем нужным. Медленно и предусмотрительно мы ехали, будучи готовыми ко всем неожиданностям, бутылка с бензином стояла наготове в кузове, а сами наготове держали винтовки и наганы в запас. Все же мы благополучно прибыли в Симферополь в ночь на 31/X. Отдохнули несколько часов в квартире Бориса, по Пушкинской улице — угол Р.Люксембург (в здании Наркомфина); нас разбудила соседка, которая, увидев машину, удивилась, как мы спим в такой обстановке. Но мы ничего не знали. Оказывается, в городе большая паника, начали разбирать магазины и склады, оставшиеся еще нетронутыми. Мы собрались и поехали в политуправление армии, но, к нашему сожалению, штаб и политуправление давно уже выехали на Феодосию или на Керчь, а оставшийся дежурный рекомендовал нам следовать на Керчь, заявив, что там нас и переправят на тот берег, если необходимо будет. Не имея распоряжения от своего начальника, мы решили подождать возможности прибытия кого-нибудь из нашей дивизии.

Я пошел посмотреть квартиру нашу по Караимской улице, № 3. Во дворе все соседи были удивлены, увидев меня, ибо они считали, что выхода из Симферополя уже нет. В это время начался налет на город, бомбы попали на Контарную улицу, где были убиты мирные жители, а осколки полетели и в наш двор. С трудом я успокоил испугавшихся женщин и детей. Все они меня просили, умоляли никуда не уходить, а переодеться и запрягаться. Я возмутился таким предложением, не стал заходить в свою квартиру, ибо ключа не было, а ломать окна не хотелось. Попросил соседку Геню прибрать наши вещи, закопать оставшиеся документы и фотокарточки, и сохранить все, что можно. Она обещала все сделать, и я, попрощавшись, ушел на квартиру Калужского. По дороге встретил знакомых в очередях, в том числе за хлебом стояла

Шура Языджи — бывшая студентка нашего института и работник ГК ВЛКСМ. Не знаю, почему она осталась в городе или не успела еще выехать. К этому времени вернулся Борис, и мы стали решать, что предпринять. Неожиданно для нас появился начальник политотдела батальонный комиссар Шафранский, которому обрадовались. Покушав все вместе, мы приступили под его руководством перебирать все документы политотдела. Часть документов была уничтожена, главным образом второстепенного значения, закопали кинопередвижку и ночью выехали. Оказалось, что дорога из Симферополя на Севастополь была перерезана, пути на Керчь тоже не было, осталась одна дорога на Алушту.

Ужасной была эта ночь в Симферополе, еще теперь сердце болит за виденное. Во всех концах города, да и в центре, вспыхивали пожары, горела уже второй день ж/д станция, горела почта, завод «Трудовой октябрь» и другие предприятия. Каждый из нас понимает, что так нужно было, чтобы не оставлять противнику, но больно смотреть на такое зрелище. Сколько трудов стоило трудящимся построить все это, а теперь коварный враг довел нас до такого состояния. Но мы знаем, что за все это варвары ответят и заплатят своей кровью. Всю ночь мы ехали, так как дорога была забита людьми, машинами, пушками, которые отходят на Севастополь. К утру мы прибыли в Алушту, где были весь день. Там я встретил много знакомых товарищей по Крымской парторганизации и по институту. Встретил Бобрышева и Цекова из института, направлявшихся в Ялту, Голосовского с женой и много партактива, которые направлялись в лес. В тот же день мне было поручено поехать в Ялту разыскать автомашины из автобатальона и собрать их в одно место. Разыскал несколько машин и комиссара батальона, которым передал приказания быть на месте и ждать дальнейших приказаний. Едва я успел заехать в Алушту, как возле дома отдыха РККА я встретил наши машины, направляющиеся в Севастополь через Ялту. Пересел к ним, и мы следовали своим путем — на Севастополь. Проехали Ялту, а затем остановились в Балаклаве. Там собирались оставшиеся части дивизии. Вскоре

прибыли работники штаба, командир и комиссар дивизии, которые, выходя из Симферополя позже нас, уже не могли проехать по Алуштинскому шоссе, и поэтому, бросив этот путь, они пробрались через горы и леса. 3 ноября мы прибыли в Севастополь, где остановились в одной балке, кажется, ее называли Собачьей.

НОЯБРЬ 1941-го – ИЮЛЬ 1942 г. СЕВАСТОПОЛЬ

Самый интересный и вместе с тем самый ответственный период службы – это участие в обороне славного Севастополя, имя которого гордо произносили и произносят не только его защитники, но каждый воин РККА, каждый гражданин наших Советских республик. И я горжусь тем, что, как и тысячи других, внес свою маленькую долю в оборону родного Севастополя.

С прибытием в Севастополь 03/XI-41 г. наша дивизия приступила к доукомплектованию, а вернее будет сказать, к формированию, так как личного состава было мало. Оставались частично подразделения 514-го, 383-го стрелковых полков и ЗАП.ОРБ. Дивизия была включена в Приморскую Армию, прибывшую из Одесской обороны.

Совсем иные порядки были здесь. Мы сразу почувствовали организованность, дисциплинированность и ответственность за каждый шаг. Город уже подвергался авиационным налетам противника, однако это никого не пугало. Каждый выполнял свою работу; рабочие и служащие спокойно направлялись на работу, воинские части строили и усовершенствовали свои оборонительные линии и обучались. Только по сигналу сирен и гудков заводов «Воздушная тревога» все над землей «замирало» и в действие вступали зенитки и появлялись наши самолеты, а под землей шла работа своим чередом. Не прошло и двух дней, как уже сформирован был, хотя и не в полном составе, 514-й стрелковый полк во главе с командиром полка и военкомом, тогда еще старшим поли-

труком крымским коммунистом Караевым Османом (который был в этом полку до последней минуты своей жизни), 1-й батальон 383-го стрелкового полка, 1-й дивизион ЗАП отдельного разведывательного батальона (из 5 танков.) Годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции бойцы и командиры отмечали в своих частях. К этому времени дивизии уже был отведен участок обороны — вначале под Балаклавой, а затем в составе II сектора обороны Севастополя. Тотчас же подразделения приступили к оборонительным работам и одновременно была развернута боевая и политическая работа. Бойцам рассказали о первом отпоре, который был дан врагу славными моряками в конце октября месяца. На боевых эпизодах воспитывался личный состав частей и подразделений дивизии. Вскоре наши части уже столкнулись с противником и геройски выдержали натиск его больших сил, при этом немцы понесли большие потери. Первый этот успех поднял боевой дух личного состава, и командный политсостав использовал это для подготовки к будущим еще более серьезным боям. Не помню, к какому числу это относится, но в том же ноябре месяце дивизии был поручен II сектор обороны. Комендантом сектора был назначен командир нашей дивизии полковник Ласкин и военкомом — полковой комиссар Солонцов. Дивизии были приданы два полка морской пехоты, один стрелковый полк, артиллерия 134-го ГАП, саперный батальон и батальон связи. Теперь на дивизию были возложены ответственные задачи по обороне, соответственно, выросла ответственность командного и политического состава. Командный пункт расположился вначале в одной пещере в направлении Малахова кургана, а затем переехал на хутор Дергачи, а политотдел АХО подразделения — на одной из улиц слева от Малахова кургана. Однако после того как эта улица и дома, в которых мы жили, были разрушены (к счастью, без жертв), мы переехали на другую сторону кургана и разместились в домиках, находившихся в горе над Симферопольским шоссе. Тут мы находились продолжительное время — пока находились во II секторе. Большую работу развернул политотдел, это была работа продуманная и си-

стемная. Обучался политсостав на специальных семинарах, готовились парторги, комсорги, редакторы газет, затейники и т.д. Стал обобщаться опыт работы частей, проводилась большая культурно-массовая работа в частях. В общем, все воспитательные рычаги были приведены в действие. В таком же разгаре была боевая подготовка. Командир и военком дивизии вникали во все детали жизни дивизии, всюду успевали — и в окопах, и на семинарах, и на вечерах — словом, везде, где нужен был их глаз. Результаты этой работы быстро сказались в бою — в предпринятом противником декабрьском наступлении.

Как известно, собрав большие силы, противник повел наступление в декабре месяце, рассчитывая занять Севастополь. Пленные и захваченные документы показывали каждое число предполагавшегося продвижения, и точно было указано число вступления в Севастополь. Он все рассчитал и продумал, только забыл одну «мелочь» — что Севастополь и его защитники тоже рассчитали и готовились его встретить. Дружным огнем был встречен противник. Полк с полком, батальон с батальоном, рота с ротой, боец с бойцом соревновались на большее количество истребленных фашистов. Враг метался с одного фланга на другой, он подбрасывал всё свежие силы, искал лазейки, бросался в психические атаки — что он только ни делал, чтобы прорвать хоть где-нибудь нашу оборону, но всюду стояла нерушимая стена. Всюду его встретили по-сталински, и, неся большие потери, он отходил на исходные позиции. Не раз моряки 1-го Севастопольского полка бросались на штыковую, отбрасывая врага далеко за его линии. Основной удар противник направил на 2-й морской полк и 514-й стрелковый полк. И когда не помогала сила, проклятые фашисты хотели взять хитростью; так было на участке 1-го батальона 2-го морского полка. Группа немцев во главе с офицером изобразила инсценировку сдачи в плен. С белым флагом направились они к скату итальянского кладбища, где расположен был наш один батальон. Они думали, что наши уж такие простаки, что не догадаются, «где собака зарыта». Комиссар полка, находившийся в этом батальоне, и представители штаба и политотдела дивизии сразу уди-

вились, почему задние эшелоны немцев не открывают огня по своим «изменникам», и сообщили об этом командованию дивизии. Поняв, в чем дело, немцам не дали закончить свои роли в инсценировке, и активные зрители «заплодировали» из пулеметов, пушек и винтовок, заставив артистов так склонить свои головы, что больше от земли они их не подняли. Вот теперь заговорили и немцы, но опять неудачно. Как выяснилось, противник собрал большие силы на этом участке и думал таким путем обрушиться на нас как раз в то время, когда наши начнут принимать в «объятия» «пленных». Враг и на этот раз отступил.

Напряженные были эти дни, противник бросал всё свежие и свежие силы, но наши напрягали свои нервы, и там, где требовалось 10, выполнял их функции один боец. В бой шли все, кто только мог, и сражались мужественно. Вот на участке 514-го стрелкового полка – почти под Балаклавой – противнику удалось выбить из строя наших защитников. Штаб 514-го стрелкового полка остался без охраны, впереди его наших войск уже не было, а другие еще не подоспели. Еще несколько секунд – и штаб в руках противника, немцы уже спускались по обратному скату невысокой горы, у подножия которой был штаб со всеми его документами. Командир полка был ранен тяжело и увезен. Что делать? В это мгновение появился комиссар полка товарищ Осман Караев, бывший заместитель военного отдела Ялтинского ГК ВКП(б). Тут же мы собрали всех «калек» – находившихся там раненых, писарей, связных – всего более 10 человек, показали им угрозу и с криком «ура» бросились на врага. Немцы удивлены были, они считали, что штаб уже в их руках, а тут еще атака. Но пока они своей «чисто арийской головой» сообразили, в чем дело, их «чистые арийские головы» полетели прочь на землю. Несколько десятков было убито, часть убежала назад, а наши при этом еще захватили некоторые трофеи. Вот как «калеки» спасли штаб. В этот же день, когда имел место описанный факт, я и еще 2 работника политотдела восстанавливали живую связь между этим полком и штабом дивизии. Долго мы искали выход из одной балки, но так как мы

были обнаружены противником, то стоило одному высунуть голову, как посыпались пули и мины. Какими путями мы ни пробирались — ползли на животе, перебегали по кустам, скачивались с горы, и только к ночи достигли цели. Противник обстреливал блиндаж, где находился штаб 514-го стрелкового полка, ракеты падали прямо у входа, но мы продолжали сидеть и вести беседу с Караевым. Там же я встретился с другими знакомыми товарищами, с которыми за день потерялись, и к утру следующего дня добрались в политотдел, доложив о прошедшем дне.

Десятки фактов героизма я видел в эти дни, но разве запомнишь фамилии их исполнителей. И мы, работники политотдела, выполняли любую работу, которая поручалась. Разве я только писал донесения, хотя и это было трудно в условиях боя, — когда надо быть там, где творится этот героизм, который мы обобщаем и тут же распространяем среди остальных бойцов. Сколько сил потратили мы с Гузыниным Леней, чтобы в эти декабрьские бои обеспечить наши части боеприпасами. Двое суток без сна, под перекрестным огнем противника мы пробирались в Сухарную балку, грузили снаряды и доставляли в части, куда указывало нам командование дивизии. Но мы эту работу выполняли честно и добросовестно, и это также, как другой в бою, обеспечивало успех декабрьских боев. Серьезные были эти дни. Из Москвы была получена телеграмма с просьбой продержаться еще 2 дня, пока будет помощь. Да, с просьбой, а не с приказом, ибо там знали, каково положение с личным составом, и действительно, точно через указанное время мы услышали радостную весть о том, что наши войска заняли Керчь и Феодосию. Это обстоятельство облегчило наше сопротивление, ибо теперь противнику пришлось часть своих сил бросить туда. Воспользовавшись этим, наши части перешли в контрнаступление и оттеснили врага на несколько километров, а для Севастополя не то что километр, а метр имел большое значение. Там шла борьба за каждый вершок земли. В результате декабрьских боев противник понес большие потери убитыми, его трупами были усеяны подступы к Севастополю.

К этому же периоду декабрьских боев относится переброска нашей дивизии из II сектора в IV сектор — очень ответственный сектор обороны, находившийся за Инкерманом. С переходом сюда дивизия сразу столкнулась с противником, но это были бои меньшего масштаба, чем декабрьские, а тем более, чем будущие июньские бои. Штаб и политотдел разместились в Инкермане на берегу Северной бухты, напротив СЕВГРЭСа. Полки заняли оборону в районе деревни Бельбек и станции Мекензиевы горы. Немедля приступили к строительству сильной обороны в этих районах, и одновременно была развернута большая работа по боевой и политической подготовке личного состава, изучению опыта боев и подготовке к грядущим боям. Наступил период кропотливой работы изучения и работы с людьми, выращивания боевого актива, подготовки кадров во всех направлениях и формирования новых подразделений. Этот период богат многими событиями интересного опыта боевой и особенно политической работы, но описать все это в дневнике нет возможности. Я хочу лишь заметить себе этот период несколькими штрихами.

Политотдел правильно распределил свою работу между работниками таким образом, чтобы каждый отвечал за свой участок, организуя вокруг себя актив в частях. Инструктор по организационно-партийной работе занимался партийной работой, изучая ее опыт (партсобрания, партторги, партхоз). Инструктор по пропаганде организовывал лекции, политзанятия, агитколлективы, другие инструкторы — по своей линии. Я также по указанию политотдела Армии создал штат политинформаторов частей, помогавших комиссарам собирать материал для обобщения и информации. Моя же задача состояла в том, чтобы на основе материалов комиссаров частей, работников политотдела, курсовых мероприятий, проводимых политотделом, а также личного посещения подразделений обобщить всю эту работу, находить главное и интересное для всех частей, выявлять недостатки, о чем докладывать своему начальству для дачи приказаний, кому, что и к какому сроку выполнять. Затем же проверять выполнение и вновь докладывать для принятия мер к виновникам, не вы-

полнившим приказаний. Работа нелегкая, но интересная, а главное, очень важная для руководства. Я с охотой взялся за это дело. Получив инструктаж от политотдела Армии, а затем и последующие инструктажи, мне приходилось работать днями и ночами. Никто не скажет, что я недобросовестно относился к делу, наоборот, неоднократно меня отмечали с положительной стороны. И хотя у меня и были недостатки, а порою серьезные с точки зрения недостаточного освещения всех вопросов, но работал я изо всех сил и старался. Мне приходилось ежедневно представлять к вечеру донесения за прошедший день, а в дни боев несколько раз в день, и, кроме того, каждые 5–10 дней так называемое тематическое донесение по определенным вопросам (по 30–40 печатных листов). О работе комиссара в бою, о практике пропагандистской или партийной работы, о работе боевого актива, итоги боев и т.д. Приходилось много анализировать материала, спрашивать у других товарищей, бывать в подразделениях и знать настроения бойцов, но все же я справлялся с работой. Товарищи меня уважали и считались с моим мнением, ибо у меня концентрировалось все, что делается в частях, я помогал инструкторам в разработке директив и обобщении материала по их участку.

Период подготовки к годовщине Красной Армии был использован для повышения боеготовности частей, усилили социалистическое соревнование. Большой подъем вызвала присылка подарков и писем от трудящихся Азербайджанской ССР и посещение передовой линии севастопольскими шефами. Богатые были подарки, и чего там только не было: съестные продукты, трикотажные изделия, папиросы и табак и т.д., а главное — в каждой посылочке письмо. Письма патристические, дружеские и теплые. Писали рабочие-нефтяники, служащие (учителя, врачи), колхозники, пионеры и школьники, у всех одна мысль — гордость за нас, севастопольцев, уверенность в наших силах. Подарки эти вручались личному составу части прямо на передовой линии и превращались в целую демонстрацию выражения любви и преданности Родине и партии. Особенно были трогательны чтения писем,

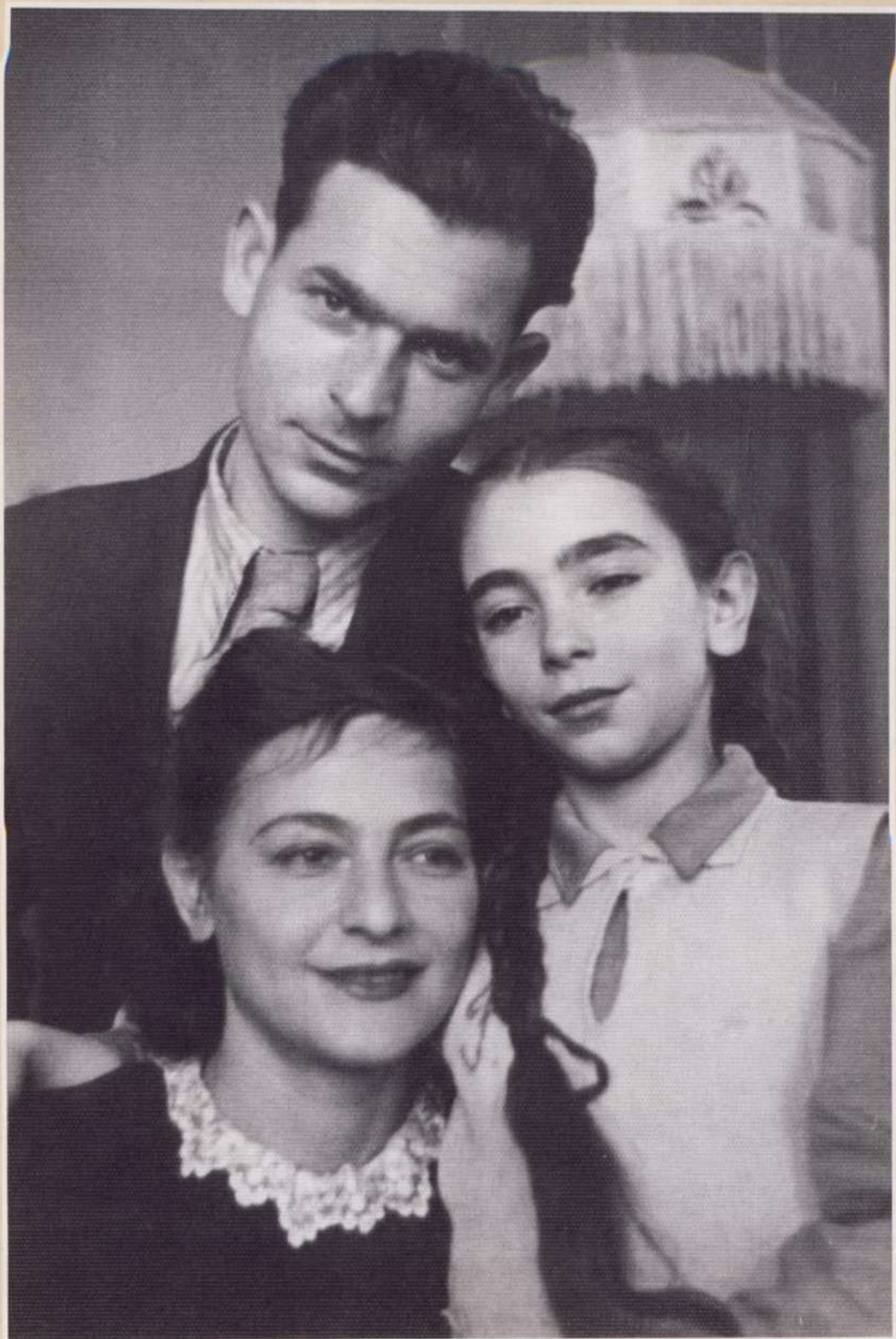
целые подразделения отвечали на письма, а отдельные бойцы установили связь с советскими девушками-патриотками, и эта письменная связь, обмен фотографиями продолжались до последних дней.

Ко дню годовщины РККА были присвоены военные звания младшему, среднему и старшему начальствующему и политсоставу. В том числе и мне было присвоено очередное звание «политрук». Это также имело свое значение в общем политическом подъеме, ибо каждый, получив новое звание, стремился на деле оправдать его, ибо к нему и повышались требования. В феврале и марте части нашей дивизии участвовали в наступательных операциях. Операции эти проводились с целью того, чтобы, во-первых, отвлечь некоторые силы противника с Керченского направления и, во-вторых, прощупать силы противника и их изматывать с тем, чтобы потом обрушиться на него всеми силами и теснить его из Крыма. Так бы оно и было, если бы не майские события в Керчи, которые, по моему мнению, изменили соотношение сил обеих сторон. И эти наступательные операции часто приводили в замешательство противника. Порою наши части прорывали не только первые линии, но и заходили глубоко в тыл, и здесь, как при обороне, защитники Севастополя показывали беспримерный героизм. Широко также были использованы внезапные действия отдельных подразделений, особенно в ночное время. В этих операциях первое место занимала рота автоматчиков вновь сформированного 383-го стрелкового полка. Рота во главе с командиром политруком Филипповым неоднократно врвалась во вражеские траншеи, сея панику среди противника. И каждый раз эта рота, уничтожив несколько десятков гансов, возвращалась с трофеями, документами и пленными. Политрук Филиппов был образцом мужества и героизма, он первый врвался в траншею, молниеносно наносил удары в цель, брал пленных «языков» и личным примером воодушевлял своих подчиненных.

Торжественно был отмечен Международный Коммунистический женский день. В частях были проведены беседы и вечера, посвященные этому дню. Женщины-военнослужащие,

Кисловодск. Госпиталь. 1944 г.

С семьей.
Жена Э.И. Яблонская, дочь Изабелла. 1950-е гг.

Крымсельхозинститут им. М.И.Калинина.
IV выпуск агрономов высшей квалификации. 1937–1945 гг.
Е.М.Курцман – во втором ряду, 4-й слева

В родном Малореченском

Составляется в произвольной форме собственноручно, без помарок и исправлений, с обязательным освещением следующих вопросов:

1. Год и место рождения, в какой семье родился, чем занимались родители до Октябрьской революции и чем занимаются в настоящее время.

2. В каких учебных заведениях учился, когда окончил, какую получил специальность.

3. С какого времени начал работать самостоятельно, причины перехода с одной работы на другую.

4. Какую выполнял партийную, или общественную работу.

5. Состав семьи и краткие сведения о близких родственниках (мать, отец, братья, сестры, муж-жена), где живут, чем занимаются. Кто из них оставался на оккупированной врагом территории, был в плену, выезжал за границу. Указать фамилию, имя, отчество, где был, когда и чем занимался.

6. Те же сведения о близких родственниках жены-мужа.

7. Кто из родственников лишался избирательных прав, подвергался репрессиям (из что, когда и где).

8. Другие сведения, которые Вы считаете необходимым сообщить в автобиографии.

АВТОБИОГРАФИЯ

Курцман Ефим Моисеевич

(фамилия, имя, отчество)

Родился 4/хп 1911г. в деревне Деражня Хмельницкой обл. в семье рабочего.

С 1925 по 1929г. работал в качестве сапожника кушар с айбштам в г. ввпоторш куда переехала мать. В 1941г. - моб. огни и брат-разгром фашистских

С 1929 по 1933г. находился на руководящей комсомольской работе в ввпоторш, Новоселовке (кром) Сидероленбургском горком и Крым. обком комсомола. С 1933 по 1935г. находился на службе в 3 Крым. дивизии. Там же действующий сапож. мастер. На комсомольскую работу в с/х институт, где работал секретарем комсомола и парт. организация института и ушел до начала Великой Отечественной войны.

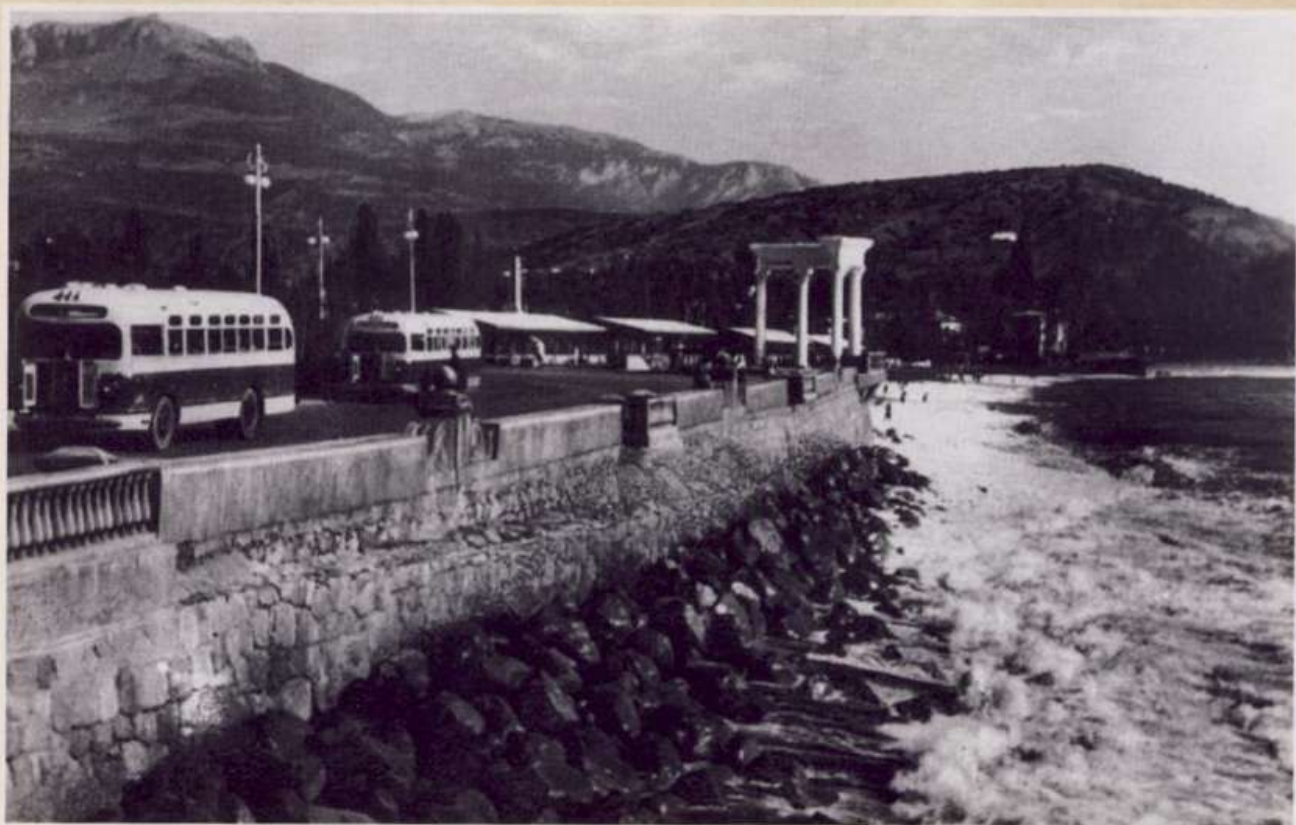
В начале войны был призван в армию в составе 51 армии. В качестве мл. политрука служил в 5 танковой полку этой армии обороняя перекоп. 142 с/д в состав казачьей танковой полк отходил на Севастополь. Из танкового полка (после его расформирования) был переведен инструктором политсоезда этой дивизии. С приходом в Севастополь дивизии был назначен в состав

Изменился облик сел совхоза. Новостройки в с. Рыбачьем

Виноградарство – ведущая отрасль совхоза «Малореченский»

Алушта. Набережная. 1957 г.

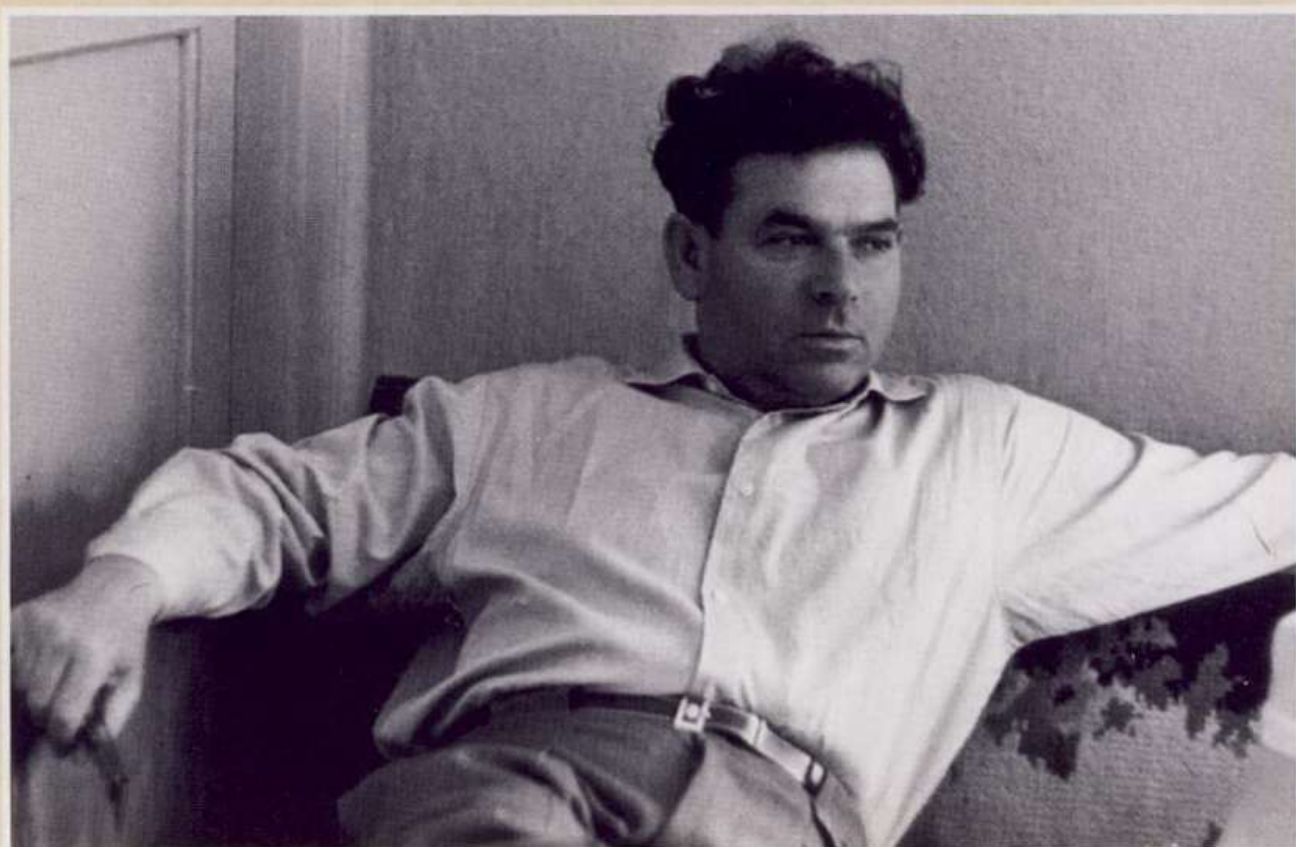
Семейный портрет. 1960-е гг.
Фото Л.И.Яблонского

Во дворе дома в Малореченском

Свадьба дочери

Редкие минуты отдыха. 1960-е гг.

особенно медработники, отличившиеся в боях, были премированы и представлены к награде правительству, а таких было много. Я сейчас не помню фамилий славных патриотов, но помню, что были такие, которые оказали помощь и вынесли с поля боя по 100 и более раненых, а сколько самоотверженно работало в госпиталях (санбатах)! Многие из них, как и мужчины, пали геройской смертью на поле сражения.

Особенно мне запомнился проведенный в помещении нашего медсанбата (дача Максимова) дивизионный вечер, посвященный женскому дню. На официальной части присутствовали командующий армией генерал Петров, член Военного Совета бригадный комиссар Кузнецов, начальник политотдела бригадный комиссар Бочаров и др. После доклада, приветствия и премирования состоялся товарищеский ужин. Первый тост был поднят за того, кто вдохновлял защитников Севастополя, кто окрылял нас и давал силу – за товарища Сталина. Затем последовали другие тосты, и, начиная с первого, буря оваций и возгласов в адрес товарища Сталина не прерывалась, женщины-военнослужащие и приглашенные мужчины поклялись достойно встретить врага в предстоящих боях.

ПОДГОТОВКА К МАЙСКО-ИЮньСКИМ БОЯМ

1. Усовершенствование оборонных рубежей

Большие инженерные работы были проведены на участке, обороняемом дивизией. Все стрелковые, пулеметные, оружейные, минометные и другие окопы были тщательно оборудованы. От отделения, кончая НП командира дивизии, были прорыты ходы сообщения в полный рост человека, каждый окоп был приспособлен для кругового обстрела на случай окружения, были выкопаны хранилища для боеприпасов, построены доты, а в некоторых местах созданы долговременные узлы сопротивления. Для сохранения жизни бойцов при воздушных бомбардировках каждый боец себе вырыл так на-

зываемую «лисью нору», то есть на глубине в рост человека делался подкоп в сторону так, чтобы можно было лежать и не быть пораженным осколками. Все виды оружия были укрыты в земле, и о них заботились так же, как заботились о сбережении живой силы. Таким образом, все живое и неживое находилось в земле. Легко это перечислить на бумаге, а попробуй все это сделать, да еще в ночное время, ибо днем и двинуться с места нельзя было, так как противник обстреливал каждый сантиметр. Много человеческого труда было затрачено, но никто не жаловался на усталость, ибо каждый твердо усвоил, что без этой работы нельзя будет держать оборону. Наоборот, никакие нормы не могли являться пределом, они перевыполнялись большинством бойцов. Все подразделения и части соревновались между собой за лучшие качественные и количественные показатели. Опыт передовых быстро распространялся среди всего личного состава.

Таким образом, весь личный состав частей дивизии превратился как бы в подземных рабочих. Все это положительно сказалось в будущем, о чем я напишу ниже, и спасло жизнь десяткам и сотням бойцов и командиров.

2. Боевая подготовка личного состава

Целая система мероприятий была проведена по обучению личного состава. Прежде всего весь командный и политический состав проходил тактическую подготовку в определенно отведенные дни. Этими занятиями руководил лично комдив полковник Ласкин. Всех нас обучали ведению оборонительного и наступательного боя в составе роты, батальона, тактике блокировки дотов, топографии, знанию материальной части оружия и т.д. Такая же подготовка проводилась со средним и младшим начальствующим составом непосредственно уже в частях, ибо при дивизии занимались работники штабов дивизий и частей, политотдел, командиры и комиссары частей и батальонов.

Одновременно с обучением начальствующего состава проходила подготовка рядового состава, при этом главное внимание обращалось на качество защиты, каждый прове-

денный час занятий должен был обучить чему-нибудь новому бойца. Важной и интересной новой формой военного обучения была форма – подобно совмещению профессий в стахановском движении на предприятии – овладение знанием обязанностей всех или нескольких номеров своего расчета. Это означало, что теперь в минометных, пулеметных и оружейных расчетах каждый боец изучал не только свои функции, но и функции еще двух или всех номеров. Эта инициатива быстро распространилась и охватила почти все части. Ее важное значение потом подтвердилось в бою, – когда один боец, оставшись в расчете, заменил весь расчет и продолжал вести огонь по противнику. Помню такой случай: в одном оружейном расчете 134-го ГАП в боях под большим тоннелем выбыл из строя весь расчет. Оставшись один, боец по фамилии Александров сам наводил свое орудие, заряжал и стрелял, в результате подбил 2 танка, а другие повернули назад. Таким же образом действовали оставшиеся одни в расчетах минометчики и пулеметчики.

Большое внимание уделялось также правильной расстановке огневых средств и умению быстро их привести в действие – одновременно во всем подразделении. С этой целью очень часто командование дивизией силами штабных работников и политотдела проводило дневные и особенно ночные проверки боеготовности. По одному или два человека мы направлялись в окопах, где, проверив состояние боеготовности, приказывали привести к готовности или к действию все средства. Затем выявлялись недостатки и тут же устранялись. Надо сказать, что хотя и без недостатков не обходилось, как и во всяком деле, но подразделения были готовы. Много раз я участвовал в таких проверках и почти всегда бывал удовлетворен, особенно тем подъемом, с каким работали бойцы. Вот, например, у подножия высоты «Язык» расположена была одна рота 514-го стрелкового полка, это был самый ответственный участок, ибо здесь противник господствовал над высотой и находился в 50–60 метрах от нас. В эту роту мы проникли ночью, пули свистели, как всегда, всюду, где только можно подумать, ракеты падали на наши

окопы, отчетливо слышен разговор противника, однако это никого не смущает и не пугает, каждый знает свое место. И куда бы мы ни ступили ногой, всюду нас останавливает часовой, ночь темная, мы его не видим, но он нас видит. Шепотом идет разговор. Мы проверяем огневые средства, наличие боеприпасов, связь между отделением; всюду порядок. Бытовые вопросы не менее нас интересовали, и хотя часто бывали серьезные недостатки, иногда подолгу даже табаку не было, но бойцы не хныкали, они давно знали, в чем причины, и лишь спрашивали, когда предполагается получить табак и нет ли закурить. Во многих ротах, где я бывал, мы помогали организовывать политическую работу, там же я встречал многих товарищей по Крыму – рядовых и командиров, и наши встречи были очень дружескими и теплыми. Еще одно важное мероприятие было проведено по дивизии, да и по всей армии. Все огневые средства, в том числе станковые пулеметы, ПТР, полевые пушки были приспособлены для стрельбы не только по наземным, но и по воздушным целям, и поэтому, когда надо было, то и по самолетам открывался массированный огонь. По дивизии были подготовлены истребители танков из состава разведчиков – самых смелых людей, и они заняли место в специально отрытых щелях перед передовой линией.

Таким образом, всеми этими и многими другими формами, о которых не имею возможности писать, да и такой цели у меня нет, дивизия была приведена в боеготовность.

3. Политическая работа по обеспечению боев

Все формы политической работы, какие только существуют, были использованы для подготовки к боям. Кратко я опишу их.

а) Подготовка и расстановка кадров занимала важное место в политической работе. Этой работой занимались сам начальник политотдела дивизии и его заместитель. Теперь, как и раньше, но в больших масштабах, были проведены курсовые мероприятия. Готовили политруков, заместителей политруков, партторгов, комсоргов, агитаторов, причем главной темой было – место каждого из них в бою. Теперь

уже использовался опыт предыдущих боев, чтобы показать слушателям, где его место в бою. Иногда в качестве лектора являлся сам слушатель курсов или семинара. Политотдел провел такую интересную работу: каждому политруку, парторгу, комсоргу и даже комиссару был подобран заместитель на случай выбытия его из строя. Заместителям также были подобраны смены, и так на каждую должность было минимум по 3 человека. И опять же все они проходили подготовку и знали, что им надо делать в бою.

б) Партийная и комсомольская работа, которой руководили старшие политруки Лактионов и Гузынин, была построена так, чтобы обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в бою. Во всех партийных и комсомольских организациях были расставлены силы и проведены партийные и комсомольские собрания по вопросам роли коммуниста и комсомольца в бою. Большая работа была проведена по росту рядов ВКП(б) и ВЛКСМ. Тяга в партию и комсомол была исключительная. Вступали люди, уже не раз показавшие в боях свою преданность партии. Политотдел организовал свою работу таким образом, что разбор заявлений происходил непосредственно в частях на передовой линии. В результате проведенной работы сотни передовых бойцов и командиров вступили в партию и комсомол. Также был наведен порядок в «партийном хозяйстве».

в) Пропагандистской и агитационной работе, которой руководил старший политрук Файнгор, был дан полный размах. Пропаганда строилась по конкретным задачам обороны. В темах политзанятий, в беседах пропагандировалась героика из данной части и определялись задачи, вытекающие отсюда. Помимо политзанятий и политинформации, проводившихся по определенной тематике политотделом армии, широко были использованы лекции для командного и отдельно рядового состава, читаемые квалифицированными лекторами, беседы в подразделениях, проводимые политруками и работниками политотдела. Исключительно большой политический подъем был в связи с подготовкой и празднованием 1 мая 1942 г. Боевыми делами личный состав готовился встретить этот праздник. Каждый защитник

готовил свой боевой подарок Матери-Родине. Большую роль сыграло посещение наших частей командующего армией генерала т. Петрова. Он бывал во многих подразделениях до и особенно после праздника — перед самыми боями. Генерал Петров — сталинский генерал, он всегда с массами, умеет говорить с ними, они его понимают и поэтому готовы выполнить любой приказ по защите Родины.

Собрания командного и рядового состава, на которых присутствовал тов. Петров, всегда превращались в демонстрацию силы, мощи и преданности наших бойцов и командиров своей Родине и любимому вождю товарищу Сталину. Вместе с тем они отличались своей исключительной деловитостью, ибо на них простым языком показывалась грозная опасность и то, как отразить врага. Личный состав наших частей заверил командующего, что с честью выполнит свой долг перед Родиной. 1—5 мая отличившимся в защите Севастополя Военный Совет Приморской Армии вручил почетные грамоты Верховного Совета, в которых отмечались заслуги воинов и выражалась уверенность, что в предстоящих боях за Севастополь получающий грамоту умножит свои показатели. Мне также была вручена почетная грамота, которую по моей просьбе переслали жене через Ферганский военкомат, где она проживала в это время.

На праздник к нам прибыла делегация азербайджанского народа, которая привезла с собой подарки. Тепло была встречена делегация нашими бойцами и командирами. На состоявшихся собраниях и при личных посещениях делегацией наших подразделений произошел обмен мнениями о своей работе, друг другу выразили свои симпатии, а все вместе свою любовь и преданность Родине, партии и великому Сталину. Отдельно состоялась встреча бойцов и командиров азербайджанской национальности с делегацией, на которой участники делегации рассказали о работе в тылу, а бойцы о своих подвигах и просили передать азербайджанскому народу, что его сыны выполняют свой долг перед Родиной.

Радостная весть пронеслась по частям. Сам наш великий вождь, любимый полководец прислал приветственную теле-

грамму. Товарищ Сталин писал, что на примерах защитников Севастополя учится вся Красная Армия. Что может быть еще более почетно такой оценки? Наши сердца наполнились радостью и гордостью, но вместе с тем и сознанием того, что эту оценку надо еще раз оправдать в предстоящих боях. Телеграмма эта была зачитана всему личному составу. Состоялись митинги, на которых долго аплодировали своему вождю и заверили, что оправдают надежду и доверие. Политаппарат в беседах, политзанятиях, информациях широко разъяснил содержание этой телеграммы и определил задачи, вытекающие для каждого. Телеграмма была также получена от моряков Балтийского флота, от писателя И.Эренбурга и др.

г) Культурно-массовая работа также была подчинена главной цели. Дивизионный клуб, руководимый политруком Калужским Б., провел большую работу в частях. Сотни кинокартин демонстрировались непосредственно на передовой линии, десятки концертов было дано там же, проводились полковые и дивизионные смотры художественной самодеятельности, на которых бойцы показали, что они умеют не только воевать, но и веселиться, когда для этого есть время.

Заслуженным авторитетом в частях пользовалась агитбригада нашего дивизионного клуба. Ее материал, построенный в интересной форме, вполне удовлетворял зрителей, а карикатуры гансов и фрицев вызывали всеобщий смех.

В начале мая после дивизионных смотров состоялся всеармейский смотр художественной самодеятельности. Смотр этот проходил уже в период крупных авиационных налетов, однако он был проведен на высоком уровне. Было выявлено много замечательных талантов. Лучшие исполнители были награждены и премированы грамотами и ценными подарками. Наша агитбригада заняла одно из первых мест — была награждена грамотой и ценными подарками, а один участник — медалью.

д) Серьезно был также продуман вопрос постановки правдивой информации хода боев. От роты до армии шла популяризация отличившихся. Этот участок был поручен мне, но в условиях боя это было нелегкой работой. Комиссарам не-

когда и не всегда условия позволяют доносить, но это нужно. Информация должна была быть минимум 2 раза в день. Я подобрал себе опытных товарищей, продумал порядок информации, состоявшей из разных форм, собрал своих людей, и все мы поставили перед собой задачу — быть с бойцами, одновременно не отрываясь от своих штабов, правдиво и своевременно доносить о ходе боев, в бою выявлять отличившихся, сделав их героизм достоянием всех бойцов. Формами для этого должны были быть: дивизионная газета, специальные бюллетени об отличившихся, боевые листки, где позволяет обстановка, сообщение живых фактов командно-политическому составу для передачи бойцам и т.д.

Таким образом, из описанного видно, какой размах приняла подготовительная работа по подготовке к боям. Буквально все рычаги были приведены в действие (а разве все опишешь в таком личном дневнике?). Можно с уверенностью сказать, что Севастополь был окружен неприступной стеной, а его защитники готовы сражаться геройски во имя Родины.

АВИАЦИОННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА

Другим именем нельзя назвать начавшиеся во второй половине мая и продолжавшиеся до конца боев налеты авиации противника. Это уже не были налеты, которые мы привыкли видеть даже в самых больших масштабах, это было целое наступление. Противник, подтянув большие авиационные силы с других участков, хотел посеять панику, разбить тылы севастопольской обороны, разрушить наши коммуникации, а затем уже начать штурм, надеясь таким образом быстро закончить с Севастополем после своей неудачи в Керчи.

С утра до ночи стоял невыносимый гул моторов и взрывов. Одновременно с этим фашисты совершали крупные артиллерийские налеты по определенным объектам. Фашистское командование начало методически уничтожать город и его мирных жителей, день за днем они разрушали квартал за

кварталом. Эти варвары прекрасно знали, что в городе нет военных объектов, но разве им жалко кровь советских людей, стариков, детей и женщин! История никогда не простит этим гадам, только их кровь, пролитая реками, может частично быть возмездием, а предела мести им нет.

Эшелон за эшелон прилетали фашистские стервятники. Одни разгружались, другие ожидали своей очереди. Они превратили наш красивейший город в развалины, даже всему миру известная Панорама Севастопольской обороны была разбита, хотя с воздуха она четко видна и никаких военных объектов вблизи не было. Сотнями фугасные и зажигательные бомбы сбрасывались за сутки, даже за одиночными машинами гнались варвары. Вслед за городом, очевидно, думая, что тылы уже разбиты, начались налеты на первые и вторые линии нашей обороны. Это были ожесточенные бомбардировки. Начиная с первого дня вступили в действие наши славные соколы, а им в помощь зенитчики. То там, то тут завязывался воздушный бой, и хотя стервятники летали стаями, а наших самолетов было гораздо меньше, сталинские соколы не уклонялись от боя. Много раз мы, пехотинцы, любовались героизмом и мужеством наших летчиков, принявших неравный бой, но вышедших победителями, аплодисментами отвечали мы им. Зенитчики обрушивали перекрестный огонь по стервятникам, как бешеные, мотались стервятники с одной в другую сторону, но зенитки, а ночью еще и прожектора их преследовали и сбивали. Замечательное зрелище, когда горит фашистский самолет. Радостно на душе было сознавать, что завтра его уже не будет и его летчики никогда уже больше не сбросят свой груз на мирных граждан. Таких зрелищ было много. Ежедневно наши сбивали по несколько десятков фашистских самолетов. Фашисты бесились от ярости. Они подбрасывали все новые воздушные силы, в течение дня самолетов прилетало уже не десятки, а сотни. Одни улетали заправляться, другие начинали бомбить. Наверное, в Севастополе нет такого клочка земли, где бы не была воронка от бомбы, а в крайнем случае — от снаряда. Много раз я попадал под бомбежки, но два случая особенно мне запом-

нились, ибо бомбы были сброшены туда, где вместе с другими товарищами находился и я. Первый налет — это когда фашисты, нацеливаясь сбросить бомбы на танкер, находившийся в Северной бухте, попали в маленькое помещение на берегу бухты в Инкермане, где размещался политотдел. Нельзя передать ощущение при разрыве бомб в домике, где сидишь. Одна бомба отсекла стенку, перегораживающую нашу комнату; по одной стороне были жертвы и раненые, а по другой, где мы сидели, все остались невредимыми. Как мы были удивлены! Раненым была оказана помощь нами самими. После этого мы перебрались на другое место, но через несколько дней налет был и туда. Сброшено было много бомб, но ни один человек не был ранен. Странно? Как раз в этот момент мы ушли из помещения в землянку, и бомбы встретили по пути, но зато весь угол здания, где мы размещались, был отбит и завален. Однако же мы забрались туда и вытащили свои вещи, перебравшись жить в блиндажи. А сколько таких случаев!

Авиационные налеты не прекращались, а, наоборот, всё усиливались, менялась только сила между отдельными участками: то на одном участке фашисты сосредоточивали силы, то на другом. Но свой план методического уничтожения города и окрестности гад этот выполнял. Чем больше усиливались удары врага, тем сильнее становилось наше сопротивление. Если в первые дни фашистские самолеты сбивались зенитчиками и летчиками, то в последующие дни присоединились и пехотинцы. Случаи, когда фашистские самолеты сбивались обыкновенной русской винтовкой всем известного образца, стали уже не единичными. Передовая линия встречала врага огнем из всех видов оружия, заставляя его держаться на высоте.

Рабочие и служащие Севастополя продолжали свою работу под землей, давая защитникам передовой линии минометы и мины, одежду, питание. Женщины и дети, собранные в специальные команды, героически, как наши бойцы на передовой, боролись с пожарами, восстанавливали дороги вместе с военными, оказывали помощь осиротевшим. Медицинские

работники перенесли свои учреждения под землю и лечили раненых, а часть из них находилась наверху, помогая раненым бойцам и горожанам. Вот теперь лишь можно понять значимость тех подготовительных работ, которые были проведены до боев.

Авиационные террористические налеты, фашистское командование было уверено, уже вывели из строя огневые средства нашей обороны, уничтожили значительную часть живой силы, разбили тылы и пути подвоза, снесли Севастополь, могущий прийти еще на помощь. В общем, немцы, боясь защитников Севастополя и зная грозную силу этого города, думали этими авиационными налетами облегчить наступление наземным войскам и с небольшими потерями овладеть Севастополем. Но не так-то оно было просто вывести из строя защитников еще до того, как начались наземные бои. Так как все было закопано в землю: и люди, и техника, и боеприпасы, и продукты – словом, все, что должно быть для боя, то оно и осталось целым за некоторым исключением. Потери в живой силе убитыми и ранеными от воздушных налетов по нашей дивизии составляли буквально единицы, даже меньше, чем в обыденный «тихий» день. То же можно сказать о сохранении материальной части. Первую победу одержали мы в таких больших сражениях. И надо сказать: слава и благодарность командованию Армии и нашей дивизии, предвидевшим все это, а поэтому сохранившим наши силы. Воздушные атаки также закалили наших бойцов и командиров; нервы стали еще крепче, повысилась дисциплинированность, возросла воля к победе и уверенность в своих силах. Командование дивизии в своем приказе по поводу этих налетов подытожило наши успехи в сохранении сил и призвало личный состав к бдительности и готовности встретить наземное наступление, которое, по данным разведки и пленных, ожидалось в первых числах июня месяца.

БОИ ПОД ДЕРЕВНЕЙ БЕЛЬБЕК

Неспокойной была ночь с 6 на 7 июня. Мы ожидали на рассвете наступления и поэтому еще и еще раз проверяли свою боеготовность. Все работники политотдела выехали в части, чтобы там участвовать в боях и поддерживать связь со штабом и политотделом дивизии. В 3 часа ночи я уже был вместе с начальником политотдела на наблюдательном пункте комдива. Противник, подтянув большие силы после падения Керчи, подбросил большие танковые и авиационные силы и надеялся таким образом расчленить наши войска и захватить по частям, быстро покончить с Севастополем. Объектом для главного штурма была избрана наша дивизия и правый наш сосед — 79-я морская бригада. Особенно он надеялся использовать стык между нашими 747-м стрелковым полком и 79-й бригадой. Сюда были собраны, как видно из боев, все главные силы: танки, автоматические пушки, автоматчики, авиация, минометы — словом, все, что было у них на вооружении.

На рассвете 7 июня, в воскресенье, началась небывалая до сих пор артиллерийская подготовка. Вся передовая линия и пути подхода к ней были в дыму от взрывов, непрерывно увеличивающихся. Вскоре появились вражеские стервятники целыми стаями. Все это было направлено, прежде всего, на наш участок, где предполагал гад совершить прорыв. Трудно описать этот грохот взрывов от артиллерийской и авиационной подготовки, продолжавшейся много часов. Те батареи, коим было приказано, открыли ураганный огонь по огневым точкам противника, остальные же силы держались для следующего за подготовкой наступления. Пехота противника еще долго не шла, видно, боялась и ожидала, чтобы авиация и артиллерия им подготовили свободный путь, и тогда они вступят в легкий бой. Однако сил у них было много. Не помню точно, в каком часу, но было уже время завтрака, на штурм наших позиций пошли танки противника, за ними автоматические самоходные пушки, затем колонны автоматчиков, а уже потом пехота. Все это сопровождалось артиллерийским, авиационным, минометным огнем противника. Теперь заго-

ворили все без исключения пушки нашей артиллерии (а их было достаточно!), заработали многочисленные минометы, пулеметы, в действие приведены противотанковые пушки и ружья, застрочили сотни автоматов и винтовок, вскоре появились и наши самолеты. И начался невиданный бой, каких мало было в истории войн, в том числе нашей отечественной войны. Наверное, немцы после столь длительной подготовки не ожидали такой встречи. Местами они дрогнули и попятлись назад, но, получив свежую помощь, вновь бросались в бой. Трупы немецких солдат и офицеров покрывали сплошь землю. Гул, взрывы, огонь и дым — вот что видно было, но наши защитники знали свои места. Свое слово «Ни шагу назад!» они сдержали с честью, никто не отходил даже тогда, когда положение казалось безвыходным. В ответ на все возрастающие силы врага наши усиливали свой героизм, мужество и храбрость. Лозунг командующего «Каждый защитник Севастополя должен истребить 10 немцев» выполнялся точно и с превышением. Вместо выбывшего из строя бойца становился его товарищ, выполнявший одновременно несколько функций. Теперь героизм, бывший героизмом отдельных людей, стал массовым героизмом. Герои исчислялись не единицами и десятками, а сотнями и тысячами. Смело были встречены вражеские танки, которых было сотни. Истребители танков без страха бросались на противника и с помощью гранат и бутылок с горючей смесью поджигали танки врага. Противотанковые пушки и полевая артиллерия уничтожали танки, рассеивали целые колонны, стрелки из противотанковых ружей выводили из строя один за другим танки. О размахе нашей борьбы с танками можно судить по тому, что в первый день только на участке нашей дивизии нашими силами было уничтожено более 50 танков противника, на второй день — около 100, а общий счет возрастал ежедневно в течение всего июня месяца. Наша артиллерия выводила из строя артиллерию противника и уничтожала целыми батальонами пехоту врага, не отставали минометчики и смертоносным огнем встречали немцев наши славные пулеметчики.

Бойцы и командиры нашей дивизии сражались, как львы, блестяще отражая самый сильный и первый удар противника,

нанесенный по нам. Трудно сказать, какой батальон и какая часть лучше сражались. Все бились крепко и достойно, предпочитая смерть отступлению без приказа. Об этом говорят такие факты: 1-й батальон 514-го стрелкового полка, державший оборону в районе Бельбека, потерял в боях значительную часть своего личного состава. Оставшиеся в живых добрались до томатного завода, находившегося в этом районе и превращенного в узел сопротивления, где присоединились к находившейся там роте этого же батальона. Комиссар батальона решил, что будет сопротивляться до конца. Противник давно обошел этот пункт и хотел во что бы то ни стало им овладеть. Ни артиллерия, ни пулеметы и автоматы не помогли взять этот узел. Как бы тяжело им не было, но наши бойцы держались. Приблизившиеся фашисты кричали: «Рус, сдавайся», но им ответили пулями и косили их, как косят траву. Наши раненые и убитые лежали тут же, ибо выхода к нашим частям не было. Вскоре кончились боеприпасы, а подбросить нельзя было, был тяжело ранен комиссар батальона, который в предсмертную минуту сказал: «Я погибаю за Родину, за великого Сталина, держитесь до последнего». Бойцы сопротивлялись до последнего патрона, и когда немцы овладели этим узлом на второй день, там было большинство убитых героев, и только некоторым товарищам удалось ночью пробраться к своим.

Одна минометная батарея минометного дивизиона, где командиром был капитан товарищ Макаренко, состояла исключительно из азербайджанцев и политруком был товарищ по национальности азербайджанец. Эта батарея попала в окружение, но не прекращала огня во все стороны. Вражеские самолеты обнаружили батарею и непрерывно пикировали. Ни один боец не сделал шагу назад. Таких примеров десятки и сотни, о них я еще напишу ниже. Хорошо сражались на правом фланге 747-й стрелковый полк, на левом 514-й стрелковый полк, в их рядах минометный дивизион, сзади них — 134-й гаубично-артиллерийский полк, и впереди всех — истребители танков из отдельной разведывательной роты. Слава о нашей дивизии пронеслась по всей армии. Имя ласкинцев (комдива полковника Ласкина) повторяли всюду в других дивизиях и в специально выпущенных политотделом Армии листовках.

Героические эпизоды личного состава нашей дивизии мы быстро довели до всех бойцов и командиров. Самый сильный удар врага, нанесенный по нашей дивизии, был мужественно отражен, и немцы потеряли от нашего огня сотни танков и орудий, тысячами трупов были усеяны подступы к нашей дивизии. Немец терял много живой силы и техники, но, не считаясь с громадными потерями, бросал в бой всё свежие силы. После двухдневных боев в июне, боев, которых мало было в истории отечественной войны, были израсходованы запасы боеприпасов. Недоставка их означала гибель для всех нас, но и доставить их было почти невозможно. Противник приблизился и непрерывно, без минутной передышки, перекрестным огнем обстреливал каждый сантиметр дороги на Инкерман. Местами он бил прямой наводкой по дороге. Автоматчики одиночками пробирались к дороге и стреляли. Авиация противника гналась за каждой машиной, пикируя на нее. Враг знал, что дорога эта важна для нас.

Я только вернулся с какого-то задания и пришел в блиндаж начальника политотдела дивизии. Там были еще работники политотдела и штаба дивизии. Начальник политотдела дивизии разъяснил нам, какое создалось положение, и заявил, что командование дивизией просит политотдел доставить в тот же день боеприпасы любым путем. Мы поняли, какое это серьезное дело, но выполнить его надо во что бы то ни стало. Каждый из воевавших знает, что лежать в окопе или даже на открытом месте гораздо безопаснее, чем попадать машиной под такой огонь, какому подвергалась дорога в Инкерман. После сообщения начальника политотдела дивизии воцарилось молчание, каждый думал, что задание ответственное, его надо выполнить, но кто знает, доедешь ли. Не так обидно погибнуть, как обидно, что там будут ждать боеприпасы, а доставить их не сможешь. Никто не вызывался поехать, но молчание было быстро прервано начальником политотдела дивизии, который, разглядев всех, сказал: «На это задание поедет товарищ Курцман, который попутно сообщит политотделу армии о наших боях». Вообще, начальник политотдела дивизии после моей службы в 5-м танковом полку счи-

тал меня почему-то смелым и даже иногда при объяснении какого-нибудь задания еще в степной части Крыма, подбирая людей на задание, в числе других смелых и исполнительных называл мою фамилию. Мне было сказано, что машину для поездки по указанному заданию я возьму возле дороги, шофер поедет со мной отсюда. Попрощавшись с товарищами, мы пошли, вернее, поползли к дороге, и, на наше счастье, машина была еще цела. Мы сели в машину, дверцы придерживали так, чтобы в случае чего можно было выскочить, и выехали на дорогу. Со всех сторон посыпались снаряды и пули. Шофер был опытный и, по моему совету наблюдавший за «воздухом» и разрывами, то со всего ходу останавливал машину, отчего она становилась «дыбом», то вновь давал полную скорость. Снаряды падали то впереди, то сзади нас, то слева, то справа – только и слышен визг осколков по кузову или другому месту, но в кабину не попадают. Вдруг появились пикирующие самолеты противника, которые, как охотники за добычей, погнались за нами. Они пикировали и сбрасывали бомбы, временами мы стрелой выскакивали из машины и камнем падали на землю, но потом, пока они делали заход, уже мчались дальше. Такими путями мы, после долгого маневрирования, добрались до Инкермана. Там уже с «боями» с некоторыми начальниками по снабжению, считавшими, что они уже выдали норму, с помощью других работников политотдела достали боеприпасы и в тот же день к вечеру доставили их, пользуясь темнотой.

Мой приезд с боеприпасами удивленно встретили товарищи, находившиеся в политотделе. Заметив меня, все выбежали из землянки, с возгласом: «Фима жив! Вот он идет!» бросились меня целовать. В их числе были заместитель начальника политотдела дивизии батальонный комиссар Нешин, инструктор Рябоконь, ответственный секретарь ДПК батальонный комиссар Нейгер – все они ночью прибыли по делам из части, секретарь политотдела сержант Мельник и др. Оказывается, кто-то из шоферов сообщил, что я убит и что он лично меня видел убитым. Все были рады моему «воскрешению». Меня накормили, дали выпить вина и заставили отдохнуть часок, пока другие соберутся в путь.

Ожесточенные кровопролитные бои продолжались. Враг, не считаясь с громадными потерями, бросал всё свежие силы. Он метался, как бешеная собака. Когда ему не удавалось отбросить наши части, он штурмовал соседние дивизии, но получив и там такой удар, как у нас, искал новые лазейки. Борьба шла за каждый метр. Когда наша дивизия потеряла значительный процент своего состава — все погибшие героической смертью, но не сделавшие ни шагу назад без приказа, а противник бросал все новые силы, превосходившие численно во много, много раз наши силы, не говоря уже в танках и авиации, нам пришлось немного отодвинуться. Отход этот исчислялся в метрах, что в других условиях могло быть не упомянуто, но ведь здесь шла борьба за сантиметр земли. В этих боях был ранен комдив полковник Ласкин, комиссар дивизии бригадный комиссар Солонцов, погиб при выходе их окружения начальник штаба подполковник Лернер, много работников политотдела было ранено, в том числе и сам начальник политотдела дивизии. Все эти и другие товарищи были заменены заранее назначенными заместителями. Дивизия заняла оборону на запасных линиях, а штаб разместился в железнодорожном тоннеле. Через несколько дней с перевязанной рукой вернулся комдив, вновь принявший командование дивизией. Бои вновь приняли прежний размах, но все атаки, повторявшиеся за день до 10 и более раз, были отбиты с большими кровавыми жертвами для противника. Много раз немцам приходилось удирать буквально голыми. Исключительное мастерство и знание военного дела показал наш комдив, умело управляя войсками. Это смелый и храбрый командир, которому не страшны ни самолеты, ни артиллерия, ни автоматчики. Он спокойно стоит на своем месте и командует.

Помню такой случай: противник сосредоточил силы в одном месте для нанесения удара по нашим частям. Разгадав этот маневр, полковник Ласкин отдал приказание всем орудиям, минометам установить прицел по месту скопления войск противника. Более того, он послал своих представителей в соседние артиллерийские части и просил по его команде помочь

огнем по этой же цели. Так оно и было: как только противник, сконцентрировав силы, бросился на нашу оборону, по команде нашего комдива открыли ураганный огонь наши и соседние пушки, все минометы, автоматы и стрелки. Полковник Ласкин, пренебрегая смертью, под разрывами снарядов и свистом пуль уверенно стоял на высотке и руководил боем. В результате противник потерял все свои силы на этом участке убитыми и ранеными, и в панике его остатки бежали.

Много дней продолжались бои на этом участке. Все мы, работники политотдела, находились с бойцами в окопах, воодушевляя их на подвиги, пропагандируя героизм личного состава, а когда нужно было, били по врагу. Видя героизм бойцов, а также узнавая из рассказов других работников и из кратких донесений, я на ходу писал политдонесения в политотдел Армии, под огнем разыскивая своих начальников, которые должны были уточнить данные, исправить написанное, если нужно, и подписать. Эти донесения я всякими путями доотсылал по назначению, а через несколько дней ездил или пробирался в политотдел обобщать материал за несколько дней и вновь приступал к начальной работе. Много опасных часов и дней было пережито. Даже тогда, когда мы попадали в тоннель, где был штаб, опасность гибели не миновала, ибо противник бил прямой наводкой по входу, часто засыпал тоннель так, что не то что ничего не видно было, но и воздуха для дыхания не было. В этих случаях еще приходилось успокаивать паникой охваченных многих бойцов, главным образом легко раненных, находившихся там. Здесь же происходило формирование рот из бойцов, оторвавшихся от своей части, отдохавших и легко раненных. Ведь резервов нам неоткуда было ждать, и поэтому политотдел занялся и этой работой. С вновь сформированными ротами были проведены краткие митинги, бойцам рассказывали о героизме их товарищей в этот день, а затем вели их в бой назначенные тут же командиры и политруки или один из них. В большинстве случаев это были работники политотдела и штаба дивизии. В формировании такого пополнения много поработал

заместитель начальника дивизии батальонный комиссар Нешин, помощник по комсомолу старший политрук Гузынин и другие. Трогательными были случаи, когда в тоннель проносили раненых и они обращались к уходящим в бой товарищам. Помню такой случай: в тоннель принесли раненого бойца пожилых лет, он заметил, что товарищи уходят в бой, и обратился к ним со словами: «Товарищи! Смело идите в бой за родной Севастополь, не бойтесь немцев, они нас больше боятся. Отомстите за мою кровь». Послышались голоса: «Отомстим», «Вперед, товарищи!», и они выходили в бой. В этот же тоннель был принесен смертельно раненный наш крымский товарищ военком Караев, который до конца оставался со своими подразделениями и воодушевлял бойцов на подвиги. Он вскоре скончался по дороге в медсанбат. Много дней продолжались эти ожесточенные бои, и каждый день личный состав нашей дивизии вписывал все новые и новые страницы в историю обороны Севастополя, традиции которого с честью отстаивали и множили воины нашей Красной Армии и Красного Флота.

Кто же они, эти защитники? Их были сотни в каждой части. Вот фамилии и подвиги некоторых из них.

Старший сержант медслужбы, разведчица Мария Байда

Мария Байда была призвана в Армию из Красноперекопского района Крымской АССР. В Армии она несла службу медицинского работника. Но случилось так, как всегда бывает среди молодых людей: она полюбила одного разведчика из 514-го стрелкового полка, а он ее полюбил. Долго Мария упрашивала комиссара полка товарища Караева разрешить ей перейти в разведку полка, объясняя тем, что ей нравится такая служба и по своему здоровью она не уступит мужчине. Товарища Караева никак не могла убедить Мария, но когда он узнал от других истинную причину этой просьбы, он, зная ее боевые способности, разрешил Байде перейти в разведроту. Она часто ходила на задания и всегда отличалась храбростью.

Июньский штурм Севастополя застал Марию Байду в разведке. Уже на рассвете, собираясь вернуться из ночной

боевой операции, разведка неожиданно подверглась артиллерийско-минометному и пулеметному огню. Она поняла, что началась артподготовка противника к наступлению, а вскоре немцы пошли в наступление. Все разведчики, в том числе Мария Байда, остались на передовой и приняли первый бой врага. Фашисты, увидев, что это небольшая группа, вначале обрушились на разведчиков, а затем хотели взять их живыми. Не растерялись наши славные разведчики. Они беспощадно косили варваров, трупы немцев непрерывно увеличивались. Мария Байда опережала всех, ее автомат работал четко. Часть бойцов погибла. Оставшиеся несколько человек продолжали борьбу, каждый из них уже истребил много фашистов, но уничтоженные Марией исчислялось уже десятками. Но вот кончились боеприпасы, остается заряженным последний диск автомата. Разведчики дрогнули и стали отступать. И тут заговорила Мария. Она крикнула: «Стой! Отступать нельзя! Кто тронется, пристрелю». Разведчики были удивлены ее решимостью и повиновались. Но что делать? Где взять патроны? В это время, увидев затишье, немцы стали приближаться. Мария приказала одному разведчику короткими очередями встретить приближающихся гансов, а сама поползла в сторону и, приблизившись с тыла к одному фашисту, ударила его прикладом по «рыжей голове», как она объясняла, прикончила и, отобрав автомат с запасом патронов, вернулась к товарищам. Теперь каждый занял поудобнее место и отстреливался. Вскоре Мария убила еще одного фашиста, отняла автомат и передала товарищам. Огонь наших разведчиков возобновился. Немцы заметили, что среди обороняющихся есть женщина, и решили во что бы то ни стало взять ее живой. Четыре немца с разных сторон поползли к Марии. Ее положение было тяжелым, а патроны опять на исходе. Но тут немецкая животная голова упустила важную «мелочь», которой воспользовалась русская советская патриотка Мария. Когда фашисты приблизились к Марии, то они не

одновременно бросились, а кто как успел. Быстрым движением Мария повернула свой советский автомат (без патронов даже) и сильным ударом приклада по «рыжей голове» уложила одного, затем второго, а пока остальные два фашиста опомнились, она уже успела схватить другой автомат, лежащий рядом, и очередью истребить остальных. Мария оказалась победительницей. До вечера эти три или четыре (не помню точно) разведчика продержались, пользуясь патронами противника, а с наступлением темноты Мария вывела своих товарищей из окружения в свою часть. Мария Байда в этот день была ранена в руку, но не бросила своей позиции.

Краснофлотец Павел Линник

Павел Линник из Донбасса. Добровольно служил в морской пехоте, он был совсем молодым, а на вид ребенок. Попал в разведроту нашей дивизии, где много раз показал свою храбрость при выполнении разведоперации. Но вот однажды он совершил серьезный проступок — будучи в разведке, в деревне Бельбек похитил вещи, оставленные там эвакуированными жителями. И так как уставы РККА строго карают за мародерство, Линник решением военного трибунала был приговорен к 10 годам, но ему была дана возможность на передовой линии себя оправдать, после чего можно было возбудить ходатайство о снятии судимости. После этого приговора Павел упал духом, особенно он переживал исключение его из комсомола. Однажды я с Леной Гузыниным был в этой роте, завел беседу с Линником, разъяснили, каким образом он может себя поставить опять в первые ряды, подбодрили его по-дружески, и он нам сказал, что понял. «Я буду опять комсомольцем» — его заключительные слова. Не прошло и двух недель, как Павел показал, на что он способен: несколько раз он приводил «языка», врывался к немцам и гонял их, как мышей, приносил трофеи. Он завоевал себе почетное место, судимость была снята, в комсомоле он был восстановлен. И вот в этих последних боях Павел показал себя храбрейшим бойцом. Находясь в цепи истребителей танков, он встретил немцев без паники и со свойственной

ему уверенностью. Запасшись противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью, Павел себе вырыл удобную щель и в ней расположился в ожидании танков. Вскоре не замедлили явиться непрошенные гости. Шла целая группа вражеских танков, которая, приблизившись к нашим окопам, расчленилась, и на участок Линника пошли 3 танка. Один за другим идут они на Павла, но Павел спокоен, ибо уверен, что вскоре он вступит в бой и выйдет победителем. Вот прошел один через его щель, но не успели еще далеко отойти фашисты, как в них полетели гранаты метко в цель, и, пока загорелся первый танк, Линник уже бросил бутылки во второй танк, и этот, только повернув в сторону, тоже воспламенился. Танкисты выскочили и бросились бежать, но Линник дал несколько очередей и истребил их. Заметив происшедшее, третий танк повернул назад, но Линник и его не упустил — брошенная граната вывела из строя гусеницу, и танк стал. Так один защитник Севастополя вывел из строя 3 грозных машины и перебил их прислугу. На этом Линник не успокоился. Когда немецкая пехота бросилась в бой, Павел встретил ее огнем из автоматов, и подступы к его щели были усеяны трупами фашистов. Их насчитывалось более двух десятков. Свои героические подвиги Павел повторял много раз и ни разу не был ранен.

Красноармеец, фамилию которого не помню, но подвиг которого не забуду никогда в жизни. Шел горячий бой, и на одном участке прорвался вражеский танк. Этот красноармеец-герой бросил несколько, одну за другой, гранат, но не мог вывести танк из строя. Красноармеец понял, что, если пропустить танк в наше расположение, тот наделает много бед. Тогда он принял решение пожертвовать собою ради спасения нашей техники и товарищей. Он обвязался гранатами и бросился под танк. Произошел взрыв, танк был уничтожен, но и погиб этот славный герой-патриот.

Политрук Филиппов —

командир роты автоматчиков 383-го стрелкового полка

Это был бесстрашный политработник, и поэтому его поставили командовать автоматчиками.

Когда противник прорвался к 383-му стрелковому полку, рота автоматчиков смело бросилась на него. Как всегда, Филиппов был впереди, уничтожая фашистов. Он лично истребил только за один день более 30 солдат и офицеров, а счет этот рос каждый день. Не раз он обращал в бегство противника, численно превосходящего роту Филиппова. Однажды Филиппов с группой автоматчиков попал в окружение. Кольцо все сжималось вокруг нашей группы, но отважный политрук повел своих автоматчиков в атаку с возгласом «Ура!». Прорвав цепь противника и истребив многих фашистов, товарищ Филиппов почти без потерь вывел свою группу в расположение наших частей. Еще много героических подвигов совершил политрук Филиппов.

Капитан товарищ Макаренко –

командир отдельного минометного дивизиона

Дивизион, которым командовал орденосец капитан Макаренко, показал в боях исключительную храбрость и умение ведения огня. В его дивизионе были десятки героев, прославивших себя и своих товарищей по дивизиону. Макаренко сам обладал замечательными качествами командира. Исключительное спокойствие при самых сложных положениях, знание своего дела, мужество, храбрость и преданность Родине и партии – вот его качества. В результате многодневных боев остатки дивизиона оказались в полном окружении, а капитан Макаренко продолжал борьбу вокруг своей обороны.

Однажды под вечер капитан Макаренко заметил, что противник собрал большие силы и намеревался штурмовать одну высоту, где находились наши войска, но не видел грозящей опасности. Что делать? Как сообщить своим товарищам об опасности? Посланные связисты не могли добраться, кто из них вернулся, а кто и погиб. На помощь Макаренко пришла замечательная случайность. Недалеко от расположения дивизиона был замечен фашистский ракетчик, корректировавший ракетами огонь своей артиллерии. Макаренко решил воспользоваться этим случаем и спросил у бойцов, оставшихся с ним, кто желает добраться до корректировщи-

ка, прибить его и забрать ракетницу с сумкой ракет. Неожиданно на это дело откликнулся боец-повар, который до сих пор ничем выдающим себя не показал. Макаренко хотя и удивился такому самоотверженному поступку повара, но доверил ему это задание. Через несколько минут повар принес не только ракетницу с ракетами, но и притащил самого убитого ганса. Вначале бойцы не поняли, зачем капитану понадобились вражеские ракеты, но вскоре они сами наблюдали замечательное зрелище. Макаренко выждал, и когда фашисты пустили в атаку на высоту свои танки, легкие пушки, автоматчиков и пехоту, он приказал зарядить немецкую ракетницу красными ракетами, означавшими вызов своего артиллерийского огня. Теперь бойцы поняли, в чем дело, и насторожились. Макаренко дал противнику сосредоточить все силы на обратном скате высоты, где были наши части. Затем стал сыпать одну за другой ракеты вызова помощи фашистской артиллерии. Немецкое командование, не зная в чем дело, приняло эти сигналы за свои и, подразумевая, что своим частям не удастся взять высоту, открыло ураганный огонь из десятков орудий. Пользуясь корректировкой «своих» ракет, немцы били точно по указанным скатам. Огонь противника все возрастал и продолжался, пока хватило у Макаренко вражеских ракет. Танки, пушки, пулеметы и солдаты с их офицерами летели в воздух, скаты этой высоты были перерыты воронками вдоль и поперек. Немцы потеряли почти все силы, брошенные на эту высоту, в этом легко убедились на рассвете, наблюдая за происшедшим. Вот как военная хитрость спасла наших бойцов и истребила сотни фашистов с их техникой.

Вслед за этим случаем Макаренко решил вывести из окружения своих бойцов. Задача эта была трудной. Пробриться можно было только на левый фланг — в направлении 95-й стрелковой дивизии был небольшой узкий проход в один совхоз, который сильно обстреливался флангами противника и со стороны совхоза. Как только появлялся боец в проходе, он погибал. Макаренко решил действовать организованно. Он собрал своих бойцов и бойцов соседних частей,

не могущих пробраться, и неожиданно для немцев бросился на совхоз, забрасывая его гранатами. Немцы растерялись, не поняв, откуда на них напала целая часть. Воспользовавшись замешательством больших сил противника, Макаренко пробежал через совхоз и вывел свою небольшую группу. Долго благодарили капитана его бойцы и бойцы соседних частей, которых он вызволил из когтей немецких животных. А капитан Макаренко только улыбался.

ОТВОД НАШЕЙ ДИВИЗИИ В ТЫЛ СЕВАСТОПОЛЯ

Много дней продолжалась битва на участке нашей дивизии. Немцы бросали всё новые и новые силы, но прорвать наши линии и выйти к городу им не удавалось, ибо даже маленькая горстка людей все равно принимала бой превосходящих сил и мужественно защищалась. Немцам иногда удавалось продвинуться на несколько метров лишь тогда, когда не оставалось бойцов, а пополнить нечем было.

Противник нес громадные потери в живой силе и технике. Трупы немецких солдат и офицеров, усеявшие подступы к Севастополю, только на участке нашей дивизии исчислялись тысячами. Всюду валялись разбитые и сгоревшие немецкие танки, пушки, машины, пулеметы. Дорого немцам обходился каждый сантиметр нашей земли.

Наша дивизия, принявшая на себя такой колоссальный удар, также понесла значительные потери убитыми и ранеными. Раненых по ходу боя вывозили из Севастополя на самолетах и кораблях, причем последним также приходилось нелегко, ибо враг бросил на море много самолетов, но отважные моряки Черноморского флота с честью справлялись с возложенными на них задачами. Оставшийся личный состав двух наших стрелковых полков и мелких подразделений был сведен в один 514-й стрелковый полк, который под командованием опытных командиров и штабных работников штадива продолжал сражение, будучи поддержан артогнем

оставшихся дивизионов нашего 134-го ГАП (гаубично-артиллерийский полк), и эти части героически отстаивали честь нашей дивизии, сражаясь до последнего бойца и командира. Когда, например, 3-й батальон 514-го стрелкового полка попал в окружение, то он и в этих условиях продолжал борьбу, истребив только за 2 дня около полутора тысячи фашистов. Затем этот батальон пробился к нашему соседу слева — 95-й стрелковой дивизии, где продолжал сражения в ее рядах. И здесь наш батальон показал свой героизм, истребив несколько сот фашистов и захватив трофеи. В своем отзыве на имя нашей дивизии командование полка 95-й стрелковой дивизии, где был наш батальон, дало высокую оценку бойцам и командирам 3-го батальона 514-го стрелкового полка.

Оставшиеся в живых командиры штабов частей, штаба дивизии, политотдела и часть бойцов подразделений были отведены в тыл Севастополя. Но это понятие «тыл» является относительным понятием, ибо в Севастопольской обороне трудно отделить тыл от фронта.

Вначале мы разместились в бухте «Круглая», но вследствие сильной бомбежки, повторявшейся по многу раз в день, мы перешли под одним из обрывов в Балаклавском направлении.

Здесь мы расположились на берегу среди дикой растительности. Поочередно ежедневно работники штаба дивизии и политотдела пробирались в подразделения сражающегося полка, организовывая его сопротивление. Другие работники штаба дивизии и политотдела подытоживали бои, представляли материал по наградам, готовились принять пополнения. И здесь приходилось не совсем легко, ибо вражеская авиация искала объекты бомбардировки и часто забрасывала бомбы.

Днем каждый из нас выполнял свою работу, а ночью занимали оборону на вершине обрыва. Много, очень много потрудился я над обобщением материала итогов первых боев. К своему материалу я собрал дополнительный материал, уточнял данные, беседовал с работниками штабов, командирами частей, бойцами. Собрался замечательный матери-

ал, где я с помощью старшего инструктора по информации политотдела армии батальонного комиссара Файнмана написал неплохой отчет о боях. Уже успел напечатать около 100 страниц, но, к сожалению, через несколько дней, по приказу политотдела Армии, пришлось его уничтожить вместе с другими документами, чтобы не дать их в руки противнику. Больно мне было это сделать, я долго колебался, все работники переживали за это, всё откладывали на позже, но затем пришел заместитель начальника политотдела дивизии Нешин, которого я очень уважал, и почти со слезами на глазах сказал: «Ничего не поделаешь, Фима, надо так сделать, есть приказ». И при нем мы уничтожили этот материал и другие документы политотдела.

В период нахождения под указанным обрывом произошло замечательное событие для нашей дивизии и для каждого из нас.

Несколько дней подряд мы читали в каждом номере газеты «За Родину» имена бойцов, командиров, политработников, награжденных орденами Советского Союза. Таких имен было несколько сот по нашей дивизии. Гордо мы читали приказы командующего Приморской армией генерал-майора (тогда) тов. Петрова за его подписью и подписью членов Военного Совета. Генерал Петров от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил отличившихся в боях орденами, а о 3-х товарищах нашей дивизии, коим было присвоено звание Герой Советского Союза, мы получили известие по радио. В числе награжденных были: Мария Байда – звание Герой Советского Союза; Павел Линник – Герой Советского Союза. И еще одному артиллеристу нашего 134-го ГАП (фамилию забыл) было присвоено звание Героя Советского Союза. Это была наша гордость. В числе награжденных много было моих товарищей и работников политотдела и штаба дивизии. Заместитель начальника политотдела дивизии Нешин награжден орденом Красного Знамени. Помощник начальник политотдела дивизии по КСМ мой друг Леня Гузынин – орденом Красного Знамени, мои друзья: политрук Калужский Борис – орденом Красной Звезды, интендант Ветко Ванюша – медалью и

много других. В один из дней на рассвете меня разбудили товарищи, и я стал их ругать и стыдить, заявляя, что «вы ведь знаете, что я час тому назад лег, а теперь дурака валяете». Но они только рассмеялись и подняли на ноги меня. Каждый из них мне подавал газету, ничего не говоря, а я стал злиться, не понимая в чем дело. Наконец-то я посмотрел на газету, и на первой странице был приказ командующего за № 25 (кажется, так), да и число, кажется, было 25 июня, что-то помнится, что я обратил внимание на совпадение. В числе других фамилий большинства бойцов в алфавитном порядке была моя фамилия – «Политрука Курцмана Ефима Моисеевича», это ребята подчеркнули красным карандашом, а словами прибавили: «Орденом Красной Звезды». Я прочел и убедился в верности сказанного, просиял от радости и ответил теплым рукопожатием товарищам. По правде сказать, от радости волновался, но старался быть поскромнее. Затем я еще раз прочел газету за этот день и другие номера, где увидел фамилии товарищей, и так же, как они меня, стал их поздравлять. Хорошие дни эти были. Большинство товарищей было награждено, многих героев наградили посмертно или представили к награждению в Москву. Нашей радости не было предела. По этому поводу мы выпили шампанского, собравшись по несколько человек, один угощал другого.

На второй день после моего награждения, о котором я узнал, мне сообщили еще одну радостную весть. Вызвал меня начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Шафранский и сообщил, что ему звонил из политотдела армии товарищ Файнман, который поздравил меня с присвоением звания «старший политрук». От своего имени начподив также меня поздравил с награждением орденом и присвоением звания. Я его поблагодарил и просил передать благодарность за сообщение батальонному комиссару Файнману. Вскоре прибыл и приказ по армии о присвоении мне нового звания, о чем наш секретарь вписал мне в командирскую книжку – удостоверение личности. Опять ребята меня поздравляли. Как принято, стали менять мне знаки отличия – сняли четырехугольники (или кубики) и хотели прикрепить прямоугольники («шпалу»), но,

к сожалению, только одну нашли, и так я остался без знаков отличия.

Весело и торжественно было мне на «душе», как говорят. Внутренне я ликовал и хотелось петь и плясать, а внешне я сдерживал себя, ибо обстановка была не для плясок. В тот же день написал моим в Фергану – Ленце, дочке и родителям о своем торжестве, но не знаю, дошло ли это письмо до них. Об этом также написал Чурсину, ибо, читая фронтовую газету, я увидел статью за подписью П. Чурсина и решил, что это преподаватель основ марксизма-ленинизма нашего института и член нашего партбюро, мне захотелось, чтобы он узнал, что я жив.

В последних числах июня месяца, т.е. как раз в те дни, когда мы были в «тылу» Севастополя, положение на фронте стало тяжелым. Не берусь анализировать все причины, это не в моих силах и способностях, но помню из виденного, что противник подтянул новые большие силы и обрушивался то на одну, то на другую дивизию, не считаясь с большими потерями, постепенно сжимал кольцо нашей обороны. Мы же были в гораздо худших условиях с точки зрения подвоза, только по морю, пополнения живой силой, боеприпасами и техникой, а нашим самолетам и развернуться негде было. Мужественные защитники Севастополя продолжали борьбу, но вынуждены были, оставшись малочисленными, отходить с боями.

Кажется, с 31/VI по 1/VII противник ценой огромных потерь занял Севастополь. Но разве можно считать, что он занял город-крепость, когда там были только развалины, одни камни? Нигде не было и одного уцелевшего здания, не говоря уже о военных объектах. Все, что нельзя было отвести, было взорвано, даже громадные скалы в Инкермане были взорваны.

С падением Севастополя наши войска продолжали сопротивляться на равнине за городом, еще никто не терял надежду на возможность получить помощь и отбросить врага. Однако это уже, наверно, не было целесообразным с военной точки зрения. Хотя Севастополь пал, но он сыграл большую роль в Отечественной войне, ибо в течение 250 дней он держал у своих стен огромную армию противника, чем не дал

возможности ее бросить на другой фронт, а в ходе самих боев защитники Севастополя перемололи тысячами немецких солдат и офицеров. А какой колоссальный ущерб понесли немцы в технике, говорить не приходится.

В последних числа июня (точного числа не помню), когда вопрос о формировании дивизии был снят, командующий Армией разрешил нашему штабу и политотделу выехать из Севастополя. Под большой опасностью и риском мы пробрались к бухте, кажется, Песочной. Всю ночь мы ждали возможности сесть на какой-нибудь корабль или лодку. Можно понять, какое было наше состояние, когда ничего в бухте не оказалось, ибо противник не только ее обстреливал, но и подходил к ней. В течение всей ночи рвались снаряды в бухте, и на рассвете следующего дня мы едва выбрались оттуда, по пути потеряли некоторых товарищей. Пробрались мы в район 85-й батареи, и там бойцы и командиры разных частей продолжали сопротивляться.

НАШЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Противник подходил к 85-й батарее и находился в нескольких стах метрах от обрыва, где мы укрывались от самолетов противника. В начале июля в одну из ночей была взорвана и эта батарея, еще поддерживающая своим огнем разрозненные части отбивавшихся в данном районе. Теперь наше положение стало крайне тяжелым. Командиры, коим было поручено продолжать отбиваться и руководить этим сопротивлением, говорили, что нам надо подержаться день, максимум два, пока вывезут нас на большую землю. Теперь тяжело приходилось нам, ибо боеприпасов не было, продуктов тоже, артиллерийской помощи никакой, а враг был так близко и обладал господством во всем. Зато у нас была воля и невиданное желание продержаться, сколько хватит малейшей силы.

Противник бил прямой наводкой по обрыву, а вражеские самолеты не давали и головы поднять. И все же в этих условиях наши люди сопротивлялись. А способы этого сопротивления мне напоминают храбрость спартаковцев в Италии, пробиравшихся через ущелья на выплетенных из растительности канатах. Так и мы здесь подвешивали к камням канаты, закрепив их к верху обрыва, и они служили лестницей, по которой взбирались бойцы, а затем бросались в атаку.

Немец почти всегда не выдерживал этих атак, хотя по численности маленьких групп, и немедленно откатывал назад на несколько сот метров. Но в этих случаях всегда появлялась вражеская авиация и пикировала на нас. Вновь мы спускались вниз и вновь собирали группы для атаки. Таких атак за день было десятки, они были похожи на какую-то игру, но очень страшную. Зато эти атаки тормозили вражеским самолетам бомбить, ибо расстояние между обеими сторонами было настолько ничтожным, что нельзя было отделить одних от других. Этим-то и пользовались мы по совершении атак, но идти дальше нескольких сот метров мы не могли, ибо никаких сил у нас не было для такой цели. Через день-два положение стало еще хуже, ибо не было уже патронов. Что делать? Но и выход трудно найти. Мы ждали спасения в каждой ночи, которая, как назло, наступала мучительно медленно.

Однажды мы обрадовались и считали себя спасенными. В полночь мы заметили приближение нашей эскадры, у всех участилось биение сердец. Бухт уже не было, и единственное место, куда могло подойти небольшое судно, была наскоро выстроенная небольшая пристань возле 85-й батареи. К этой пристани бросились как раненые, так и здоровые. В начале пытались установить какой-нибудь порядок, поставив впереди раненых, затем контуженых и здоровых. Я также стал в числе контуженых, ибо накануне был контужен легко, но в ушах и голове стоял невыносимый звон, и сам едва двигался «куриным шагом». Противник также заметил приближение нашей эскадры и открыл огонь, а по пристани стрелял прямой наводкой.

Наконец-то подошел один эсминец к пристани, пренебрегая огнем противника. Все стоявшие в ожидании хлынули на пристань, сдавливая друг друга. Я уже был почти у цели; впереди меня стоял Борис Калужский, раненный в руку, но тут случилась беда — пристань, не выдержав такого напора, провалилась с одного конца. Люди падали в воду, крича о спасении, но никто не хотел слышать этот крик, ибо сам был в не лучшем положении. Каким-то образом я ухватился за кусок перил и, напрягая все силы, задержался, не упав в воду. Голова закружилась, я потерял сознание, но вскоре опомнился и присел где-то возле лежащих раненых. В это время кто успел прыгнул на эсминец, кто смог — доплыл, и эсминец, забрав часть людей, отплыл под огнем разрывающихся снарядов. Мы остались ждать возможности прибытия других судов, но летний рассвет после 12 ночи наступает быстро, и нам пришлось с болью сердца, поникшей головой разойтись и занять свои места на берегу. Уже через несколько минут появились фашистские самолеты, возобновившие бомбардировку.

Ужасной была эта ночь, но таких еще было несколько, может быть и похуже. В следующий за этой ночью день возобновились наши действия по сопротивлению еще в надежде на спасение. Теперь и патронов не было, и поэтому обходили раненых, собирая в подсумках по 1–2 патрона, и, в зависимости от того, сколько было собрано патронов или гранат, составлялась группа для очередной атаки. Выбывших из строя заменяли другие.

Уже шли третьи сутки как, мы были без пищи и воды, правда, кушать не хотелось, состояние было крайне напряженное — нервы до высшей степени были напряжены. Зато жажда воды была неопикуемой, поэтому приходилось пить морскую воду. Иногда отодвигаешь лежащий труп в воде и набираешь воду, но пить эту воду — хуже раствора английской соли. Только по ночам мы доставали воду из бомбовых воронок, эта вода была не такой уж соленой, ибо морская вода, просачиваясь к воронкам, откладывала соли.

Следующая ночь также ничего радостного не принесла, наоборот, новые переживания и мучения. С вечера нас об-

надежили, что ночью придут корабли за нами. Назначили несколько мест, куда следует собраться, нам указали маленький островок, подойти к которому можно было только по воде, глубиной в грудь человека. Тут же мне кто-то сказал, что возле какого-то камня лежит тяжело раненный Леня Гузынин, который узнал, что я здесь, и просит подойти. Я немедленно подбежал к нему, бросился целовать его и увидел, что он уже полумертвый. Как выяснил, днем он был легко ранен и его положили под скалой, но через полчаса, во время бомбежки, обрушилась скала, и камни вместе с осколками посыпались на Леню, разбив ему голову, грудь, и теперь он был в тяжелом состоянии. Увидев меня, он протянул руку и заявил: «Фима, друг мой, не покидай меня, спаси, постарайся вывезти». Долго мы не рассуждали, и так как я знал, что ожидается эскадра, то сказал сестре Лиде (не помню фамилию) достать палатку, и, взяв еще бойцов, мы его через воду понесли на островок.

По островку сыпались пули и разрывались ракеты противника. Мы ждали, нервничали, раненые стонали, но все это оказалось напрасным. Никаких кораблей не было. Леня Гузынин возмущался, требовал, чтобы его вывезли. Напрасно я его успокаивал, он говорил: «Фима, я хочу жить». Я сам это понимал, но был бессилен чем-нибудь ему помочь. Я также, как Леня, хотел жить, но что мог я сделать?

Пришлось обратно перенести тяжело раненного Гузынина. Ругались и другие раненые, но все напрасно. Некого было ругать, никто в этом не был повинен. Кроме проклятого немца.

Перебравшись через воду и уложив Леню, с которым осталась верная ему медсестра Лида, не покидавшая его даже в самые тяжелые минуты, я, Минкин и еще кто-то из моряков береговой обороны пошли пробиваться к пристани, надеясь там найти какую-нибудь лодку. Однако пройти туда мы не могли. Дорога берегом была завалена камнями, на них и возле них лежали трупы наших солдат, местами по ним ходили, ибо не было и кусочка земли, чтобы их отодвинуть. И по всей

этой дороге стояли раненые, желавшие пробраться к пристани, поэтому никого не пропускавшие.

Мы вернулись, настроение было ужасным, я сообщил Гузынину, что никакой возможности его увезти нет. Вскоре наступил рассвет.

7 или 8 июля уже с утра противник с обеих сторон обстреливал берег, где мы находились, и его автоматчики зашли со стороны пристани от 85-й батареи. Надо было отойти в пещерку, но туда можно было добраться вплавь. Мы не хотели бросать Гузынина, который был уже при смерти, но и плыть с ним тоже никак нельзя было, а тем более взбираться и спускаться по обрыву. Противник был совсем близко, снаряды разрывались вокруг островка, где мы положили Леню и сами прятались. Наступили предсмертные минуты, и Леня, разобрав, что положение наше тяжелое, крикнул: «Фима, прошу тебя, как друга, пристрели меня, облегчи страдания и спаситесь сами». У меня полились слезы, плакала и сестра, находившаяся с ним, но я не мог выполнить его требование. Рука и за наганом не полезет против своего друга. Он еще раз проговорил тихо: «Фима, пристрели. Лида, пристрели. Спасайтесь». Мы стояли под градом пуль и разрывами бомб и снарядов в нерешительности, пока он не скончался. Медсестра крикнула: «Фима, бегите. Я сейчас его укрою одеялом и догоню». Она достала одеяло, укрыла его (это я видел уже издали, взбираясь по отвесу скалы), а затем присоединилась к нам. Вечная память другу Лене, никогда не забуду о нем! Через скалу и вплавь мы добрались до одной пещеры, где лежали раненые.

Только я сел на камне возле воды и снял обмундирование, чтобы высушить на солнце, как ко мне подошел военфельдшер из Симферополя, знакомый парень, но фамилию я его не знал, и просил отойти от воды, ибо падают снаряды. Не успел я ему ответить, что сейчас отойду, как между нами разорвался снаряд.

Я упал на камни, то же случилось с ним. К нам бросился какой-то врач, который поднял нас. Я не знал, где нахожусь,

внутри организма как будто что-то оборвалось, а крови было немного – на лбу и под носом. Вытер кровь и больше ничего не видел, только царапины были, но чувствовал себя плохо, едва передвигался, пока меня не положили. Товарищу, который со мной стоял, попал осколок в живот, и, пока его перевязали куском простыни (бинтов уже не было), он скончался.

Кто-то из командиров прибежал, и я услышал слова: «Товарищи, дайте патроны, оружие, у кого есть, надо продержаться до вечера». А потом уж я узнал, что и мой наган с патронами отдали одному товарищу, поднимавшемуся наверх.

Под вечер того же дня меня, лежащего, увидел бывший комсомольский работник по Симферополю, работавший в последнее время начальником паспортного отдела 2-го отделения милиции. Теперь он работал в какой-то части Уполномоченным Особого Отдела. Его фамилия, кажется, Клепчинов Борис.

Он мне сказал, что если я в состоянии, то могу вечером вместе с группой, организуемой ими, участвовать в прорыве немецкой цепи, с тем, чтобы выйти к Балаклаве, а там постараться найти партизан. Я с охотой принял предложение, и мы назначили место сбора. Одновременно с нами, как мы потом выяснили, собралась еще какая-то группа в ночную операцию.

Наступила июльская ночь 1942 года – последняя ночь моей первой жизни, ибо после этой ночи считаю себя умершим на один год и четыре месяца, и возродился я уже в ноябре 1943 года.

С наступлением темноты мы собрались в условленном месте и один за другим стали подниматься с помощью каната на гору. Подождав, пока поднимется последний человек, мы залегли, высматривая и выслушивая, что делается впереди. Вначале было тихо, и мы поползли по-над самым краем обрыва с тем, чтобы тихо обойти немецкую цепь, так как для «атаки в лоб» у нас не было ни людей, ни достаточного количества патронов, гранат вообще не было. Отползли мы совсем недалеко, как неожиданно для нас слева началась пере-

стрелка, затем застрочили немецкие пулеметы, посыпались ракеты, и мы также были обнаружены. Оказывается, что другая группа, тоже пытавшаяся пробраться к Балаклаве, бросилась в атаку, была обстреляна сильным огнем и, потеряв часть бойцов, отошла. Нам пришлось отползти назад и по тому же канату спуститься к морю.

Что теперь осталось делать? Выход был один – попробовать морем вдоль скалы обойти немцев и выйти на тот же путь, куда намечали. Но, чтобы пойти этим путем, надо уметь плавать. Пловец я слабый, да еще в одежде, но желание спастись на все толкало. Собралось 12 человек, которые, долго не думая, сразу полезли в воду и поплыли. Поплыл и я, за мной плыло еще 4 человека. Трудно было плыть, вода, которая в эту ночь казалась холоднее, чем всегда, пронизывала до костей. Я чувствовал, что силы иссякают и я пойду ко дну, но старался изо всех сил не отставать, а сил-то было мало. Вскоре меня перегнал еще один товарищ, а я и еще двое всё отставали. Когда почувствовал, что сил нет и начинаю захлебываться морской водой, я ухватился за скалу. То же было и с теми двумя товарищами. Догонять впереди плывущих мы не могли, мы дрожали от холода и слабости, и решили вернуться в надежде найти какой-нибудь другой выход из создавшегося положения.

Несколько часов мы пробирались обратно, то останавливаясь, чтобы передохнуть, то вновь плывя очень медленно. Временами свистели пули и ракеты освещали, тогда мы прижимались к скале, ожидая следующий удобный момент.

Те товарищи, которые поплыли впереди, также измучились и, как мы потом узнали, попали в руки врага. Только одному удалось во время этого удрать, и о его судьбе не знаю.

Долго еще мы боролись с морем в эту ночь и поздно, почти к рассвету, вернулись. Какими мы были тогда, можно понять, зная наши похождения. Учитывая еще то, что я был контужен и несколько дней был без пищи, можно понять, что из воды вышел не человек, а мертвец.

Только снял я мокрую одежду, как у самого берега раздался крик о помощи, но никто не собирался помогать, ибо здесь

были почти одни раненые, а враги молчали. Как я ни был слаб, но не мог выдержать этот крик о помощи. Я бросился в воду и увидел, как один боец, привязавший к спасательному кругу доску, чтобы поплыть в море, запутался ногами и стал тонуть. Я ему помог выпутать ноги и вывел на берег. Он до того был испуган, что не только не поблагодарил, но и слова не вымолвил.

Выйдя из воды, я сел на камень, весь дрожа от холода, и вздремнул. Не прошло и получаса, а может больше, как меня разбудили крики и шум. Открыв глаза, я пришел в ужас от увиденного. Здесь были уже эти гады немцы.

Вначале я растерялся, не знал, что делать. Осмотрелся вокруг, нет ли оружия, но ничего не оказалось, кроме мокрой одежды. Но мне долго думать не пришлось. Заставили надеть обмундирование, осмотрели карманы, откуда выбросили два индивидуальных пакета первой помощи, но в одном из них были мои документы, которые спрятал, перебираясь через воду, чтобы их не замочить. Отняли часы, которые были испорчены, ножик, мундштук, зажигалку и повели наверх в строй, где были еще пленные.

Во мне говорило два голоса. Один говорил: «Бросайся на горло немцев, и они тебя застрелят, чем избавят от мучений и страданий, которые ожидают тебя». Другой голос говорил: «Подожди немного и попытайся удрать, может быть, решишься к своим и тогда еще отомстишь за себя и товарищей, а если побег твой не удастся, то тебя пристрелят с разницей лишь в днях».

Пока во мне боролись эти чувства, нас погнали дальше — на окраину Севастополя. Я хотел сейчас же удрать, но куда ни посмотришь — батареи и немецкие солдаты, которые со звериной злобой смотрят на нас, а кое-кто на ломаном русском языке кричит: «Ни хотел бросать стрелять». Как свойственно разбойникам — немцам и румынам, они на ходу стали снимать сапоги, с пилоток забирали звездочки, надсмеивались. Но это было еще начало будущих животных издевательств, которым подвергались военнопленные. Но, к моему счастью, мне недолго пришлось наблюдать за кровожадными варва-

рами, но и то, что я увидел за несколько дней, а затем в тылу, только при воспоминании приводит в ужас.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ ИЗ РУК ВРАГА

Нас привели в концлагерь, представлявший собой голую площадь, окутанную колючей проволокой. Ни одного кустика не было, а июльская жара давала себя знать как никогда. Тут же, куда были брошены люди, были вырыты отхожие места, так что почти у голов лежащих на земле пленных ходили по естественным надобностям. Лагерь охранялся вокруг большой охраной, вооруженной пулеметами и автоматами, и как только кто-либо приближался к проволоке — с внутренней стороны пленный, а с внешней гражданский, — часовой открывал огонь из ручного или станкового пулемета.

Товарищи, знавшие друг друга, образовывали маленькие группки, лежащие вплотную друг к другу, укрывая свои обнаженные головы своими рубашками, чтобы хоть немного создать тень от палящего солнца. Начались мучительные дни для каждого из нас.

Немецкие и румынские солдаты и офицеры обходили пленных, разыскивая, прежде всего, комиссаров и евреев. Подкупали некоторых пленных, обещая им хлеб за предательство. К сожалению, находились такие, правда, редко: одни легко себя отдавали, если сами были чем-либо недовольны в прошлом, другие — умирая с голоду, отдавали себя на предательство.

Стали выводить из общего лагеря кого им хотелось, никто ни перед кем не отвечал, так что расстрелять любого пленного было пустячным делом для немецкого солдата. Очень часто, чтобы определить еврейскую национальную принадлежность, эти варвары заставляли целые группы пленных раздеваться догола, сопровождая все эти издевательства насмешками, выбирая свою жертву. По мере того, как они отбирали группу евреев, они отводили ее в сторону и на гла-

зах у всех расстреливали. В числе жертв дикой расправы были старые и молодые, девушки, врачи, бойцы.

Я бы сказал, что те, которых немедленно расстреливали, были своего рода «счастливы», ибо, как я через три-четыре дня видел пытки в Бахчисарае, где мы проходили, та смерть была более мучительной. Отобранные по немецкому расовому принципу люди вначале помещались в маленькой клетке, огороженной проволокой, иногда там были, помимо евреев, еще и предательской рукой выданные политработники. Эта клетка охранялась еще дополнительно. Из нее не разрешали выбрасывать мусор, запрещались переговоры, а кто пожелал из палачей, подходил, пропускал сквозь проволоку палку и бил несчастных. А если кто сопротивлялся и выхватывал палку из рук полицейского, то его выводили и тут, у клетки, били столько, сколько желал палач. Когда заключенный желал пойти по естественным надобностям, его выводил полицейский, заставлял бежать до уборной, нанося ему непрерывно удары по спине. Через определенное количество секунд, не разрешив даже заправить одежду, несчастного гнали бегом назад, при этом бить стали и другие полицейские, солдаты, офицеры, словом, всякая подлость, желавшая развлечься. Вслед за этими пытками «заключенные Иуды в клетке», как называли эту камеру пыток (хотя там были не только евреи), уводились на зверский расстрел.

Я не могу все это описывать. Вот сейчас кулаки сжимаются, слезы сами покатались из очей только от одного воспоминания. Тогда я сдерживался, напрягал до высших пределов свои нервы, а теперь я в другой обстановке — в госпитальной, и поэтому не могу удержаться от слез. А ведь это тысячная доля виденного и миллионная доля не виденного. Вот я покурил, немного успокоился и могу продолжать.

Июльский день, который казался мне целым веком, был почти одинаков, что в Севастопольском концлагере, где был несколько суток, что в Бахчисарайском, где проходом был сутки, и что в Симферопольском, где был трое суток.

Поэтому описываемый «порядок» в одном ничем не отличается от «порядка» в другом, но на описание каждого лагеря у меня пока не хватает сил, энергии и терпения. Что касается пути, по которому я проходил, то я его запишу не по участкам, а одновременно.

Еще задолго до восхода солнца полицейские обходили лежащих и спящих на голой земле пленных и ударом своей дубинки или ударом ногой по голове, спине или куда придется подымали их. Все строились по 4 или 8, причем все это сопровождалось избиением, и строем перегоняли пленных в другую часть лагеря, выдавая у ворот кусочек хлеба и баланду (недоваренные зерна кукурузы), а иногда вместо баланды давали кипяток, без сахара конечно. Сколько здоровья стоил этот «завтрак»! У раздаточного стола, мимо которого проходили пленные, стояли толстые немцы с дубинками (это уже не доверялось полицейским) и били по чем попало в случае отклонения от строя или без всякого повода.

Отводилось несколько минут, чтобы стоя покушать без ложек (да они и не нужны были) из поломанных ржавых банок или касок, которые должен был себе добыть сам пленный. Затем все перегонялись на прежнее место в сопровождении все тех же «процедур». Теперь начинался мучительный день на солнцепеке. И без того слабые люди изнурялись жарой, тени не было вовсе, да и сделать ее на голой площади, где нет даже палочки, трудно было.

Теснота была ужасной, ибо эти варвары-немцы пожалели даже кусочка голой земли, нашей собственной земли дать. Так лежали кучкой, подобно овцам в жаркое время. Больше всего люди жаждали воды, но этой воды не выдавали вовсе и запрещали мирным жителям передавать воду, равно как и продукты. Самым тяжким страданием было отсутствие воды, а очень часто, в издевательских целях, немцы специально варили соленую баланду (хуже селедки), чтобы любоваться потом страданиями людей. Особенно страдали раненые, которых численно было не меньше, а может, и больше здоро-

вых. Пленные предлагали друг другу рубашки, брюки, свою крошку хлеба, баланду, словом, все, что у них было, за глоток воды. Но вода была ценнее золота, и поэтому никто не хотел и слышать о ее продаже. Когда какому-нибудь «счастливцу» удавалось какими-нибудь способами получить от знакомых граждан воду, то его окружало много жаждущих, умоляя дать глоток, но так как этого им не удавалось получить, то кто со слезами на глазах отходил, кто продолжал наблюдать, а кто был посмелее и нахальнее, силой отнимал воду. Некоторые пленные просили полицейских послать их на любую работу, лишь бы была вода. Иногда, после тяжелого труда, товарищ, какой был посильней, приносил другому воду, а иногда он, проработав на каторжной работе, возвращался без воды. Под вечер повторялась та же кормежка, что утром, лишь с разницей, что хлеба не давали, а иногда давался кусочек хлеба под вечер, зато он не выдавался утром. От таких томительно-мучительных дней наши люди становились теньями, а не людьми. Ко всему этому можно прибавить, что в лагерях распространялась дизентерия, уносившая в могилу ежедневно десятки людей. Их, как собак, вывозили наваленными на подводу и так, чтоб все видели.

Издательства и пытки, о которых я немного написал, продолжались ежедневно днем и ночью. В Севастополе, например, один румынский офицер днем якобы вербовал пленных разных высококвалифицированных профессий на работу в Румынии, а ночью, как рассказывали очевидцы, устраивал пытки, добиваясь каких-либо сведений. Здесь же ночью раздавались стоны и крики наших женщин-медработников, которых румыны и немцы пытались изнасиловать. Иногда мы бросались на эти крики, но выстрелы других бандитов и разбойников преграждали нам путь. В Бахчисарае перед входом в лагерь, расположенный на скате высоты, очевидно, чтобы солнце сильнее пекло, находилась палатка для пыток, куда румынские офицеры и солдаты, а также добровольцы татары приводили наших товарищей для пыток.

Все описанные страдания пленных в концлагерях я испытывал на себе, а передать мое состояние на бумаге невозможно, и слова такие, чтобы передать это, мне неизвестны. Только какое-то чудо меня оберегло от пыток и терзаний. Каждую минуту я ждал, что вот-вот и ко мне подойдут. Я уже продумал, что предпринять, и твердо решил: раз в эти дни не удастся побег, то я исполню другое свое чувство — брошусь пришедшему врагу на горло, пока другой не пристрелит и не избавит от пыток. Почти в каждом лагере я был «кандидатом в очередную жертву». Я был главным «объектом», которых искали эти варвары, — и еврей, и политработник. Но меня всячески оберегали мои товарищи — мой друг до последней минуты его жизни Саша Звягинцев (Яценко — ложная фамилия по Рогачику, о чем напишу ниже), старший сержант из 25-й Чапаевской дивизии, с которым мы познакомились в бою возле 85-й батареи (сам он из города Горький), Павел Линник (о котором я писал), Митя (фамилию забыл, он из нашей дивизии) и некоторые другие, которые менялись.

Все эти товарищи меня прятали, куда нужно было идти, за меня ходили, чтобы я меньше показывался на глаза, иногда я не ел, но и не ходил за пищей, а когда уже становился в строй, то меня ставили посередине так, чтобы хлеб и баланду пришлось не мне получать, а крайним в шеренге. Конечно, они мне ничего не говорили, но я догадывался, что они знают о моей национальности. Таким же образом поступали другие товарищи с подобными мне. В каждом из трех лагерей, где я проходил, я уже был на краю пропасти, но при помощи своей сообразительности и выручки товарищей я спасался. Так, например, в Севастополе ко мне подошел один гад-немец, поднял с земли и крикнул: «Иуд?», но я не растерялся и ответил отрицательно, это подтвердили товарищи, заявив, что русский, он постоял немного и, к удивлению моему, не приказав подтвердить это телесным осмотром, ушел. То же было в Бахчисарае, где полицейский спросил: «Так ты говоришь, что не еврей? (удивительно, что он назвал «еврей», а не иначе), ладно, проверим», и ушел, но я быстро сменил свое место, а вскоре ушел этапом на Симферополь.

В Симферополе, когда я сидел с указанными выше моими друзьями, подошел полицейский в сопровождении одного предателя из пленных, лицо которого мне было знакомо, я еще до сих пор не могу вспомнить, где я его видел до этого. Неужели он мне не попадется для расправы. Предатель этот сказал полицейским: «Да, это он работал в политотделе, его фамилия Черняховский (видно, фамилию мою не знал или перепутал с кем-нибудь) и, кажется, что он даже еврей». Полицейский посмотрел на меня, я держался спокойно и ответил отказом. Предатель тот настаивал, заявив: «Только если есть двойник ему, я ошибаюсь, но это он». Полицейский колебался, но тут прибежали мои товарищи и, вместо обороны, бросились в наступление. Они стали срамить этого предателя за его поступки и стали требовать от полицейского, чтобы тот не верил предателю, придиравшемуся «к товарищу из нашей части», «он перепутал с кем-то, мы знаем — это Коробков, русский из нашей части», — повторяли они. Полицейский ушел, у всех отлегло на душе. На следующий день я и мой друг Саша строго следили за предателем, который, видно, нас искал, но мы, лавируя, то с одного, то с другого места переходили и ложились на землю, подглядывая вокруг. А еще через день мы, я, Саша и Павел, с помощью хитрости пристроились к одной группе пленных, отправляемых на поезде на Украину (напишу ниже).

В Крыму я выдавал себя за русского, ибо назвать себя татарин, как я это сделал в Запорожской области, нельзя было. В Крыму, где много жителей татар, а среди них немало предателей, меня могли быстро разоблачить при первой очной ставке, ибо язык татарский я почти не знал, только некоторые бытовые слова мне были известны. Зато в Запорожской области я сошел за татарина, ибо там их почти не было, и в случае «телесного осмотра» мог отводить подозрения в принадлежности к нации евреев.

Тяжелой и страшной была дорога, по которой нас везли из Крыма на Херсон. Много слез и крови наших товарищей и слез советских граждан, временно попавших под иго немцев, было пролито от Севастополя и дальше.

Как только нас повели по Севастополю, сразу начались избиения по всякому мельчайшему поводу и без всякого повода. Кто отклонялся хоть чуть-чуть в сторону, немедленно избивался прикладами и по головам просвистывали пули. Населению, которое не успело выехать, было приказано закрывать ворота, окна и не выглядывать. Но все это было напрасно, население не подчинилось и выходило навстречу нам. Граждане Севастополя не только смотрели и выражали сочувствие нашему горю, но и старались облегчить наши страдания. Так как подходить к строю запрещалось, то граждане бросали в строй пленных хлеб, сухари и другие продукты, которые у них были. Но это также наделало горе, ибо голодные люди бросались друг на друга, а это служило поводом для конвоя, который беспощадно избивал и стрелял. Как бы я ни был голоден, измучен, но я себя сдерживал от подобной давки, считая это почему-то унижением себя.

На тех из граждан, которые бросали хлеб, немецкие варвары набрасывались и избивали прикладами. Никогда не забуду такую сцену. Проходя по Симферопольскому шоссе в направлении Инкермана, одна пожилая женщина вышла со своего двора, надеясь передать пленным хлеб. Вышли и другие соседки. Но в это время конвоир подбежал и стал с помощью приклада загонять женщин, которые испугались и забежали обратно. Но одна пожилая женщина ни за что не захотела зайти. По ней стреляли, ее били прикладами, но она кричала: «Убейте меня, но я передам хлеб. Это наши дети. Они ни в чем не виноваты. Вы разбойники». Варвары силой ее бросили во двор. У многих слезы пролились, затаив дыхание, мы наблюдали за происшедшим.

Далее мы прошли Инкерман, там тоже были известные процедуры издевательств. Проходили знакомые места боев, видели следы этих боев. Уже немцы успели построить десятки кладбищ с сотнями крестов на каждом, но я знал, что это маленький процент настоящих потерь на участке, где сражалась наша дивизия. Не сомневался тогда и не сомневаюсь теперь, что и эти видимые кладбища будут скоро перерыты

нами, чтобы плодородную почву использовать на урожай крымских фруктов.

Этап двигался медленно, ибо люди были голодные и измученные, а конвой все подгонял, избивая отстающих. Какой-то пленный, молодой, красивый парень, отделился на несколько шагов в сторону и протянул руку, желая сорвать дикие яблоки, чтобы хоть ими утолить жажду. Но тотчас же раздался выстрел, и этот парень, пораженный пулей в грудь, упал. Ему никто не оказал помощи, ибо по желающим выйти из строя открывали стрельбу. И хотя потом был десятиминутный отдых и к нему подошли медсестры, помощь ему нечем было оказывать, и он продолжал лежать.

В Бахчисарае мы пробыли сутки. Там были пленные, пришедшие до нас, но мы со своей группкой сумели втиснуться в строй отправляемой группы и уйти на Симферополь. Мы стремились скорее выйти из Крыма, где было много войск противника, и поэтому затруднялся побег. Путь до Симферополя был такой же, как и предыдущий, только на этот раз я получил тоже сильный удар палкой конвоира. Мимо нас проходили женщины, медработники, и меня узнала та сестра Лида, которая спасала Гузынина, и крикнула, чтобы я взял у нее яблоки. Пить хотелось сильно, и я выбежал из строя, но как раз в тот момент, когда я уже протягивал руку, чтобы взять яблоки, я почувствовал сильный удар палкой по переносице. Стало темно в глазах, но я удержался на ногах и, опомнившись, вернулся без яблок в строй, вытирая кровь, льющуюся из носа. Когда мы дошли до Альмы, нас несколько человек стало отделяться от строя в надежде ускользнуть в сад, а там удрать, но, пройдя несколько шагов, мы заметили стоявшие там войска и поэтому вернулись в строй.

В Симферополь я вошел с поникшей головой, я не смотрел, боясь встретить кого-либо из знакомых, но, проходя через окраину в районе бывшего артиллерийского полка, заметил стоявшую на крыльце одного дома бывшую лаборантку нашего института Литвинову. Она стояла наряженной и улыбалась, а рядом стоял немецкий офицер. Вот какие у нас

люди есть, не люди, а людишки, может быть, она продалась немцам. Я запомнил ее, в надежде, что я вернусь и тогда поинтересуюсь, чему она так радовалась.

В Симферополе нас загнали в лагерь, устроенный в Картофельном городке близ станции. Мы с Сашей хотели удрать из этого лагеря и уже выследили место через уборную, но на второй день по прибытии туда я заболел дизентерией и двигаться не мог. Температура была высокой, и только с помощью Саши я мог ходить на большое расстояние, больше лежал на солнцепеке. Думал, что не выдержу.

Через трое или четверо суток после нашего прибытия в Симферополь оттуда направлялся эшелон пленных поездом на Украину. Попасть было не так легко, да еще мне в таком состоянии. Строили для отправки разные нации: эстонцев, литовцев, молдаван, белорусов, украинцев. Я предложил Саше и Павлу стать в строй, пробираться на Украину и там пойти к фронту, бросив меня тут, поскольку я не мог ходить. Саша отказался, сказав, что подождет меня пару дней, но я боялся упустить момент отправки. Тогда я просил ребят помочь мне встать и повести в строй к белорусам, которых было меньше, чем украинцев, и поэтому было больше шансов выехать. Мы стали в строй. Меня ребята поддерживали, а через каждые 3—5 минут, когда не было полицейских, я садился на землю. Так как там детально не проверяли, кто к какой нации принадлежит, то мы «сошли» за белорусов и с ними сели в товарный вагон. И в вагонах была такая же жуткая картина, как и всюду бывает жутко, где только ступает немецкая звериная лапа. Воды не было, воздух доступен был только через щели решетки, а людей в вагоне было много, даже сидеть вплотную не было места. Особенно было тяжело тем, кто болел дизентерией, а выпускать не выпускали из вагона, только раз в сутки, и поэтому приключений было много в вагоне. Вагон был хуже любой тюрьмы. Когда я один раз вышел из вагона по надобностям, то не прошло и секунды, как я подвергся избиению до тех пор, пока я добежал до вагона. Сопровождали нас добровольцы татары, одного из них я

знал, он из Алуштинского района, кажется, по фамилии Небиев, но, на мое счастье, он меня не узнал.

В первую ночь нашего пути мы договорились впятером — я, Саша, Павел Линник и еще двое — убежать на ходу. Для этого один должен был вылезть через решетку, в то время как едущие в вагонах будут спать, открыть засов, и мы прыгнем. Мне стало легче, и я думал, что не отстану от товарищей. Однако план наш сорвался, ибо часовой не спал и все переговаривался с другими.

Выгрузили нас вблизи Херсона, где пленные по пояс в воде строили мост через Сиваш. Мы прошли этот мост и направились по направлению к Херсону. Теперь план побега стал реальной мечтой, и надо было его осуществить. При переходе к Херсону нас встретил сильный ливень, мы думали этим воспользоваться, но, во-первых, немцы усилили охрану добровольцами-украинцами, и, во-вторых, мы потеряли друг друга из вида. Переночевав прямо на мокрой земле, вернее, не ночевав, а измучившись, мы наутро пошли в сторону Николаева. Население передавало хлеб, сухари, картофель, но это доставалось не каждому и сопровождалось известными мерами. Как только вышли из города, голодные пленные бросались за помидорами, яблоками, а по ним открывалась стрельба. Отстающих били, а некоторых пристреливали на месте. Творились ужасные зрелища, но ничего не могло остановить голодных людей.

Первым из нашей группы убежал Павел Линник. Ему было легче это сделать, чем нам, ибо он еще в лагере успел обменять свою военную одежду на гражданскую. И в то время, как мы остановились у деревушки возле самого Херсона, он как-то отошел и стал разговаривать с крестьянами. Его приняли за штатского и в строй не загоняли. Мы видели, как он оставался на том месте, куда встал. Мы ему завидовали. Пройдя несколько километров, я, Саша и еще три товарища из нашего вагона, фамилии которых я не знаю, договорились отстать немного от передних рядов. И мы рассчитали хорошо свой план и его осуществили. В то время, когда мы проходи-

ли через поля кукурузы, голодные пленные впереди идущих рядов бросились в кукурузу за початками. Бросились и мы впятером, идущие сзади. Охрана открыла сильный огонь по нам, но так как бегущих было много, то пуль на каждого приходилось меньше. Мы добежали до поля, но вовсе не собирались ломать початки, но в то время как другие, испугавшись стрельбы, бежали назад, мы поползли вперед метров пятьсот и залегли, пока прошел этап.

НОЧНЫЕ ПОХОДЫ К ФРОНТУ. ВТОРОЙ ПОБЕГ. ДНЕВНЫЕ ПОХОДЫ

Мы пролежали минут 15–20 в кукурузе, и нам показалось или в самом деле это была погоня за нами. Тогда мы по одному в расстояние 100–250 метров друг от друга побежали вперед, пригибаясь к самой земле. Все время отставал Саша, который физически был слаб, ибо никогда не работал и особого горя не переживал, так как родился уже при Советской власти – в 1918 году, а работал после школы кинемехаником. Он и в походах всегда отставал, но так же, как он меня не покидал, так же я его никогда не бросал и всячески ему помогал в пути. Вот и теперь он кричал, чтобы я его не оставлял. На бегу я его успокаивал: «Не бойся, беги за мной, не выпускай из виду меня». Затем я остановился, велел ему бросить котелок, который был у нас, забрал одеяло, которое он держал, и вместе с ним подались вперед догонять товарищей.

Выбрав поудобнее место, мы расположились плотно друг к другу, и каждый стал шепотом рассказывать кратко о себе. Оказалось, что среди нас, кроме меня и Саши, был один лейтенант – Ваня (фамилии мы пока не запоминали), младший лейтенант Алексей и один боец Митя. Мы почувствовали себя как-то свободнее, стало легче на душе, и мы начали придумывать всякие планы перехода через фронт. Больше всего нам хотелось попасть к партизанам, но где и как их ра-

зыскать? Одни предлагали идти в Белоруссию к Брянским лесам, другие на Полтаву, третьи — на г. Сталино и так далее. У всех было желание скорее попасть к своим. Но Митя говорил, что, хотя он из Кубани, согласен идти, куда мы решим, но с недоверием относился к встрече с нашими. Он боялся, что если нам и удастся перейти, то нас на этом фронте не знают, поэтому «посадят в лагерь». Ему казалось, что лучше будет перейти фронт на Кубани, где близко находится Приморская армия, а там нас узнают и каждый поймет наше положение. Я и другие товарищи доказывали, что все равно, где перейти к своим, лишь бы быстрее, а там разберутся. Армия у нас одна, и многим уже известно о нашем сопротивлении до последнего патрона. На этом и остановились. Вспомнили мы также прошлую ночь со всеми ее ужасами. Как мы, мокрые, голодные и измученные, лежали в обнимку прямо в грязи, дрожа от холода. Как Ваня пробрался в маленький сарайчик, битком, «как сельди в бочке», набитый в середине людьми, и от давки двух задушили. Как Ваня лезвием «самобрейки» прорезал мешок с сухарями у одного пленного из кавказских наций и похитил сухари, а затем нам принес по кусочку, также он нам дал по кусочку буряка, где-то найденного. Вспомнили также, как на рассвете некоторые несчастные пленные, особенно в морской форме, оказались счастливцами. Пришедшие к проволоке женщины, где мы были, условились с некоторыми пленными, что они их выдадут за своих мужей и попытаются выручить. Некоторым (как мы наблюдали) эта хитрость удалась. В общем, много чего было вспоминать и о многом поразмышлять.

Будучи возбужденными удачным побегом, мы забыли о голоде, но под вечер «червяк сильно сосал». Подождав, пока стемнеет, мы распределили функции: один (Ваня) пошел в ближайшую деревню (1–1,5 км), двое (Саша и Алексей) оставались на условленном месте, двое (я и Митя) выползли и осмотрелись вокруг. Мы увидели, что недалеко от нас (метров 500) находится аэродром, а под самой кукурузой идет линия телефона. Значит, надо уйти, чтобы не быть обнаруженными.

Долго мы ждали Ваню — ведь это был наш первый разведчик. Мы нервничали, долго молчали, лишь вслушиваясь в темноту, чтобы его не потерять. Наконец-то раздался тихий свист, наш условный сигнал, на который мы ответили, дав ему ориентир направления. Он пришел в точно условленное место и первым чем его встретили все четверо, это был вопрос: «Ну что?». Он ответил: «Ничего, все в порядке» и протянул каждому кусочек хлеба и для всех поставил баночку молока. Из рассказа мы поняли, что он попал в один дом на окраине села, где его накормили досыта, рассказали, где мы находимся и как двигаться дальше. А так как он признался, что его ждут товарищи, то и для нас передали хлеба и молока. Крестьянин предупредил, чтобы в этих районах мы шли осторожно, так как сильно ловят пленных, которых расстреливают, а в лучшем случае отправляют в Николаевские лагеря.

Долго не думая, мы двинулись в ночной поход. Шли мы не по дорогам, а по посевам, куда глаза глядят, но имея цель на восток. Так мы проходили всю ночь и только к рассвету заметили деревушку, войти в которую побоялись. Расположились в излюбленном месте, как и ранее это делали, в кукурузе, подальше от деревни. Затем послали своего разведчика в поисках хлеба и выяснения пути. После некоторых споров, кому идти, выбор пал на Сашу. Он незаметно вышел из кукурузы, чтобы не обнаружить нас, и после томительного ожидания вернулся, неся для нас хлеб, отваренную «в мундирах» картошку и пару огурцов. Всю эту пищу разделили поровну каждому, поели и залегли на ночевку (день заменял ночь).

Наступил вечер, и надо было опять двигаться в путь. Уже после первой ночи у нас получались разногласия не в цели, а в выборе пути. Каждый ориентировался по-своему и отстаивал свои соображения, поэтому, как мы позже поняли, двигались мы очень медленно и всё были на одном месте. Решили избрать старшего группы, которому подчиняться во всем и следовать его приказанию, выведенному из соображения всех. Это было новым для нас, ибо надо действовать не по своему усмотрению, а учитывая волю каждого из пяти человек. Единогласно избрали старшим группы меня, очевидно,

при этом они учили, что я по возрасту и званию был старше всех и имел некоторое образование.

Первое время все слушались хорошо и без возражений следовали моему совету, я приказывать не хотел, а лишь в виде совета действовал на них.

Много бессонных ночей провели мы в пути по украинской земле. Прислушивались к каждому шороху и подолгу лежали «мертвыми», когда где-либо проезжала подвода или слышались разговоры. В определении пути я ориентировался только по звездам, держа направление на восток или северо-восток. Сильно уставали, а иногда мерзли, особенно на отдыхе. Какими зигзагами мы шли, можно видеть только по карте, но проходили за ночь небольшое расстояние, иногда только 6–8 километров.

Дни были похожи друг на друга и проводились нами так: ночью — когда мы проходили посеvy картофеля, а когда они нам не встречались, то пробирались к огородам, — делали себе заготовку продуктов на день. Брели в рубашки, пилютки и сумку картофель, огурцы и еще не поспевшие арбузы — последние должны были заменить воду. Со всеми этими продуктами мы на рассвете располагались в кукурузе, разводили маленький костер (несколько спичек было у одного из нас) так, чтобы дым не был виден. Для этого мы также ночью собирали сухие ветки, высохшие корешки растительности, и теперь старались с помощью струи воздуха из собственных легких поддерживать непрерывно пламя. На огне мы пекли картошку и пшенку — кукурузу (последнюю мы имели хотя еще совсем молодую, но зато на месте, без заготовок). Всю пищу делили поровну, а кто не мог есть початки (они были довольно противные, хуже травы), как, например Саша, получал одну картошку за два-три початка. Закусывали совсем зеленым арбузом величиною в огурец, которые мы распределяли строго на весь день, чтобы утолить жажду. Теперь такая жизнь после лагеря нам казалась «счастливой», а главное, что можно было прожить день, не заходя в деревню.

Так долго жить нельзя было, потому что кончался август месяц 1942 года, на носу осень и зима, а если так медленно

двигаться, то к фронту мы не скоро дойдем. Это было расстояние минимум в 400 км. Впереди же был Днепр, а переправиться нелегко. Ускорить наше движение могли только дневные походы, но это связано с большими опасностями попасть в лагерь, а во-вторых, для этого надо иметь крестьянскую одежду.

Мы решили пока что достать одежду взамен на военную, но для этого надо быть в деревне. Первыми обменяли одежду Митя, Алексей и Саша, остались пока в форме я и Ваня. В один из дней уже под вечер я и Ваня решили пойти в деревушку (названия не знаю) вблизи села Музыковка, недалеко от Херсона. Зашли в крайнюю хату, как это всегда делали, попросили поесть, а затем предложили обменять одежду. Молодой хозяин вначале как будто колебался, но потом достал всякие тряпки и предложил на обмен. Я отдал свою гимнастерку, брюки, нательную рубаху, пилотку. Взамен получил разорванные брюки, еще худшую бывшую рубаху, а теперь тряпку, вдребезги порванную телогрейку и фуфайку. То же самое сделал Ваня. И в придачу хозяин дал старую заброшенную бритву. Бритва меня всего больше интересовала, ибо как только я зарастаю, моя внешность выдает мою национальность, поэтому мне надо было бриться через каждые несколько дней. Больше всего хозяин приставал к моим сапогам, которые были совсем целы и я ни за что не хотел их променять (они мне и служили до последнего дня моих скитаний). Он рассердился и затем стал со мной говорить злым тоном. Он рекомендовал Ване никуда не ходить, а остаться на работе. Мне же он говорил: «Тебе безвыходное положение». Я спросил его, почему. Он запнулся, но ответил: «Ты ведь еврей». Меня как молнией ударило по телу, но я ответил спокойно, что он глубоко ошибается, я татарин из Средней Азии (кстати, я там никогда не был, но моя семья туда эвакуирована из Крыма). Он смутился, и, когда Ваня подтвердил мой ответ, хозяин извинился. Однако извинение это было лицемерным, и вскоре мы в этом убедились.

Как только мы вышли из деревни и прошли метров семьсот по направлению к кладбищу, где нас ожидали товарищи, что-

бы отправиться в путь, Ваня первым услышал какой-то шум велосипеда и мне об этом сказал тотчас же. Я прислушивался, но ничего не мог понять, мозг работал в другом направлении. Мне долго не пришлось размышлять, так как над самым ухом раздался голос «Стой!», и дуло винтовки было направлено на нас. Это был полицейский, очевидно, направленный тем самым «молодым хозяином». Мы довольно удивлены были этой неожиданностью, но не шибко испугались. «Кто вы такие, откуда идете, куда идете?». Это были все его заготовленные вопросы. Ваня стал ему отвечать на украинском языке, выдумывая небылицу, что мы якобы идем из соседней деревни в деревню Музыковку к своему дяде. «Какой дядя? Как фамилия?». Ваня выдумал какую-то фамилию, типичную для украинцев, но полицейский ответил: «Таких там нет, вы пленные, следуйте вперед». Мы стали возражать, но отвечал только мой товарищ. Полицейский, видно, был уже осведомлен о подозрении меня в принадлежности к нации, которую немецкие людоеды истребляют поголовно, и поэтому он спросил: «Почему второй молчит?». Я ответил, что мне нечего добавить к объяснению «двоюродного брата», как называл меня Ваня. Полицейский повел нас мимо кладбища, где были спрятаны товарищи, они слышали наш разговор и теперь ожидали: либо мы спасемся побегом, либо нас отведут в деревню, а там уж кто знает, что нас ждет. Мы пошли куда было указано, и я шепотом сказал Ване, чтобы он надел телогрейку в рукава и приготовился по моей команде «Раз» бежать в правую сторону от дороги. Как только я надел телогрейку, выменянную у того гада, я скомандовал шепотом, и мы бросились бежать. Полицейский открыл стрельбу и кричал громко, чтобы его слышали в деревне: «Стой! Стой! Стой!». Пули просвистели мимо нас, не задев никого. А мы все мчались зигзагами, стремясь достигнуть лесозащитную полосу, видимую метрах в 800–1000 от нас. Продажная тварь продолжала стрелять, призывая на помощь других, но, пока к нему подошла помощь, мы уже достигли посадки.

Не останавливаясь, мы повернули в противоположную сторону и почти бегом продвигались, чтоб уйти далеко, пока

за нами погонятся. Долго мы слышали шум с того направления, откуда бежали, но мы все мчались вперед. Только в полночь присели отдохнуть у лесозащитной полосы. Теперь мы решали, куда двигаться. Вернуться к товарищам было рискованно, да и, может быть, их там нет. Идти вперед — мы теряем друзей.

Я предложил повернуть на восток и выйти на ту дорогу (или близко к ней), куда предполагали мы двигаться в начале происшествия. Те же три человека, подождав, пока все успокоится, и зная, что мы сбежали, в полночь также пошли в путь. Пройдя километра три-четыре, мы заметили по одной балкедвигающихся людей, которых мы приняли за полицейских, а они при лунном свете увидели наши фигуры и также укрылись в кустах. Минут 20—30 длилась эта маскировка, но мне пришла в голову мысль, что, возможно, наши товарищи прячутся от нас, принимая за врагов. Я поднялся и пошел на разведку, но не успел дойти, как меня окликнул голос: «Тимофей» (мое имя вымышленное). Для меня этот голос был знаком, и я ответил: «Саша!». Мы бросились навстречу друг другу. Много раз целовались и жали руки друг другу, прибежали остальные товарищи и также целовались. «Как же ты узнал его?» — спрашивали ребята Сашу. «По походке», — ответил он. «Небось, как гусь, качаюсь», — сказал я Саше, он рассмеялся и подтвердил. Я знал свою походку со слов Ленце, которая тоже говорила, что я качаюсь с боку на бок, как гусь.

Рассказывать о происшедшем не пришлось, ибо они видели и слышали все, что произошло. Они только подтвердили наши подозрения, что все это устроил «хозяин», у которого мы меняли вещи. Подобные случаи в тех районах бывали не раз. В одной деревне нам рассказывали крестьяне, как одна крестьянка, поверив немцам, что за каждого пленного, кто выдаст, получит 2000 рублей, пустила ночевать проходившего пленного, а потом привела полицейского, который отправил несчастного в лагерь.

После небольшого отдыха у грязного запущенного ставка мы набрали эту грязь во флягу и бутылку на случай, если не найдем арбузов, и двинулись в путь до рассвета. Следую-

щий и последующие дни были такие же, как описанные, но в один из дней между нами произошел инцидент, разделивший группу.

После описанного случая побега ребята почувствовали какую-то боязнь, чтобы из-за меня им не пришлось плохо. Они намекали на это, переговаривались, и Саша услышал слова одного, кажется, Мити: «Я боюсь связывать свою судьбу с судьбою Тимофея, он, кажется, еврей». Вскоре все это разрешилось просто для них, но больно для меня. Кто-то предложил, чтобы хлеб просить ходили все одновременно, против этого я возражал, ибо такой компанией легко себя выдать. На это мне ответили: «Ты боишься, чтобы тебя не узнали, кто ты по национальности». Лучше бы меня железом ударили по голове — мне было бы легче переносить, чем такие упреки. Я весь задрожал от гнева и обиды. Причем тут моя национальность? Разве я не так, как миллионы других трудящихся, голодал и не знал детства до прихода Советской власти, разве я не так же, как представители других наций, трудился для Родины и все свои силы отдавал, разве я не так, как мои товарищи, воевал за Севастополь? А что касается лагерей, то я перенес больше, чем они, и физически, и морально. Вот почему мне было тяжело, больно до глубины сердца, больно за упрек товарищей. Я стоял, минуту промолчал, а затем ответил то, что они собирались мне лишь сказать. Я им сказал: «Насильно мил не будешь, не стану вас принуждать. Только обидно. Я уйду сам, если сумею — проберусь к своим, но если вы проберетесь, а я погибну, пусть совесть вас мучает всю жизнь». С этими словами я ушел в другую сторону, повернувшись быстро спиной к ним, чтобы они не заметили моих слез. Кто-то окликнул меня: «Вернись», но я уже не слышал. Когда я прошел метров двадцать, меня догнал Саша. Он сказал, что хочет только со мной идти, что в деревню за хлебом он сам будет заходить. Я же, имея больше жизненного опыта, буду его старшим товарищем. В начале этого разговора я отрицательно качал головой и сказал ему, что с теми товарищами ему будет легче и безопаснее. Но когда он стал упорствовать и выражать искренние чувства това-

рища, я ничего не ответил, только слезы полились быстрее. Он продолжал идти со мной, а те три человека направились в деревню.

Присели мы под копной, и он предложил мне здесь ждать, пока он вернется из деревни с едой. Я ничего не ответил, но остался ждать. Долго его не было, уже давно стемнело. Сердце у меня билось учащенно, я напрягал зрение, чтобы в темноте не пропустить Сашу. Его все не было. Всякие мысли приходили в голову, но больше всего я боялся, чтобы он не попал в руки врагов. Уже я встал и направился в деревню, чтобы узнать что-либо о нем, но вдруг кто-то тихо свистнул. Я ответил, и появился Саша. Радости не описать. Я его поцеловал, он тем же ответил, принес мне покушать, и первый раз после Севастополя я наелся. Затем мы устроились на ночлег, а наутро первый раз пошли в дневное время вдвоем с другом, настоящим другом.

Дневные походы облегчили нам поиски пищи, дороги, помогли узнать настроение жителей и воочию убедиться в зверствах, чинимых немецкими извергами на нашей земле. Но вместе с тем походы были связаны с большой опасностью попасть в лапы врага. Мы стали заходить в деревни, но я долго еще не мог просить, никогда в жизни я этого не делал, а добивался только своим трудом, поэтому просить хлеба на меня действовала угнетающе. Когда же я решался выпросить и получал отрицательный ответ, то был готов провалиться сквозь землю от стыда. Саша это видел, поэтому он часто меня выручал. Бывало так, что я зайду в один дом, получу кусочек хлеба и остаюсь ждать друга. Он в этом отношении был смелее и поэтому часто ел горячую пищу у крестьян, я же ел эту пищу, когда Сашу угощали, и он меня звал к себе, договорившись с хозяйкой. Население сочувственно относилось к нам. Кормили, давали хлеб на дорогу, оберегали от полицейских, показывали дорогу, рассказывали об ужасах, творимых немцами. И в свою очередь, с большим интересом слушали наши рассказы о Севастополе. У всех был один вопрос: когда придут наши? Мы их подбадривали, говоря о скором приходе освободителей земли русской, земли Советской.

Когда мы проходили переселенческие еврейские участки № 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Николаевской области, мы видели следы зверств. Колодцы были забиты зверски замученными стариками, женщинами и детьми. Часто их бросали живыми в эти колодцы. Расстреливали не только евреев, но и другие нации, с поводом, что они коммунисты, комсомольцы, общественники, а также без всяких поводов. Те семьи указанных участков, которые состояли из русских и евреев, варвары убивали — либо всю семью, либо мужа с детьми, либо жену с детьми. Кулаки сжимаются, сердце как бы перестает функционировать, слушая рассказы граждан. Одна женщина, украинка по национальности, рассказывала нам, как ее мужа-еврея, шофера по специальности, не успевшего эвакуировать семью, немцы расстреляли вместе с детьми, одному из них было три года и девочке семь лет. Она рыдала, передавая нам всю трагедию расстрела. Когда староста пришел за детьми, отца этих детей уже держали для расстрела. Детей манили, что их папа зовет, что их ждут дети, чтобы играть. Но старшая девочка уже знала, что это за «игра», она рыдала, пряталась в угол и кричала братику: «Не ходи. Я не пойду, они хотят нас убить вместе с папочкой. Уйдите отсюда». Бедных крошек взяли силой, понесли к колодцу и вместе с отцом расстреляли. Какой ужас! История не знает таких зверств. Проклятые гады, мы отомстим вам за кровь детей, стариков, женщин. За народ! В другой деревне очевидцы нам рассказывали еще одну трагедию, о которой даже писать мучительно тяжело. Во время массового расстрела мирных жителей одна девушка 15–16 лет от испуга упала в тот момент, когда был дан залп, и таким образом осталась жива. Ночью она вылезла из ямы и явилась к знакомой соседке. Та ее приняла, но так как девушка была по национальности еврейкой, соседка не знала, что делать, и пошла к коменданту, рассказав о происшедшем. Этот бандит сказал: пускай она пока будет, и тут же спросил, какая она по внешности. Вечером следующего дня комендант, начальник полиции и их сподручники по убийствам явились за «пленницей». Предварительно надсмеявшись, поиздевались над ребенком, а затем зверски убили и бросили в яму. Таких слу-

чаев сотни и тысячи, они называются на бандитском языке немцев и их обер-бандита «новыми порядками».

Свой путь к Днепру, а затем к фронту мы продолжали вдвоем. Но однажды мы встретили по дороге молодого парня Петра Ткаченко, который после непродолжительной беседы признался, что он также пленный, удревший из Джанкойского лагеря. Он был уроженцем Сталинской области, там у него были родители. Так как и мы шли туда, то он включился в наш «коллектив», и теперь мы уже шли втроем. Вскоре дошли до Днепра. Жители нам советовали для переправы избрать глухую деревушку, где меньше охраны. Такой деревушкой и была Малове.

После пройденной целой ночи мы дошли до указанной деревни и залегли в одной яме. Войти в деревню мы не решились, но после брошенного жребия на мою долю выпала участь разузнать через крестьян, как переправиться. Я вылез из этой ямы и через крестьян, ездивших с грузом, узнал, как подойти к реке незамеченными и как переправиться. Вернувшись, я разъяснил товарищам все подробности, и мы пробрались к реке. Там мы спрятались под камнями и ожидали появления рыбаков. Вечером рыбаки прибыли с ловли и стали вытягивать сети. Мы подошли к ним, рассказали, кто мы, и просили переправить нас на левый берег. Рыбаки сразу отказались, ибо были напуганы тем, что где-то повесили одного рыбака за перевоз пленных, но постепенно они стали нам сочувствовать, и двое из них сказали: «Ладно, ребята, не в первый раз нам. Будьте на этом месте к рассвету». С нетерпением ждали утра, всю ночь мы не спали от холода и волнения. На рассвете мы заметили лодку, которая удалялась от нас, но, увидя, как мы машем фуражками, рыбаки повернули резко к нам и так же быстро усадили нас и перевезли. Они нам рассказали, как пройти плавнями, чтобы не попасть в руки врага. Горячо поблагодарив рыбаков, мы последовали их совету и пошли по плавням. Там нам еще встретились рыбаки, которые накормили нас рыбой и указали путь. Надо было пройти еще одну речку, но глубокую, чтобы выйти к большому селу Горностаевка. Мы пытались воспользоваться

лодкой, и я поплыл ее взять, но лодка была на замке. На наше счастье, проходили местные жители, которые нас провели через брод, и мы вышли к Горностаевке. Жители предупредили нас, что в деревне ловят пленных, и поэтому мы боялись зайти. Нас увидела одна женщина, сын и зять которой находились в Красной Армии, и стала нас расспрашивать, откуда мы и куда идем, где наша Армия сражается, не видели ли мы ее детей и скоро ли придут наши. Женщина обрадовалась нашей беседе, послала за дочерью-учительницей, и вдвоем они нас провели к себе домой по глухой дороге, чтобы не попасться на глаза полиции. Тепло они нас приняли, это был наш первый прием, где, несмотря на наши лохмотья и грязь, к нам относились как к гостям. Первый раз мы вымыли руки и лицо мылом и вытерли белым полотенцем. Накормили нас досыта, и нам даже неловко было из-за наших appetитов. Мать и дочь не успевали резать хлеб, пополнять тарелки картофелем и солеными огурцами. Как эта женщина переживала за нас, плакала и нервничала! Она просила нас быть осторожными, и если мы доберемся к своим и останемся живы, когда-нибудь сообщить ей об этом. Из этой деревни мы ушли по прямой через степи, обходя ряд деревень и заходя лишь в полевые бригады. Часто прятались от глаз комендантов, старост, полицейских (об этом можно было еще много написать, но моя тетрадь на исходе, а пережитого, более серьезного, еще много). Путь мы держали на Сталино и, по совету крестьян, знавших эту дорогу, шли на село В.Рогачик. К этому селу дошли к полудню и остановились на одном баштане передохнуть.

В СЕЛЕ ВЕРХНИЙ РОГАЧИК

Старик-сторож, где мы остановились, чтобы отдохнуть, дал нам арбузы и хлеб, мы закусили. Здесь же было еще несколько человек крестьян, и, как всегда, завели беседу о войне и беде, которую принесли немцы в занятых районах. Не прошло и полчаса, как к сторожевой землянке приехал

на бедарке голова колхоза им. Шевченко, некий гад, сволочь и предатель по фамилии Хорошун (об этом узнали потом), имя которого должно стоять рядом с именами немецких извергов. Если не удастся мне выпустить кровь в знак мести из этого «человека», то за меня и нас троих это сделают другие патриоты той деревни, ибо о его подлости по отношению к нам знают многие в указанном селе. Голова колхоза, или, как мы его называли, «безголовый Хорошун», тотчас же спросил: «Кто такие и есть ли документы». Кто такие мы, видно было по внешности, а документов никаких не было. Мы поняли, что тут для нас будут неприятности, но ответить надо было. Так как мои товарищи молчали, а это вызывало подозрения, я ответил, сообразив один маневр, но, к сожалению, потом больше всего придирались именно к тому, что я сказал. Ответил я, что мы пленные, идем к родственникам в Сталино, документ у нас один на пятерых человек был, но двое ушли вперед нас, обещав нас встретить в Рогачике. Ответ был как будто бы логичен, но «безголовый Хорошун» усомнился, переспросил, не обманываем ли мы его, и больше всего обратил внимание на висящие у меня и у Петра красноармейские фляги, приняв их за оружие.

Этот блюститель немецких «новых порядков» сел на бедарку и как будто направился домой, но, в самом деле, укрылся, наблюдая за нами. Тут мы допустили вторую ошибку тем, что мы пошли не по дороге, а повернули в подсолнухи и затем в кукурузу, укрылись там и выглядывали по очереди, нет ли полиции. Все это видел голова колхоза и убедился в своих подозрениях, что мы не пленные, а «парашютисты-диверсанты» с оружием. Не жалко было бы, если бы все это так было, тогда могли бы мы сопротивляться с оружием в руках, но то были фляги, да еще без воды. Пока мы лежали в кукурузе, была вызвана полиция из села, которая, приехав на тачанке и велосипедах, видела, откуда мы выглядывали, окружила нас и ожидала нашего выхода, опасаясь вооруженного сопротивления. Как только стало темнеть, мы вышли на дорогу, чтобы обойти Рогачик справа и направиться на Белозерку. Прошли мы не более 50 метров, как вдруг, совсем

неожиданно, раздались выстрелы со всех сторон, и пока мы, сообразив, в чем дело, хотели броситься в кукурузу, со всех сторон побежали к нам полицейские. Мы стали неподвижно, ожидая участь свою, ожидали мы только расстрела. Эти «храбрые» вояки, способные к расправе над беззащитными людьми, боялись броситься на нас, хотя мы не сопротивлялись. Но один из них бросился, за ним и другие. Убедившись, что мы без оружия, а только с флягами, «храбрецы» начали действовать руками. Еще ничего не спросив, они старались отличаться в ударах, наносимых по нашим телам. Били все гады и всех троих одновременно, били куда попало, но больше всего по лицу. Из всех сил старался упражняться Хорошун, желая выслужиться перед господами, даже кучер его и тот бил нас. Мы уклонялись от ударов, а это усиливало бешенство извергов. Первым крикнул Саша: «Зачем бьете, лучше расстреляйте», но в ответ повторились удары. Не знаю, сколько времени длилось избиение, но помню только последний сильный удар, нанесенный мне в грудь не рукой, а железным предметом. То был удар дулом винтовки, нанесенный мне в грудь с разбега начальником полиции, опоздавшим к месту и поэтому, наверное, желавшему себя показать перед подчиненными. Я упал спиной на землю, и дыхание сбилось. Когда я опомнился, мои товарищи тоже лежали на земле, это их положили, боясь побега. Затем нам приказали встать и под охраной повели в деревню. Шли мы все трое рядом, и поэтому нам легко было договориться о едином ответе при допросе. Каждый назвал свою фамилию, выдуманную фамилию. Коробков Тимофей – назвал я свою. Коробков – это фамилия секретаря комсомольской организации нашего института, товарища моего, которого я знал как русского по национальности и был уверен, что не забуду ее. Тимофей – это я взял для удобства, в случае, если кто меня узнает, крикнет «Фима», другим покажется «Тима», а значит, меньше подозрения будет ко мне, отчество Петрович – произвольное от распространенного русского имени. Саша назвал свою фамилию Яценко, также фамилию товарища украинца по национальности (к украинцам, говорили, меньше придираются

власти). В самом деле его фамилия Звягинцов, отец его был старым каторжником, прожившим более 20 лет в сибирской ссылке. Петр назвал себя Ткаченко – настоящей своей фамилией. По пути мы разорвали на мелкие кусочки географическую карту, служившую нам ориентацией в пути, а это могло увеличить подозрение к нам. Когда нас привели в полицию, там был комендант села, староста, секретарь управы и полиции. Первый вопрос, который был задан, это: где еще два человека, о которых вы говорили? Теперь мы признались, что больше с нами не было людей и что это выдумка. Но комендант и слушать не хотел и все кричал, стучал кулаком по столу. Опросили каждого, откуда он и куда идет. Мы сказали, что идем из Севастополя, но о лагерях ни слова, что якобы, после падения Севастополя, мы, не будучи в плену, теперь идем в Сталино: Петр к родителям, я – к «дяде» (которого у меня никогда и не было в Сталино), а Саша, как самый молодой из нас, к бабушке. Я сказал, что житель Средней Азии, по национальности татарин, но так как у меня отчим якобы русский, то знаю хорошо русский язык и ношу его фамилию Коробков и что якобы моя фамилия по родному отцу Куртосман (так меня звали татары во Фрайдорфском районе, когда я работал там в РК ВЛКСМ в 1929 году). Единственный вопрос, на который я не придумал ответа, – это почему мы прятались в кукурузе и выглядывали оттуда. Поэтому мы сказали правду, что боялись полиции.

Вопросы коменданта и наши ответы переводил сам староста – немец, бывший житель того же района, как нам сказали потом уже крестьяне. Зная немного немецкий язык – сходный с еврейским, я понял, что староста был намерен нас отпустить и даже смеялся над Хорошуном за панику, которую он поднял, но комендант не согласился. Он приказал нас арестовать, пока выяснится, есть ли еще два человека и где они. Нас посадили в камеру за решеткой.

Два дня, 18 и 19 августа, мы сидели вовсе без пищи. Мы только и знали одну работу – бороться с насекомыми, которых завелось ужасно много. Никогда в жизни я не видел подобного, даже когда жил в самой, какая только может быть,

бедности. Теперь же, после лагеря, я чувствовал на себе то, о чем только слыхал. Первое время мне стыдно было даже перед товарищами делать то, что и они делали, но теперь и я боролся с так называемыми «гансами» в одежде. На третий день нас взял на работу под свою ответственность кучер сельуправы Парасочка. Мы веяли зерно, и он из дома принес нам два раза поесть. Вечером мы возвращались на ночлег в камеру. Проработали два дня, а затем вновь сидели за решеткой голодными. Вместе с нами были еще крестьяне за различные «дела» против власти (хищение, неподчинение председателям колхоза и др.). По «политическим делам» там не держали, а отправляли в район в Лепетиху. Мы ждали своей участи, но больше всего пугал голод, и на наши требования кормить нас полицаи отвечали грозно, что «нет у нас для вас хлеба». Только один раз какая-то женщина передала через решетку хлеба и супа, но мы так и не узнали, кто была эта женщина. Иногда к решетке подходили крестьяне, пришедшие к управе, и выражали нам сожаление и сочувствие.

25 августа мы решили позвать старосту к решетке и категорически ему сказали: либо расстреляй нас, либо корми и выпусти. Он ответил, что отправит в район на допрос, а оттуда нас отпустят домой. Когда нас стали выводить из камеры для отправки в район, брызнул дождь, а затем полил ливень, и нас вернули назад. Но вскоре приехал какой-то высший по чину начальник этих сельских бандитов, и нас допросили на месте. Вновь мы повторяли те же слова, что в первый вечер, и когда они убедились, что мы пленные, идущие домой, а не парашютисты, как предполагали, нас отпустили. Нас предупредили, что мы можем идти дальше или устроиться на работу в колхозе.

26 августа нас выпустили из камеры, и мы вновь вдохнули свежего воздуха. Надо было решать, что делать дальше. Долго советовались и пришли к выводу, что продолжение пути без единой справки, подтверждающей личность, опять приведет к полиции, но в другой раз может кончиться хуже, и мы, не достигнув цели, можем попасть в лагерь (выданные справки, что мы просидели с 18 по 26 августа, могли только

облегчить арест). Кроме того, мы были завшивлены, оборваны, голодны и измученные, кто знает, дойдем ли быстро до фронта, а если попадем в город, то еще хуже будет, так как из городов в поисках хлеба шли целые вереницы людей с тачками. Мы решили остаться в деревне, узнать обстановку, приобрести справки и тогда, если не приблизится фронт, пойти навстречу ему.

Петя в тот же день устроился на работу в мельнице кузнецом, а мы с Сашей пошли искать работу в колхозе. Не так легко было устроиться. В одном колхозе им. Кирова мы долго упрашивали председателя, но он ни за что не соглашался (это был подлец, которым крестьяне были недовольны). Председатель этот говорил, что если нас принять на работу, то надо кормить и одеть, а он не может этого делать. Два дня мы бродили по селу, выпрашивали хлеб и спали на конюшнях. На третий день после томительного ожидания голова колхоза им. Политотдела Нечепас Кирилл согласился нас взять на работу, в этом помогли колхозники, присутствовавшие при разговоре. Но прежде чем он нас принял, мы измучились в поисках квартиры, без которой он не допускал на работу. На квартиру нас никто не хотел брать, ибо были завшивлены и оборваны, но мир не без добрых людей. В соседнем колхозе одна бедная крестьянка, Настя Байрюк, имевшая на своем иждивении троих взрослых детей и одного в Красной Армии, сочувствуя нашему горю, временно приютила нас. В тот же день она прокипятила одежду, нагрела воду и помыла, как сына своего, накормила и сказала, что всегда будет делиться последним кусочком хлеба. Так она и дети поступали всегда, когда бы я ни пришел, а жить там не пришлось, ибо нас послали работать далеко от деревни. Никогда не забуду эту семью, сделавшую такое добро для меня.

Меня, как женатого, как приводил свои доводы Нечепас, послали пастухом в балку, в голую безлюдную степь, где была только одна землянка с тремя пастухами. Сашу, как молодого и неженатого, послали ближе на 6 км, то есть в 12 км от села тоже пастухом на ферму, где были пастухи, доярки и работала бригада.

Начался новый период жизни, о котором можно было написать много, но для этого у меня нет бумаги и пока еще мало сил, и поэтому оставим на другое время, ограничусь краткой записью этой, вернее сказать, не жизни, а медленной мучительной смерти.

Месяцы август–октябрь я провел в балке в качестве пастуха. Мучительные дни были так сходны друг с другом, что достаточно записать один день, чтобы вспомнить весь период. Еще до восхода солнца меня подымает старый пастух, дед (67 лет) Смолка Ал. Нестерович, и я направляюсь со стадом в поле. Когда набегаетесь, а скотина нажрется досыта (а узнается это полеганием), пригоняешь попить, и, пока скот полежит 30–40 мин., после того как запасешь воды из колодца, имеешь право отдохнуть и «позавтракать». Для завтрака достаточно одной минуты, ибо есть было нечего мне. Весь «рацион» состоял из супа, для которого выдавалось по 25 гр. подсолнечного масла на 5 чел. в день, по 300 гр. картофеля на день и немного пшена. Так что суп можно было стоя выпить и ждать до вечера. Хлеба получал только одну неделю, затем властями было запрещено давать хлеб пленным работникам в колхозе, пока не займут трудодни. Таким образом, до ноября месяца (т. е. пока заимел трудодни) я не знал вкуса хлеба. «Слюнки» текли, когда местные пастухи ели хлеб, сало и молоко, но там были такие обычаи, что никто не делился между собой, а тем более со мной. Изредка, когда приезжал крестьянин за телятником, он мне привозил кусочек хлеба, или когда я через 2 недели шел в деревню на однодневный «отдых», то кто-нибудь накормит, и то если сам догадается, ибо просить я не мог. После завтрака я вновь отправлялся на работу и до захода солнца не имел права вернуться обратно, иначе будет большой скандал от деда. Так я, одинокий, бродил по полю, вспоминая, мечтал и переживал за все, что со мной произошло. Я не был похож на человека, скорее на дикаря. Одежды не было, и поэтому весь день ходил буквально голым, и спина, грудь стали черными, как у негра, и сухими, как подошва. Находясь в степи, я останавливал прохожих

пешеходов, заводил беседы и выуживал, не знают ли они, где фронт. Когда вокруг никого не было, я становился на бугре меж скотом и во весь голос пел какие мне хотелось советские песни. А иногда, вспомнив о Родине, я загрущу и лягу на землю, усну после бессонной ночи, а проснувшись, приходится бежать за несколько километров – догонять скот. Вечером тот же рацион, но уже приготовленный не одним дедом, а с нашей помощью, – так было приказано. И хотя «продукты» те же, что утром, но вкус лучший, ибо мы в этом случае избегали соплей деда, которые всегда текли в казанок. Ночь на голой земле в вырытой землянке в одной телогрейке была тяжелее дня. Блохи и другие насекомые не давали заснуть, и я так мучился до рассвета. Саша изредка приходил меня навещать вечером после работы, то же делал я. Провожали друг друга эти 6 км и, как всегда, мечтали о Родине, родных, друзьях, рассказывали друг другу свою жизнь. Все я ему говорил, но о национальности даже ему боялся довериться, хотя он догадывался и часто предостерегал от неправильного произношения некоторых русских слов. Только два дня этого периода были для меня радостными – это дни, когда мимо балки проезжали на тачках учителя из Сталино с целью обмена вещей на продукты. Познакомившись с ними – педагог Борис Харитонович (кажется, Литвинов), его жена педагог Нина Бегунова, педагог Токмакова Татьяна и одна работница, я получил от них сочувствие моему горю, они подбодрили меня, накормили и двое суток ради меня стояли в посадке с выменянными продуктами. На третий день я их провожал до рассвета, и долго они стояли и плакали, жалея меня оставлять в этой безлюдной степи, а чтобы идти с ними, у меня не было ни документов, ни продуктов. Я обещал к весне, если не придут наши, быть у них в Сталино. Записал адрес (Артемовская улица, № 31 или другой – не помню, шахта 10-БИС, дом не помню). Я также прослезился и с болью в сердце вернулся к землянке к восходу солнца приступить к печальному дню.

Зимние месяцы мы провели в 12 километрах от Рогачика. В безлюдной степи стояла конюшня и кошара для овец, там же

«жилища» для пастухов — на земле, постеленной соломой. Здесь находились: дед Смолка — старик, работающий и справедливый человек, чабан — в прошлом раскулаченный — Онищенко Андрей, скряга в высшей степени, любитель командовать другими и издеваться над слабыми, молодой парень Зеленко Петр, во всем подражающий Онищенко, Саша и я. Позже еще пришел один пленный, удравший из лагерей и по пути обморозивший ноги азербайджанец Смаил Забеков, которому голова колхоза разрешил остаться, чтобы толочь просо для пшена, а это служило единственной пищей для нас.

Тяжелое это было время. С рассвета до темноты приходилось быть на морозе в лохмотьях с открытым телом. Мы были в порванных брюках, такой же летней рубашке, фуражке и телогрейке, через которую просвечивало тело. Уж позже, когда я простудился, мне одна крестьянка дала старые, порванные, но зато теплые брюки и рубашку, принадлежавшие ее сыну, находившемуся в Красной Армии.

По 5–6 раз в день мы кормили телят, а для этого надо было возить солому на маленькой тачке до 10 раз за день. А когда заберешься на скирду, то трудно удержаться, чтобы ветер не снес, особенно людей непривычных. Руки и ноги у меня замерзали, как только я выходил из конюшни, и в таком состоянии приходилось работать, изредка подбегая к плитке, чтобы нагреть руки и ноги. Помимо кормления скота, надо было накачивать воду около 200 ведер в день, поить скотину и чистить 3 конюшни от навоза, заменяя его свежей соломой. Тяжелой была работа, куда тяжелее летней, а питание еще хуже, ибо теперь картофель почти не давали и единственной пищей было «пшено» на 60–70 % с просом. Бедный Смаил не успевал, при помощи гильзы 45-миллиметрового снаряда, толочь просо и сварить 3 раза в день кашу. Когда же в каше было более 50% проса (что мы уже допускали, то всю злобу за эту жизнь мы взваливали на него, но он все отбивался и доказывал, что «черное — вовсе не черное, а белое». Хлеба у нас по-прежнему не было — до декабря пока дали по 300 гр. кукурузы в початках, из этого мы добывали муку с помо-

щью ручной мельницы, но и этих 300 гр. хватило только на 2 месяца. Иногда Смаил уходил в ближайшие деревни, выпрашивал хлеб и угощал меня с Сашей, когда был в хорошем настроении, мы же, я и Саша, просить не ходили. Помимо холода, голода, бессонных зимних ночей (ибо замерзали по ночам, а вши и блохи не покидали нас), нам приходилось терпеть издевательства кулака Онищенко и даже подростка Зеленко. Как бы мы ни работали, Онищенко все не был доволен: то не так повернулись, то не так вилы держим, почему курум, зачем отдыхаем и т. д. и т. п.

Несколько раз он намеревался бить, но когда он убедился однажды, что это для него кончится плохо, ибо мы втроем решили: если только он подымает руку на одного из нас, мы его убьем или задушим ночью и удерем, — он продолжал издеваться словами. То он кричал: «поганые интеллигенты», «жидовня» (хотя только один я был, но он и этого не знал), то бравовал работу, иногда жаловался голове колхоза, но тому было безразлично, кто как работает, ему бы лишь выпить самогону.

Иногда этот Онищенко становился сочувствующим, помогая нам воровать просо для обмена на табак, но, как мы узнали, это было результатом воздействия жены его, детей — Алеши (15 лет) и Анны (13 лет), которые сказали, что если он будет издеваться над пленными, то они с ним и говорить не будут, а также результат воздействия крестьян, которые его срамили на каждом шагу за нас. Он продолжал придирааться за то, что иногда, не зная украинских слов, мы не так быстро исполняли распоряжения. Так, он однажды мне сказал принести грабли, лежащие под «сволоке», я разыскивал их по всей конюшне, но так и не нашел. Оказывается, они были под потолком, а я-то не знал, что это за «сволок». Иногда в нашу защиту становился дед, и споры у них доходили до драки, а другой раз оба нападали на нас, лицемерно заявляя: «зачем нам ругаться из-за чужих людей, которые завтра могут уйти, а нам еще придется быть вместе». Онищенко спасло от нашей мести то обстоятельство, что он, зная наше настроение против фашистского режима, а позже, видя, как

мы распространяем советские листовки, никому об этом не говорил, боясь мести после прихода наших.

В эту зиму я сильно простудился, и все мое тело покрылось нарывами, одни — в виде фурункулов, другие — мелкие гнойники, температурил, но продолжал работать, пока не свалился совсем. Лежать в этой конюшне нельзя было, но и здесь пришли на помощь люди. В конце зимы мы познакомились с одной медсестрой, В.Матвеевой, которая была безработной, потеряла мать, брата угнали в Германию, а муж служил в Красной Армии. И теперь она была одна с ребенком 4-х лет и так же, как мы, а может быть и хуже, жила в землянке. Мы видели уже в первый день, когда нас — меня и Сашу — познакомили, как ребенок просит кусочек хлеба, а она только плачет, не имея возможности дать. Она нас приняла на квартиру, мы принесли свои заработки — граммы кукурузы и ячменя, привезли солому на топливо и сказали, чтобы она с ребенком ела, пока хватит этой «пищи», и что якобы у нас есть что кушать в степи. Иначе мы не могли поступить, ибо сердце болело, видя страдания несчастной матери с ребенком. То, что могли достать, — иногда пшена, иногда 20—30 гр. подсолнечного масла, — приносили ей по очереди, кто приходил на одно-, двухдневный отдых. В эти дни нашего прихода она нам давала помыться горячей водой, стирала и латала наши тряпки, что-нибудь варила для нас, отказывая себе и ребенку. И вот теперь, когда я заболел, не мог ни ходить, ни стоять и ни сидеть, ибо всюду были нарывы, хозяйка не пустила на работу и делала все возможное, чтобы помочь мне. Она доставала мазь «зеленку», парила, но ничего не помогала. Вскоре у нее и у ребенка тоже появились нарывчики, но в слабой форме. Чтобы купить лекарства, ни у нее, ни у нас с Сашей денег не было ни копейки. Пока была кукуруза, мы все ели хоть по кусочку хлеба и супа, сваренного из той же муки, но когда и это кончилось, мы терпели голод и медленно таяли — умирали. Иногда соседи приносили миску супа, картошки или кусочек хлеба — особо в этом отличались соседи — А.Г.Емельянова (портниха) и семья Маловичко. Иногда подруги Валентины приходили, принося с собой что-нибудь, но все это было редко.

Когда топлива не было, Валентина ходила с мешком в поле и на плечах приносила корешки растительности. Соседи, особенно «любопытные», стали интересоваться, почему она сама мучается, но помогает пленному, стали ее уговаривать, чтобы она призналась, что я еврей (хотя я ей не говорил об этом, но она догадывалась). Она рассказала мне обо всем этом и спрашивала, что делать. Я пытался уйти в степь, но не смог и до улицы дойти. Она оставила меня и сказала, что, если я не против, она, для удовлетворения «любопытных», скажет, что она замужем за мной. Она и все соседи знали, что у меня есть семья, но у меня другого выхода не было, и я сказал: «Говорите что угодно, мне все равно, если для вас так лучше, пусть будет так». Так и распространяли эти разговоры о замужестве, не зная истинного смысла. Об этой тайне знал только Саша, Смаил и, подслушивая нас, догадались дед и Онищенко, но не распространили. Прележал я около 4-х месяцев, с марта по июнь месяц. Когда я уже стал ходить, В.Матвеева переехала на полевую работу в совхоз, где ей дали место в общежитии и питание в столовой. Я явился к председателю колхоза просить работу. Он ответил, что пастухов не надо, но если я соглашусь взяться за восстановление запущенного виноградника, там же, где и скот находится, то он меня пошлет. Я согласился и поехал в свою балку. Это лето с 1/VII мы проводили вместе с Сашей, Исмаилом и еще одним пленным Степаном Редько (интендант, удравший из лагерей). Пришел я, как скелет, с еще не зажившими нарывами, меня не узнавали — такой я был страшный от болезни и голода. Теперь питание немного улучшилось тем, что была своя картошка, посаженная возле землянки, и огурцы.

Я занимался обрезкой винограда, пасынкованием, прополкой. Работал «с прохладцей», ибо сил не было и охоты не было. Подменял пастухов или пасли вместе, чтобы веселее было. От прохожих узнавали, где фронт, ожидали его с нетерпением. В степи вечером после работы мы садились вчетвером и мечтали, составляли планы перспектив, слушали стихи, которые писал Саша. Может быть, они не совсем складно были написаны, но были довольны, что это про нас

написано и нашим товарищем. Вот два из них, что я запомнил, и то не полностью. Один стих — о нас двух, т.е. обо мне и Саше, другой стих Саша посвятил моей жене.

*На горизонте догорал последний луч заката,
Все медленно и тихо меркло перед сном,
А вы, по родине два кровных брата,
В степи украинской блуждаете вдвоем.
Друзья мои! Я знаю, вы устали,
Пусть эта ночь пошлет вам сон,
И в этом сне вы б услышали
Часов Кремля, родной наш звон.
И этот звон вам путь укажет,
И вы, забыв про тысячу невзгод,
Уверенно и смело двинетесь вперед.*

А вот и другой стих, написанный Сашей под заглавием «Посвящено жене моего друга Лене»:

*Сквозь занавесу утреннего сна
Лицо твое тревожное я видел...
О неужели, милая жена,
Я в жизни тебя так обидел?
Приглуши печаль,
Отбрось страдальческие муки,
Тебе я через несколько морей
Жму крепко дружеские руки.*

Летние месяцы 43-го были напряженными для нас, мы радовались, ликовали по поводу приближения фронта, а значит, близости нашего освобождения, но вместе с тем мы боялись, чтобы враг не угнал нас в тыл. Много часов мы переживали страх, что перед самой близкой минутой освобождения нас угонят. Однажды нам сказал голова колхоза, что всех пленных соберут для отправки, и велел нам явиться в полицию, но мы не пошли, а прятались в саду и в деревне у моей первой хозяйки Байрюк Насти. Когда же пленных (кто явился по своей наивности) угнали куда-то, мы ждали, будут ли нас разыскивать, но через несколько дней все успокоилось, и тех, кто не явился, не искали. Об этом нам сообщили

крестьяне, и мы вновь приступили к работе. А голове колхоза сказали, что якобы мы опоздали к отправке, но потом он узнал, что мы никуда не ходили, но молчал, видно, он боялся нас выдать ввиду приближения наших.

В сентябре и октябре фронт приблизился. Появились наши самолеты, сбрасывали советские листовки, которые мы собирали, по многу раз перечитывали, а затем передавали в деревню, чтобы их бросили в немецкие машины или сами ходили и передавали из рук в руки. Особенно нас обрадовала листовка с изображением на географической карте главных ударов Красной Армии по врагу. Мы готовились прятаться у нас в садике – недалеко от землянки, для чего вырыли под терном яму и замаскировали кустами.

В октябре месяце наши войска были уже в 3 км от нашей землянки, но, как назло, остановились в д. Петровке и поселке Чапаев, от которого был всего километр до нас. Мы ждали, ждали каждый день нашего освобождения, никуда не уходили, и хотя было приказано угонять скот в тыл, но мы не подчинялись, и если днем погоним на 500–1000 м, то ночью возвращали его на прежнее место. А фронт все продолжал стоять, вплоть до 20 ноября.

ПЕРЕХОД К СВОИМ

Почти весь октябрь и половину ноября мы находились в своей землянке, ожидая нашего освобождения. Кроме меня, Саши и Степана, были Смаил и дед Смолка, т. е. 4 пленных и один местный житель. Мы ничего не делали, кроме как доедали свои последние продукты, кормили насекомых (вшей и блох) и находились в страхе, что если вот-вот наши не придут, то немцы, обнаружив нас, расстреляют как скрывающихся. Саша писал стихи, мы слушали, изменяли и критиковали, а при малейшем шорохе с улицы прятали стихи и географическую карту в печку.

Снаряды долетали до землянки и за нее, но мы все равно, как с наблюдательного пункта, рассчитывали, какой из

следующих снарядов может угодить в землянку. Ребята почему-то больше меня трусили, а я при каждом разрыве снаряда с нашей стороны повторял: «молодцы, братья, чуть-чуть бы левее, там немцы, а мы не хотим погибнуть от своего снаряда». Часто мы говорили друг другу: вот бы пришел хоть один наш разведчик, мы бы могли скорректировать огонь нашей артиллерии.

Не только некоторые товарищи побаивались артиллерийской дуэли, но даже на собаку по кличке Букет, находившуюся всегда рядом с нами, больно было смотреть, как этот пес прячется за наши спины, дрожит и боится выйти из землянки. Жить в землянке стало опасно, хотя она не видна со стороны, а мы все видели, но немцы могли в любой момент наскочить и прикончить нас. Продукты кончились, и надо было что-то предпринять. Мы высматривали пути к передовой, но во всех лощинках видели сидевших немцев, так что пройти незамеченными было невозможно, а оружия не было. Осталось два выхода: либо уходить в тыл и тогда продолжить свои страдания, либо на свой риск ждать возможности перехода или освобождения. Дед Смолка первым ушел в тыл, надеясь найти семью, за ним на второй день ушел азербайджанец Исмаил Забеков, который попросту трусил, остались мы втроем: Саша, Степа и я. Мы пробыли еще несколько дней, не выходя из землянки, а фронт все стоял на месте. Числа 14 или 15 ноября от проходившей мимо крестьянки мы узнали, что наши заняли Рогачик. Обидно нам стало до слез, что мы не в Рогачике прятались, а думали, что ближе к фронту скорее будем освобождены. Ребята ругали меня, почему я предложил прятаться в балке, а не в деревне, но разве я был виноват, ведь я хотел как лучше и думал, что из деревни скорее немцы угонят, чем из дикой степи. Мы решили пойти на Рогачик и обратиться к своим, зная хорошо этот путь — до подсобного хозяйства колхоза «Велетень», где стоял фронт. Целую ночь мы бродили, ползли и только на рассвете были уже у самой цели, но нас заметил верховой немецкий солдат. Он остановил нас, допросил, куда и откуда идем, и потребовал документы. Мы

были готовы к ответу — сказали, что пасли скот в балке, а теперь идем домой в Рогачик (притворяясь, что мы ничего не знаем), показали свои удостоверения, которые в октябре получили в колхозе, о том, что мы жители Рогачика. Фриц нас повел к какому-то унтер-офицеру, который после допроса сказал, что в Рогачик нельзя пройти, там фронт, а население оттуда эвакуировано. Он приказал идти на Каменку. Мы направились якобы на Каменку, но пошли через знакомую нам балку, однако там нас задержали и привели на хутор Шевченко, что был напротив нашей землянки. Там мы повторили то же самое и показали нашу землянку, где оставались еще все наши вещи. Фашисты пришли в землянку, убедились, что мы пастухи оттуда, и заставили разобрать землянку, увозя доски и рельсы. Нас держали несколько дней, заставляя работать, — копать ямы для машин, деревья срезать, соломой таскать и др., и сказали, что через 3 дня, т. е. после 19 ноября, нас отправят в тыл — в Каменский лагерь. 19 ноября нас не отправили. Перенесли на 20-е, но 20-го им уже не пришлось отправлять нас, ибо они не успели и своих ног унести.

20 ноября, приблизительно в 7 или около 8 часов утра, грянул гром: заговорили наши батареи. Вначале огонь велся до хутора, затем был удар нанесен по хутору.

Наши артиллеристы замечательно били по цели и сразу навели панику на фашистов, которые заметались и стали быстро готовиться к бегству. Мы поняли, в чем дело, как только услышали артподготовку, по силе которой можно было определить, что идет наступление. Пока враг прятался от снарядов и собирался наутек, мы воспользовались этой паникой и забежали за одну из конюшен, затем увидели небольшую яму и бросились туда. Еще одно мгновение — и мы бы были раздавлены в этой яме, так как удирающий фриц прямо наехал на нас тяжелым грузом. Я и Степан успели выскочить, а Саша считал себя погибшим, но, на наше счастье, подвода зацепилась за дом, ибо лошадь и ездовой испугались разрыва, и Саша выполз через колеса. Мы бросились в кусты, затем вновь в окопчик, но чтобы нас не видели отступающие гансы,

мы укрыли окопчик тяжелым цинковым корытом, а с боков наблюдали за отступающими немцами. Как только фашисты удрали с хутора, они начали сильный артогонь по хутору, чтобы не дать нашим войти. Это было что-то ужасное, обе стороны били по этой площади. Появилась наша авиация, которая преследовала фашистов. Снаряды падали у самого нашего окопчика. Саша предложил бежать с этого места на другой хутор, но я категорически отказался, сказав, что либо погибну на месте, либо проберусь к своим. Меня поддержал Степан, а Саша колебался. Наш спор решили два одновременно разорвавшихся снаряда, и весь металл обвалился на нас. Часть осколков пролетела мимо, другая ссыпалась на нас. Саша и Степа сидели на дне окопчика головами к корыту, а мне не было места, и поэтому я стоял между ними, наклонив голову и спиной почти касаясь корыта. Когда вокруг стало темно и осколки посыпались на корыто (ваганы), я только крикнул: «Ребята, нам конец». Больше я ничего не помню, что произошло. Я только почувствовал, как мне что-то обожгло спину, и остался без сознания.

РАНЕНИЕ И ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ. В ГОСПИТАЛЕ

Сколько времени прошло, я не знаю, но, опомнившись, я крикнул: «Степа! Саша!». Ответа не последовало. Я толкнул одного и второго, но они были неподвижны, мертвы, они только наклонили головы и были залиты кровью, которая текла из головы и как будто из груди. Ничего не мог я разглядеть, я думал, что это сон, и я проснусь или усну навечно. Еще немного посидел, думая, что скоро и я кончусь. Однако я был жив, но я не мог оставить своих друзей, с которыми перенес столько горя, и осталось несколько минут, чтобы достичь своего освобождения из рабства. Я попробовал головой поднять ваганы, но они не поддавались, выйти из окопчика нельзя было, ибо товарищи своими телами преградили путь, а наступить на них совесть не допускала.

В конце концов заговорил инстинкт самосохранения, и я, опершись на тело Степана, с трудом просунул голову, но тело не проходило через узкое отверстие. Тогда я, собрав последние силы, с разбитой спиной, чуть-чуть приподнял ваганы, выполз. От струи воздуха голова закружилась, и я упал.

Снаряды рвались вокруг. Левый глаз был закрыт, левая рука не двигалась, когда я провел рукой по лицу, обнаружил кровь, и я думал, что глаз выбит. Товарищи, мои дорогие друзья, имена которых всегда будут жить во мне, продолжали оставаться неподвижными. Я бросился бежать по направлению к нашим, но упал. Заметив приближение нашей цепи, я пополз и добрался до первой линии. Я хотел целовать каждого бойца, целовать землю своей родины, но я упал. Прибежал санитар, я ему рассказал в трех словах, кто я, он посмотрел на мой ужасный вид — лохмотья и измученное тело и тотчас же разрезал телогрейку и рубашку, сказав: «О друг, не знаю, как перевязать тебя, у тебя вся спина разбита». Я просил как-нибудь забинтовать и отправить в санчасть. Он забинтовал спину и в паху, но в санчасть отказался везти, ибо не мог оставить товарищей без помощи. Санитар меня завел в помещение и сказал, что, когда бой закончится, меня увезут отсюда. Я лег на кушетке и укрылся оставленными немцами одеялами. Трое суток лежал я одинокий, без пищи и помощи. Меня трусило и страшно хотелось пить, я встал и увидел в бутылке какой-то напиток, который я выпил, а это была водка, и, видно, я уснул. Ночью я проснулся от холода, пробовал укрыться одеялами, но как только подтянул руку, то упал на пол. С трудом я взобрался на кушетку и больше уже не мог вставать. Я выплевывал кровь, мочился под себя и начал стонать, и так в течение трех суток. Теперь я впервые просил смерти, ибо тяжелы были страдания одиночества и беспомощности. Снаряды рвались во дворе и в доме, я слышал, как рушатся стены то сзади, то впереди, то правее. Я стал ждать минуты, когда снаряд разорвется в моей комнате и облегчит страдания, но это была какая-то «волшебная комната», которая оставалась нетронутой. Бои не прекращались, наши стояли по одну сторону хутора, немцы — по другую. Изредка днем, а в большин-

стве ночью заходили на мой стон командиры и бойцы. Они расспрашивали меня, кто я, смотрели одежду, справки, одни обещали помочь, другие ничего не обещали, принесли хлеб, который я не мог есть. На третьи сутки какой-то лейтенант связался с комбатом, и меня по его приказанию взяли на подводу ночью и доставили в д. Петровка. Сделав перевязку, меня отвезли в МСБ деревни Б. Белозерка. Там ко мне отнеслись очень хорошо: вытащили некоторые осколки, промыли глаз, который был цел, забинтовали, влили физраствор, сделали уколы и все время держали на морфии. Кормили ложечкой, заставляя что-нибудь поест, но я не мог есть и лежал неподвижно. Врач сказал: «Сестра, вы его спасете только питанием, насильно кормите его». Через несколько дней я был перевезен в М. Белозерку, а оттуда целую ночь под дождем «ехал» на вагонетке до станции Пришип. Тяжел был этот путь, но еще тяжелее было трое суток лежать на мокрой земле, под ливнем, в палатке на станции. Когда освободились места, меня повезли на волах в госпиталь деревни Фридриксдорф. Из этого госпиталя я попал в г. Сталино, где по недосмотру врача попал в госпиталь для легкораненых, но потом в тяжелом состоянии перевезли в прежний 504-й эвакогоспиталь. И после рентгена 5/1 поехал в Кисловодск. Об этом длинном пути, хоть и тяжелом, но радостном, ибо это была моя родная земля, родные люди, опишу после выздоровления.

УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ С СЕМЬЕЙ И ТОВАРИЩАМИ

Еще из других госпиталей я послал письма по известному мне адресу, куда эвакуировалась семья, в Фергану. 12 января 1944 г. я попал в госпиталь 2047 и 14/1 послал телеграмму с сообщением адреса, и через 8 дней получил одновременно письма от Ленцы из Москвы и от родителей из Ферганы. Разве можно описать мою радость, охватившую меня, когда я узнал родной мне почерк, а затем уже и о жизни всех, из пи-

сем, которые почтальон продержал 3—4 дня, не зная, кто этот новый больной. Я целовал эти письма, как будто это были их авторы, я уже не спал ночами, все думая о них: о жене-друге, о дочке, которая выросла неузнаваемо, о родителях, о счастье, которое они, как миллионы других, имеют, живя в советской стране, не видя ужасов фашистов. Я думал и постоянно себе говорю о дорогой для нас родине, о партии и великом Сталине, которые дали нам жизнь, научили жить и избавили наш народ от диких кровожадных зверей — фашистов. Я думаю, что мы не умели должно ценить жизнь в нашей стране, ибо были молоды и воспринимали все как обыденное.

С тех пор, как получил первое письмо, я почти ежедневно получаю вести от семьи, и через Ленцу обо мне узнали товарищи, которые также меня не забывают. Сколько радостей в письмах, сколько хороших, дружеских, ласковых слов ко мне! Какой замечательный друг, товарищ, мать нашему ребенку моя жена Ленца! Она не только сохранила семью, но она еще успела 3 года проучиться в мединституте, одновременно воспитывая дочь и поддерживая семью. Да, я не умел ценить своего друга — жену, хотя и жили мы хорошо и многие нам завидовали, но Ленцу надо ценить гораздо больше, чем себя. И теперь, когда у меня бывает плохое моральное состояние, что объясняется и плохим здоровьем, и еще неразрешенным вопросом о моих документах, я нахожу в письмах как поддержку, так и правильные большевистские толкования, ведь Ленца теперь, кроме жены, матери и друга, еще и кандидат ВКП (б) и говорит со мной и как с мужем, и как с коммунистом.

Да, Ленца права, говоря, что днем моего рождения теперь будет тот день, когда я вернулся к своим — на свою родину, к своей партии, к своей семье. Этот день будет 20 ноября.

Я также никогда не забуду, с каким восторгом меня встретили родители жены, а значит, и мои родители. Я для них так же дорог, как и дороги их дети, у них нет грани между дочерью, сыном и мной. За это я их люблю, уважаю, ценю и еще больше буду ценить в будущем. Лучше родного брата люблю Леню и Любу, ценю их и уважаю. Я не знаю, где моя мать и братья, возможно, что они, как миллионы других жителей нашей ро-

дины, пали жертвами кровавого фашизма, но я узнаю, я буду за это мстить врагу на войне и после войны, я буду уничтожать каждого немца, которого встречу как оккупанта. Кровью врага я отомщу за слезы и кровь своих близких, за слезы, и кровь, и разрушения, причиненные варварами нашему народу.

Больше всех, от всего сердца, всеми своими чувствами я благодарен Матери-Родине, своей большевистской партии, которая, как и многие миллионы советских людей, меня воспитала, обучила и научила замечательным качествам большевика — жить, бороться и побеждать.

20 марта 1944 года,

4 месяца моего возвращения.

Кисловодск, госпиталь № 2047

Е.Курицман

Семья. 50 на 50

Так получилось, что оба деда, Ефим и Самуил, по материнской и отцовской линиям, родились в одном городе Проскуров Подольской губернии. Это первые 50 на 50. Проскуров – город черты оседлости. Половина населения на рубеже XIX–XX веков – евреи. Вторые 50.

В Проскурове (ныне Хмельницкий) в XVII веке жил и работал основоположник хасидизма Баал Шем Тов (Бешт). В наши дни хасидизм – наиболее мощная ветвь иудаизма. А тогда в XVII веке после зверств Богдана Хмельницкого души евреев были загнаны в угол, и только Бешт смог дать им надежду. Уже в XX веке произошла другая страшная трагедия, вошедшая в историю как «Проскуровская кровавая бойня». На протяжении трех дней петлюровский полк гайдамаков резал и расстреливал евреев: женщин и детей, стариков и мужчин. Единственный в Украине памятник жертвам погромов установлен в Проскурове. Итак, тьма и надежда. Третьи 50 на 50.

Дед Ефим, как иллюстрирует эта книга, – человек, создавший себя сам, член партии, прошел путь от сапожника из Евпатории до руководителя главка. Дед Самуил получил образование во Франции и России, знал несколько европейских языков. Смотрел открытыми глазами на советскую действительность, сохраняя семью от невзгод. 50 на 50.

Дед Ефим был, говоря современным языком, топ-менеджером в агросекторе, новатором в области хранения фруктов и организации хозрасчета в сельском хозяйстве. Судьба распорядилась так, что автор этих строк – его внук – впервые в Крыму стал выращивать сады по современным технологиям, наладил производство соков для детей и построил завод по производству полуфабрикатов из крымских фруктов. Снова 50 на 50.

Эмоциональное начало во мне от мамы, рациональное – от папы. 50 на 50.

Деду было 50 лет, когда я родился. Сейчас 50 мне, а ему исполнилось бы 100.

Тетрадь фронтовых снимков выполнена Л.И.Яблонским, братом жены моего деда. На войну Леонид ушел добровольцем. Фотокорреспондент фронтовых газет, был дружен с К.Симоновым, снимал Ялтинскую конференцию, прошел сталинские лагеря. Настоящие друзья с дедом Ефимом, всегда плечом к плечу, поддерживая друг друга и семью. 50 на 50.

Семья много значила для деда. Его отец рано уехал на заработки в Аргентину и не вернулся. Мать расстреляли фашисты. Поэтому, создав свою семью, он много в нее вкладывал и подпитывался ею. Семья – то лоскутное 50×50 одеяло, которое укутывало, согревало и меня. Семья – та школа, которая воспитала меня на примерах собственных судеб. Семья создала генную подушку безопасности, позволяющую выносить невзгоды. Семья – это мои мама и папа. Издание этой книги посвящается им.

А.Шустерман

Леонид Яблонский

фотографии с фронта

Смерть немецким оккупантам!

Вперед за С

АРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА | ПРОЧИ И

СРЕДА, 23 СЕНТЯБРЯ

ПУЛЕЙ, МИНО
И ПО ФАШИСТСКИ

Город Ирмино. Отступая, фашисты подожгли школу

Переход через озеро Сиваш

После форсирования Сиваша

За Родину!

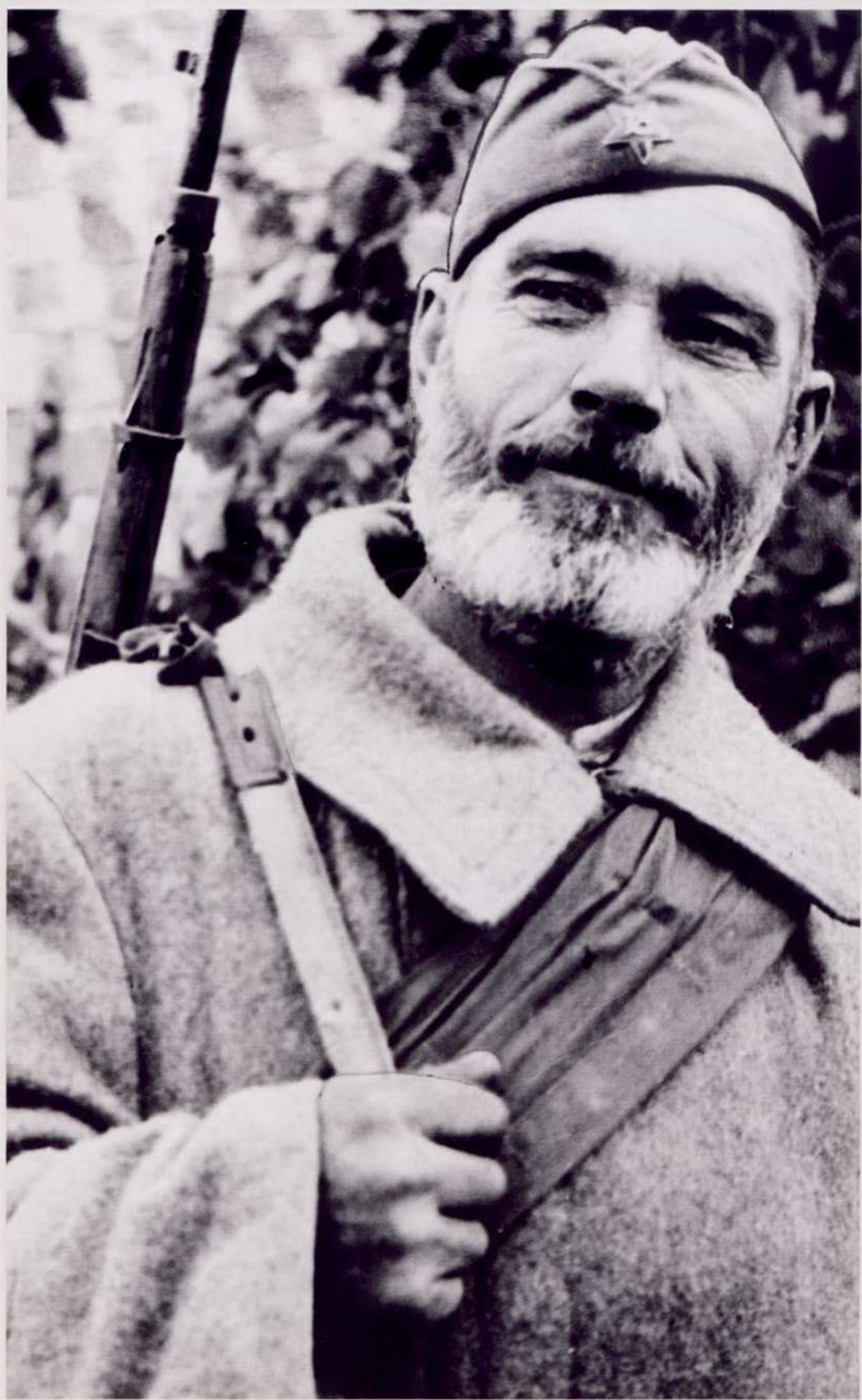
Бой за Донбасс

В бою на крымской земле

Три товарища

Ополченец

Перед боем

Подносчик снарядов

Саперы за работой

В засаде

Бои под Батайском (1942–1943 гг.)

Рядовой автоматчик

Орденосец

Лейтенант медслужбы С.Г.Коваленко вынесла с поля боя
около 300 раненых бойцов

Старший лейтенант Петр Блюм

Разведчики

Бой на Крымском валу

На передовую привезли свежую газету

Редакция газеты 51-й Армии «Сын Отечества».
Набор очередного номера

Бронебойщик Сергей Яблонский в бою подбил
семь вражеских танков

Перед вылетом на задание

Байки в час затишья

Минометчик

В боях за Крым

Рядовой пехотинец

Багеровский ров. Не забудем, не простим!

Направление – Запад!

Пленные

Пленные румыны

Допрос пленного

СМЕРТЬ
ПРЕДАТЕЛЮ
РОДИНЫ
КРОВЬ ЗА КРОВЬ
СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

КУШНИР ПЕТР П

КАЗНЕН СОВЕТСКИМ ПРА
ГНЕВОМ НАРОДА 6

ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ У
ЧИКОВ С 1942 Г В ДОЛЖН
ПОЛИЦИИ ПО ОХРАНЕ ЛАГ
КРАСНОДАРЦЕВ НА ШАХТ
РАЙОНА СТАЛИНСКОЙ ОБЛ.
ЗА ЭТОТ ПЕРИОД КУШНИР ВМ
УБЕРСКИ ЗАМУЧИЛ И УБИЛ 20
БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ КРАС
— ИЗ НИХ ЛИЧНО САМ

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ
ПРЕДАТЕЛЯМ

В карауле

Дед Оленчук показывает брод через Сиваш
начальнику штаба 51-й Армии генералу Дашевскому

Сын полка

Офицеры полка

Ялтинская конференция. Февраль 1945 г.

Константин Симонов и Леонид Яблонский на аэродроме под Джанкоем.
Осень 1941 г.

Леонид Исаакович Яблонский родился 17 октября 1914 года в городе Херсоне, отец – Исаак Лейбович – фотограф, владел в Херсоне фотосалоном. Мать – Софья Иосифовна воспитывала двоих детей – Лену и Лёню.

В детстве Лёня заболел столбняком, и как результат – туберкулёз позвоночника. Чтобы спасти сына, пролежавшего четыре года в гипсе, семья переезжает в Крым в город Симферополь поближе к рекомендованным врачами евпаторийским горячим пескам.

В результате перенесённой болезни Леонид Исаакович всю жизнь был вынужден носить кожаный корсет. Так было и на фронте, куда он ушел добровольцем, так было и в тюрьме, где он находился по сфабрикованному обвинению по 58-й статье за антисоветскую пропаганду и террористические настроения в начале пятидесятых.

Вернулся Леонид Исаакович в конце 1955 года, после реабилитации работал в газете «Красный Крым», позднее переименованной в «Крымскую правду». Параллельно работал в фотохронике ТАСС фотокорреспондентом по Крымской области.

Автора этого дневника – Ефима Курцмана и автора фронтовых фотографий Леонида Яблонского связывали не только родственные чувства (жена Ефима Курцмана – Елена Яблонская родная сестра Леонида), но и большая дружба, которую они пронесли через всю жизнь. Оба занимали активную жизненную позицию в мирное время, а грянула война, ушли на фронт. Прошли через суровые испытания: ранения, госпитали... но им повезло: оба вернулись домой!

В годы войны Леонид Яблонский – фронтовой фотокорреспондент газеты «Сын Отечества» 51-й Армии. Был награжден орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией».

В честь Леонида Яблонского названы его внук и правнук. Жизнь продолжается...

Содержание

<i>Близкие звезды Н.Астахова</i>	5
<i>Проживая жизнь набело. М.Шустерман</i>	13

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945

<i>Дневник Курицмана Ефима Моисеевича</i>	21
Цель моего дневника	23
Июнь–август 1941 г.	24
Сентябрь 1941 г.	26
Первые бои полка	27
Октябрь 1941 г.	32
В политотделе 172-й стрелковой дивизии	34
Ноябрь 1941-го – июль 1942 г. Севастополь	41
Подготовка к майско-июньским боям	49
Авиационное наступление противника	56
Бои под деревней Бельбек	60
Отвод нашей дивизии в тыл Севастополя	73
Наше сопротивление после падения города Севастополя	78
Первый побег из рук врага	85
Ночные походы к фронту. Второй побег. Дневные походы ...	95
В селе Верхний Рогачик	107
Переход к своим	119
Ранение и первая помощь. В госпитале	122
Установление связи с семьей и товарищами	124
<i>Послесловие. А.Шустерман</i>	126
<i>Фотографии с фронта. Л.Яблонский</i>	127

Куда? Киселоводск
 Эвакугоспиталь № 2047
 5 кор. 1 палата 43
 Буричану
 Моисеевичу

-Крепость, когда там были только развалины,
 одни камни. Нигде не было и одного ученого
 здания не говорю уже о военных объектах.
 Все это нельзя было увидеть - было взорвано,
 даже громадные
 взрываются.

С падением Инкермана были
 должны сопровождать наши войска про-
 еще никто не видел на равнине за сараем,
 получивший надежду на возмездие
 это уже на возмездие
 с военной врага. Однако

пал, но он
 войне ибо
 у своих со-
 ем не дал
 другой пере-
 защитники
 немецких солдат и офицеров
 ный ущерб понесли немцы

СМЕРТЬ НЕМЕЦ

ВОИ

то немецким оккупантам

ПРОСМОТРЕНО
 6/AT

Т. В. М. Раб

технике, говорить не прихоту

В последние часы войны
не помню, когда вопрос о формировании
дивизии был снят, Командующий Армии
разрешил нашему штабу и полководцу
выехать из Севастополя. Под большим
опасности и риска мы пробирались к бухте
кажется

возможна
или по
наше

неко
ми в район
и команди
со

Г. Касановский. № 6.
Общий вид на станцию ж.д. и Бурлаки.

...о раз...
...ного учелев...
...о военных об-р-ках.
...ошвееч-Бого взор Б-го,
...в Инкермане Гич
...зидан.
...наши войска про-
...на равнине за сараем,
...надежду на возмощное
...и отбросить в яма. Однако
...не было целесообразности
...зрения. Хотя Севастополь
...большую роль в отечестве
...250 дней он держал
...армию противника